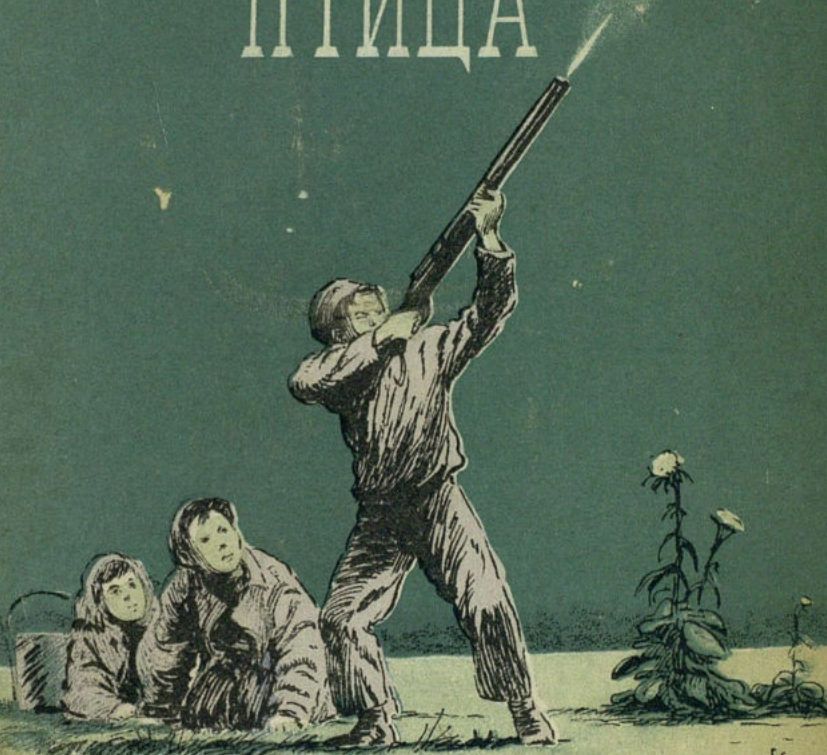

Ю. СОТНИК

НЕВИДАННАЯ ПТИЦА

ДЕТГИЗ 1950

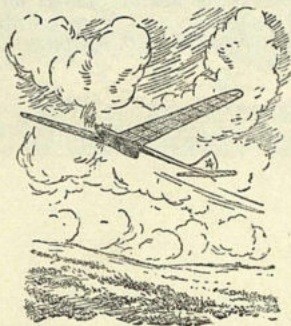

ЮРИЙ СОТНИК

С67

НЕВИДАННАЯ ПТИЦА

РАССКАЗЫ

*Рисунки
И. Семенова*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1950 Ленинград

К ЧИТАТЕЛЯМ

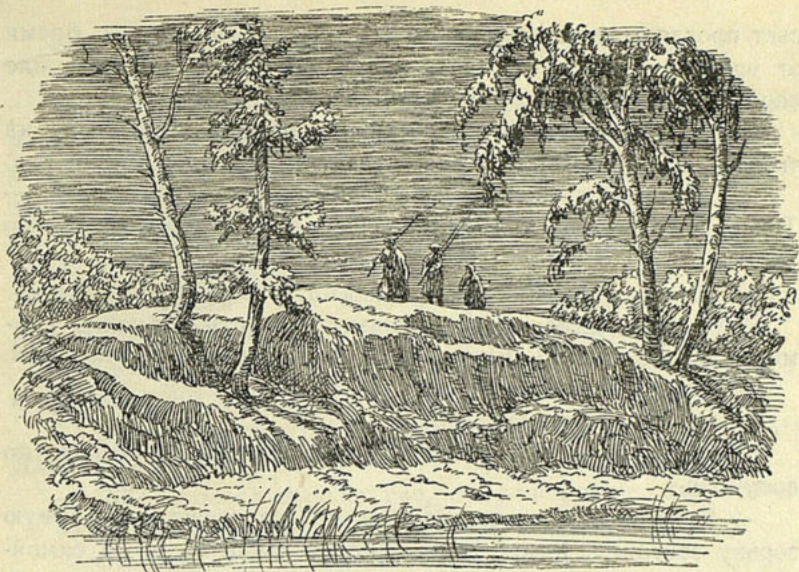
Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу: Москва,
М. Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

62686

694987 шк пер

Российская государственная
детская библиотека

~~ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
БИБЛИОТЕКА~~

НЕВИДАННАЯ ПТИЦА

По тропинке, что вилась над обрывистым берегом реки, шли с удочками трое ребят. Впереди шагал Вася в отцовской шинели, просторным балахоном свисавшей до самых пят, и в пилотке, сползавшей на нос. За ним шел Дима — сын врача, который снимал комнату у Васиного отца. Сзади всех, придерживая у подбородка края накинутаго на голову теплого платка, семенила младшая Васина сестренка Нюша.

Солнце зашло недавно, однако было темно, как ночью, потому что небо закрывали густые клубящиеся тучи. Изредка и не надолго тучи разрывались, и в образовавшийся про-

свет проглядывали зеленоватое небо и бледные звезды. Время от времени набегал ветерок, и тогда большое ржаное поле справа от тропинки глухо шелестело колосьями.

Слева, под обрывом, поблескивала река, а за речкой, на низком берегу, почти у самой воды, топорщился черный лес.

— Полпути прошли, — не оборачиваясь, сказал Вася. — Теперь еще метров триста и — вниз, а там такой омут, что ахнешь.

— Такой омут... мне аж с ручками, — подтвердила Нюша.

Дима шел, зажав удочки подмышкой, сунув руки в карманы серого пальто. Вид у него был сонный, недовольный.

— Глупо! — сказал он зевнув.

— Чего? — обернулся Вася.

— Глупо было так рано выходить. Могли бы поспать до полуночи.

— Рановато, конечно, зато у костра посидим и самую зорьку застанем. У нас знаешь какая рыба? Если на самой-самой зорьке придешь — килограмма три наловишь, а чуть солнышко показалось — и как отрезало, не клюет.

— Ну, насчет трех килограммов это вы, Васечка, того... Немножко хватили.

— Ну, три не три, а знаешь сколько я прошлый раз наловил? Восемь штук вот таких ершей да еще две плотички.

— Так бы и говорил «восемь ершей». А то — три килограмма! Любишь ты фантазировать!

Вася больше не спорил. Он замедлил шаги и приглушенно сказал:

— Нюшк!

— А?

— Покажем Димке то место?

— Ага! Дима, сейчас мы тебе такое место покажем!.. Ты прямо умрешь со страху.

— Какое место?

— Увидишь... Васька, ничего ему не говори!

Вася прошел еще немного и вдруг остановился.

— Тут, — сказал он шопотом.

На том берегу у самой воды росли две большие корявые ветлы. За ними виднелась лужайка, отлого спускавшаяся к реке, а в конце лужайки, наполовину закрытые ветлами, неясно белели стены большого дома.

Нюша крепко держалась за рукав Диминого пальто:

— Страшно как!.. Вот увидишь.

Вася подошел к ним поближе. Его лицо, овальное, с носом, похожим на кнопку, было очень серьезно.

— Слушай! — шепнул он и, набрав в легкие воздуху, крикнул: — Эй!

— Эй! — слышалось с того берега, да так громко, что Дима вздрогнул.

— Эй! — донеслось еще раз, но уже глуше, отдаленней.

— Эй, — отозвалось где-то совсем далеко.

— Страшно, да? — спросил Вася.

Дима пожал плечами.

— Страшного ничего нет... — начал было он и осекся.

— ...ашного ничего нет, — отчетливо сказал противоположный берег.

— ...ничего нет, — прокатилось в конце лужайки.

— ...чего нет, — замерло вдали.

Дима помолчал и продолжал, на этот раз шопотом:

— Обыкновенное эхо. Отражение звука.

— Сам знаю, что отражение, а все-таки боязно. Будто кто-то в развалинах сидит и дразнится.

— В каких развалинах?

— А вон там. Видишь, белые? Там санаторий был, а в сорок первом его разбомбило: фашист не долетел до Москвы и все фугаски тут побросал.

— Восстанавливают его?

— А что восстанавливать? Только две стены остались.

— Говорят, новый построили. В другом месте, — добавила Нюша.

Ребята помолчали. Никому больше не хотелось тревожить эхо. Над рекой стояла мертвая тишина.

— Идем? — прошептал Вася.

— Пошли! — ответил Дима, но ребята не успели двинуться с места.

Нюша случайно оглянулась на ржаное поле, колосья которого сливались вдаль в темносерую муть. Мальчики заметили, что глаза у Васиной сестренки странно расширились. Взглянули и они в ту сторону, куда смотрела Нюша. Взглянули — и на мгновение оцепенели.

Над рожью по направлению к ним, быстро увеличиваясь в размерах, неслась какая-то тень. Прошло не больше секунды. Нюша тихонько вскрикнула и присела, мальчики словно по команде припали к земле.

В каких-нибудь трех метрах от ребят пролетела огромная, невиданная птица. Распластав в воздухе черные крылья, она мелькнула над тропинкой, бесшумно скользнула над рекой и скрылась в темной листве одной из ветел, что росли на противоположном берегу. Оттуда донесся легкий шорох, потом все стихло, как будто ничего и не было.

Очень долго ребята боялись шевельнуться. Нюша сидела на корточках, закрывшись платком. Мальчики стояли на коленях, опираясь на локти, пригнув головы к земле. Лишь минуты через две Нюша тихо прошептала:

— Вася!.. Ой, Вася!.. Что это такое было?

Вася осторожно приподнял голову, поправил пилотку.

— Дима... Видел?

Тот молча кивнул головой.

— Птица, да?

Не меняя позы, Дима пожал плечами.

— На ту ветлу села. Да?

Дима опять кивнул.

Вася медленно выпрямился, но продолжал стоять на коленях. Все трое смотрели на ветлу за рекой. Однако в темной листве ее ничего невозможно было разглядеть.

— Орлов таких не бывает, — снова зашептал Вася. — И журавлей таких не бывает: каждое крыло больше метра!

— Такой... только этот... кондор бывает, — сказала Нюша.

— Кто?

— Кондор. Помните, в «Детях капитана Гранта»? Как он мальчишку унес...

Все опять умолкли. Ветлы на том берегу были совершенно неподвижны, и оттуда не доносилось ни звука.

— Притаилась. Высматривает нас, — прошептал Вася.

Дима припал еще ниже к земле и пополз в том направлении, откуда они пришли. За ним поползла Нюша, скребя землю носками маленьких сапожек, за Нюшей — Вася, путаясь в своей шинели.

Пилотка опять съехала Васе на глаза. Он наткнулся лицом на кустик репейника и вскрикнул.

— Ой! Ой! Ой! — трижды отозвалось за речкой.

Все трое вскочили, словно подброшенные, и помчались вдоль обрыва.

Метров триста, если не больше, бежали ребята, пока не очутились на улице маленькой деревушки, у ворот своего дома. Остановившись, они долго не произносили ни слова. Все трое только тем и занимались, что дышали. Дима обмахивался кепкой, Нюша махала приподнятым над головой краем платка, Вася вытирал лицо пилоткой. Взмокшие светлые волосы его торчали вихрами во все стороны.

— Глупо! — сказал наконец Дима.

— Чего глупо?

— Кондоры в Советском Союзе не водятся.

— А что же это тогда за птица?

— Такие большие птицы у нас вообще не водятся, — решительно сказал Дима.

Вася пристально смотрел на него:

— Димк!

— Ну?

— А вдруг это взаправду кондор? Случайно залетел...

— Чепуха! Таких случайностей не бывает.

— А вдруг... вдруг это вовсе неизвестная птица!.. Подстрелить бы ее, а? Вдруг это для науки такое значение, что... — Вася помолчал, словно к чему-то прислушиваясь, и вдруг бросился в калитку: — Погодите! Я сейчас.

Вернулся он скоро. В руках его было отцовское двуствольное ружье, вместо шинели был надет старенький пиджачок с куцыми рукавами. Пилотку он оставил дома. Он подбежал к Диме и раскрыл перед его носом ладонь, на которой блестяли две медные гильзы:

— Во! Жаль только, что бекасинник. Пошли, попытаемся, а?

Дима отодвинулся от него на шаг:

— Что «попытаемся»? Что ты еще выдумал?

— Подстрелим ее, птицу эту. Вдруг — научное значение! Пошли?

Вася зашагал по направлению к околице. Нюша и Дима очень неохотно двинулись за ним.

— Васька, чего ты выдумал! Никуда я не пойду, — сказала Нюша.

— И не ходи. Мы с Димкой вдвоем...

— Со мной? Ну нет! Я не такой дурак.

Вася остановился:

— Не пойдешь?

Дима пожал плечами:

— Что я там не видел? Думаешь, очень интересно гоняться за какой-то птицей, которая давно улетела?

— А если не улетела? Если у нее гнездо на той ветле?

— А если нет гнезда?

— В лесу пойду искать.

— А если не найдешь?

— А если найду?

— А если и найдешь, все равно дробью не застрелишь. Только разозлишь ее, она тукнет тебя клювом по голове, вот тебе и капут.

— Ну и пусть капут! Значит, погиб за науку.

— Все героя из себя корчишь, да? А хочешь знать: может, это самая обыкновенная птица. Может, нам только показалось, что она такая большая.

— Так всем сразу и показалось?

— А что ты думал? Бывают оптические обманы.

— Ну тебя! С тобой говорить-то... — Вася махнул рукой и быстро зашагал.

Нюша побежала рядом с ним.

— Вася, я пойду, только я близко подходить не буду. Ладно?

Дима постоял с минуту на месте, пожал плечами.

— Глупо! — сказал он громко и поплелся вслед за уходящими ребятами.

* * *

И вот началась охота на невиданную птицу.

Идя по тропинке над обрывом, Нюша все время повторяла: «Вася, я больше не пойду, я боюсь», но все-таки шла все дальше и дальше.

Немного не доходя до того места, где ребята впервые увидели птицу, Вася вспомнил, что еще не зарядил ружье. Он остановился, обтер фукавом гильзы и вложил их в каналы стволов. Запирая ружье, он тяжело вздохнул:

— Бекасинник! Разве бекасинником такую убьешь!..

— Васька, я боюсь, не ходи! — прошептала Нюша.

Вася топтался на месте, тоскливо озираясь по сторонам. Тучи стали еще плотнее. Лес за рекой казался чернее, гуще и река под обрывом — глубже и холоднее.

— Стой тут. В случае чего, в рожь спрячься, — тихо сказал Вася и двинулся вперед, выставив перед собой ружье. Пройдя несколько шагов, он обернулся: — Нюшк!

— А?

— Если со мной что случится, ты в школе скажи: так, мол, и так...

— Васька, ну тебя!.. Васька, не ходи! — плаксиво начала Нюша, но Вася даже не оглянулся.

Сзади, метрах в пятидесяти от Нюши, смутно маячила фигура Димы.

— Глупо! — негромко донеслось оттуда.

— Тише ты там! Какой-то!.. — прошипела Нюша.

...Вот и знакомые ветлы на том берегу, поляна за ними, белые пятна развалин... Вася задержал дыхание, прислушался. Ни звука.

Вася поднял ружье, прицеливаясь в ветлу, потом опустил его, облизнул губы и снова прислушался.

Послышался шорох. Вася резко обернулся: совсем близко от него среди колосьев торчала Нюшина голова. Она прошептала свое обычное: «Вася, я боюсь!» Зато у Васи прибавилось храбрости. Он опять прицелился и громко крикнул:

— Эй!

Эхо трижды повторило его крик и затихло. Ветлы на том берегу не шелохнулись.

— Эй! — снова крикнул Вася.

Все было попрежнему спокойно.

— Улетела, — сказала Нюша.

Вася подошел к самому краю обрыва, прыгнул и съехал по крутой песчаной осыпи на довольно широкий пляж. Не выпуская ружья из рук, он снял тапочки, брюки и пошел к воде. В это время наверху послышались шаги. Вася оглянулся: над обрывом сидела на корточках Нюша, а возле нее стоял Дима.

— Ну, что я говорил тебе? Говорил, что ничего не получится? Говорил?

— Здесь не получилось — в лесу поищу, — буркнул Вася и пошел через речку вброд.

— Вася! Вася! — тихо позвала Нюша.

Охотник остановился.

— Вася, а вдруг она это нарочно?.. Вдруг сидит на дереве и виду не подает, а потом как выскочит...

Вася постоял, подумал, затем очень быстро, но бесшумно вернулся на берег.

Дима тихонько засмеялся:

— Что ж ты выскочил? А еще герой!

Вася не ответил. Нюша и Дима видели, как он ходит по песку, высматривая что-то у себя под ногами. Скоро он нашел сухую корягу, поднял ее, бросил в ветлу и тут же вскинул ружье. Послышался плеск: тяжелая коряга, не долетев до дерева, упала в воду. Вася нашел толстую короткую палку. Вот он взвесил ее в руке... прицелился, как городошник битой... размахнулся... швырнул...

— Мама! — пискнула Нюша.

— Ой! — басом крикнул Дима.

Они увидели, как большая тень отделилась от ветлы и, быстро снижаясь, описывая крутую дугу, понеслась над рекой. Внизу блеснул красноватый огонь, грохнул выстрел, раскатами прокатившийся по тому берегу. Птица взмыла вверх, перекувырнулась в воздухе и помчалась прямо на маленькую темную фигурку, застывшую с приподнятым ружьем.

— Ма-ма! — протяжно закричала Нюша.

Снова огонь, снова грохот... Птица подпрыгнула в воздухе и... на глазах у изумленных ребят распалась на куски.

Первой пришла в себя Нюша. Она прыгнула на осыпь, съехала по ней и подошла к Васе. То же сделал и Дима.

Около Васи пахло порохом. Даже в темноте было видно, что лицо его совершенно мокро от пота. Он стоял неподвижно, часто дышал.

Нюша тронула его за руку:

— Вася... Чего ты? Испугался, да?

— Ага! — промычал тот и, глотнув слюну, спросил: — Что это было?

Дима отошел в сторону и поднял один из кусков, на которые распалась «птица». Это был продолговатый плоский предмет, длиной чуть побольше метра. С минуту Дима вер-

тел находку в руках. Потом он сел на песок и расхохотался, обхватив колени руками, раскачиваясь вперед и назад.

Вася и Ньюша приблизились к нему.

— Димка, ты что?

Дима захохотал еще громче.

— Герой! — взвизгнул он, указывая пальцем на Васю. — Охотник! Ты... ты знаешь, что подстрелил? Модель! Авиамодель подстрелил! — Он повалился на спину и принялся болтать в воздухе ногами.

* * *

Прошло полчаса. Никто из ребят больше не думал о рыбной ловле. Они притащили Васин охотничий трофей в деревню и теперь рассматривали его на застекленной веранде у Димы, отец и мать которого были сегодня в Москве.

На столе под яркой керосиновой лампой лежали большой, чуть ли не в рост человека, фюзеляж и крыло обтекаемой формы. То и другое было сделано из множества тончайших планочек и папиросной бумаги, покрытой синим лаком. Хвостовое оперение модели сохранилось, но передняя часть фюзеляжа была вся измочалена дробью. Немногим лучше выглядело крыло, из которого среди лоскутков бумаги торчали сломанные планочки. Второго крыла ребята не нашли. Должно быть, его отбросило в реку и унесло течением.

— Так-с! — проговорил Дима, заглядывая внутрь фюзеляжа. — Резинки нет — значит, это планер. Фюзеляжная модель планера.

— Откуда она к нам-то попала? — спросил Вася.

— Хотите знать, откуда она прилетела?.. Со всесоюзных авиамodelьных соревнований. Вы в газетах читали?

— По радио слышал. А где они идут, эти соревнования?

— Не очень уж далеко. На станции С*** по нашей дороге.

— А ты почему знаешь?

— Отец рассказывал, вот почему. Он из вагона видел, как они над аэродромом летают. — Дима прошелся по ве-

ранде. — Ты понимаешь, что наделал? Эта модель около двадцати километров пролетела. И это только по прямой. Может быть, она мировой рекорд поставила, а ты ее раздолбил!

Вася стоял, опираясь о ружье, стволы которого почти касались его подбородка. Он обескураженно поглядывал то на Диму, то на исковерканную модель.

— Вася, а тут чего-то написано, — сказала Нюша и ткнула пальцем в фюзеляж.

Дима и Вася подошли поближе к столу.

К фюзеляжу был приклеен бумажный ярлычок. Бóльшая часть его была сорвана, а на сохранившемся кусочке можно было прочесть отпечатанные на машинке слова:

«. . . . . дель № 112.
. . . . . росим вернуть.
. . . . . соавиахима».

— Ясно! — сказал Дима. — Тут было написано: «Модель № 112. Нашедшего просим вернуть туда-то».

— А если я не верну? — спросил Вася.

— Тогда, значит, ты нечестный гражданин. Может, конструктор над этой штукой полгода работал... Может, она мировой рекорд поставила... А если ты не вернешь — все это пропало.

Лицо у Васи было очень несчастное.

— Как же... как же я ее повезу, такую изуродованную? Дима усмехнулся:

— Это уж дело ваше. Не я на нее охотился, а ты...

Вася долго молчал, исподлобья глядя на Диму.

— Попадет, да? — угрюмо сказал он.

— Уж конечно, по головке не поглядят. Такую прекрасную модель разбить!

Вася судорожно глотнул.

— А если не повезу... если не повезу — может, и в самом деле у них рекорд пропадет?

Дима пожал плечами:

— А ты как думал?

- Димк!
— Что прикажете, товарищ герой?
— Димк!.. А ты бы не отвез, а?
— Я? Ну нет! Если сам поедешь, я тебя, так и быть, про-
вожу, чтобы ты не растерялся. А отдуваться за тебя... Нет
уж, спасибо!
— Димк! А ты никому не скажешь на аэродроме?
— О чем не скажу?
— Ну, что это я ее так... Мы знаешь что скажем? Будто
мы ее так нашли, уже поуродованную.
— Ладно уж! Не скажу.

* * *

На следующий день, примерно около часа, Дима и Вася
прибыли в электричке на станцию С***.

Оба перед отъездом из деревни надели белые-пребелые
рубахи, красные галстуки и тщательно отутюженные брюки.
Соломенные Васины волосы были смочены, расчесаны на
пробор и держались в таком положении довольно сносно, за
исключением двух вихров, поднявшихся над ушами.

Выйдя из электрички, ребята увидели почти у самой же-
лезной дороги несколько больших брезентовых палаток, а за
палатками — ряд учебных самолетов.

Мальчики направились в ту сторону. Вася тащил завер-
нутый в несколько газет фюзеляж. Вид у «охотника» был
такой, словно он идет к зубному врачу. Дима, наоборот, был
весел и шагал бодро, держа подмышкой обернутое газетой
крыло.

Возле ворот их остановил парнишка с красной повязкой
на рукаве. Дима объяснил ему, зачем они приехали.

— В штабе никого сейчас нет, — сказал парнишка. —
Идите на поле, там спросите планерный старт.

Ребята вошли на аэродром.

День был ясный, солнечный. То здесь, то там на широ-
ком поле колыхались голубые флажки с белыми буквами на

полотнищах. Каждый такой флажок обозначал место запуска моделей определенного класса, и возле каждого флажка можно было насчитать несколько десятков авиамоделистов. Здесь звучала и русская речь, и эстонская, и узбекская, и украинская... Тут были студенты и студентки, военные, мальчики и девочки в пионерских галстуках, тут были и пожилые люди, которые годились в отцы этим мальчикам и девочкам. Одни куда-то спешили, неся в руках красивых птиц, построенных из планочек и папиросной бумаги, другие ползали на животах и на коленях по короткой траве, что-то налаживая в своих хрупких аппаратах, третьи стояли, подняв лица к высокому небу, следя за полетом моделей.

Над головами ребят с легким стрекотом проносились миниатюрные самолеты с резиновыми моторчиками, бесшумно парили модели планеров всех цветов, форм и размеров. Один такой планер, снижаясь, клюнул Диму в затылок. В другой раз товарищам пришлось удирать от модели с бензиновым мотором, которая закапризничала и, свирепо треща, принялась носиться кругами над самой землей.

Дольше всего ребята задержались возле флажка с буквой «С» на полотнище. Здесь стартовали «схемки» — самые простенькие модели, у которых фюзеляж заменен четырехгранной планочкой. Одна из девочек, с виду чуть постарше Нюши, подняла над головой неказистую «схемку» и, придерживая пальцами пропеллер, обернулась через плечо:

— Иван Андреевич, засеките мне.

Стоявший у флажка человек нажал кнопку секундомера. Девочка выпустила модель, и та очень быстро набрала высоту. Девочка побежала по полю вслед за улетающей «схемкой». Сначала за моделью следил только человек с секундомером. Но та летела все дальше и дальше, девочка упорно бежала за ней, и авиамоделисты, бывшие на старте, один за другим подымали головы, начинали следить за полетом. Когда модель стала чуть заметной точкой, а девочка маленьким пятнышком, человек с секундомером припал к окулярам

стереотрубы, установленной на треноге. Прошла еще минута. Люди кругом заволновались:

— Самолет!.. Модель уходит!.. Давайте самолет!

Человек с секундомером оторвался от трубы и побежал к стоявшему недалеко старенькому «УТ-2».

Через минуту самолет с ревом пронесся над стартом и помчался в ту сторону, куда улетела «схемка».

— Димка, видел? — тихонько сказал Вася.

— Что «видел»?

— За такой ерундовской моделью целый самолет послали!

— А ты как думал? Что ж, по-твоему, пусть модель про- падет? Идем!

Мальчики снова зашагали по аэродрому.

— Дима!

— Что тебе?

— Дима, никому не скажешь, а?.. Здесь такую ерундов-скую модель так берегут, а я такой огромный планер так по-калечил! Не скажешь, Дима, а?

— Я-то не скажу, только по твоему лицу всякий дога-дается.

Вася вздохнул и замедлил шаги. Видно было, что ему очень хочется удрать с аэродрома. Но было поздно: ребята уже подошли к планерному старту.

— Здравствуйте, товарищ, — обратился Дима к женщине средних лет, в синем комбинезоне, с секундомером в руке. — У вас не пропадала модель?

Та резко обернулась:

— Пропадала. Сто двенадцать? Большая синяя? Неужели нашли?! — сказала она быстро и закричала: — Аббас! Аббас! Позовите Аббаса, модель нашлась.

Это взволновало всех моделлистов. С гомоном, с радостны-ми возгласами они окружили ребят.

— Вчерашний планер нашелся!

— Где нашли? Далеко?

— Аббас! Аббас! Сюда! Скорей!

694987

Российская государственная
детская библиотека

Сквозь толпу протиснулся мальчишка одного возраста с Димой. Он был смуглый, большеглазый, с черными курчавыми волосами.

— Нашли? Где она? Где нашли? — проговорил он отрывисто, с восточным акцентом.

Наступил страшный момент.

Дима сунул крыло Васе в руки и отошел в сторонку.

Аббас выхватил у Васи фюзеляж и начал снимать газету.

— Она... она немного попорченная, — пробормотал Вася.

Аббас развернул газету. Моделисты дружно ахнули и затихли, увидев нос планера, превращенный в мочалку.

— Как же это ее угораздило? — слышался негромкий мягкий баритон. Рядом с Васей стоял худощавый военный с черными косматыми бровями. На плечах у него были погоны полковника, а на груди — золотая звездочка.

Женщина в комбинезоне внимательно рассматривала остатки планера:

— Сама по себе она не могла так изодраться, товарищ полковник.

Полковник молча кивнул и обратился к Васе:

— Где ты ее нашел?

Вася назвал свою деревню и железнодорожную станцию.

— Неплохо полетала, — задумчиво сказал полковник. — Какая же каналья ее так испортила?

Дима потупил глаза и улыбнулся, не разжимая губ. Вся его круглая физиономия как бы говорила: «Я-то уж знаю, что это за каналья!»

Вася залопотал:

— Мы... Я так ее и нашел, товарищ полковник. Она такая уже была...

— Какая «такая» была?

— Дробью прошибленная.

— Чем? — повысил голос полковник.

— Дро... — начал было Вася и умолк, почувствовав, что проговорился.

Толпа моделлистов загудела. Полковник в упор смотрел на Васю:

— Откуда же ты знаешь, что именно дробью? Я, например, старый охотник, но и то не догадался.

Вася молчал. Он смотрел в одну точку и часто помаргивал. Он был такой красный, что, казалось, даже волосы его порозовели. Дима улыбался, прикрыв ладонью рот. Аббас подскочил к Васе и закричал, размахивая руками:

— Я знаю!.. Он сам стрелял! Сам дробью модель стрелял! Смотрите, какой лицо! Сам стрелял!..

— Тихо, тихо! Не надо кричать, — мягко сказал полковник и обратился к Васе: — Ну?

Вася теребил пальцами кончики своего галстука и не отрываясь смотрел на них.

— Я... я нечаянно, — еле выдавил он.

— То-есть как «нечаянно»?

— Я не знал, что это модель.

— Не знал? За что же ты ее принял? За перепелку?

Из левого Васиного глаза скатилась слеза и задержалась на уголке рта. Он быстро слизнул ее.

— За... за кондора принял, — прошептал он еле слышно.

— За кого?

— Кондор... За кондора...

— Ну-ка, расскажи по порядку. Так мы все равно ничего не пойдем.

Вася молчал.

— Не хочешь говорить?

— Пусть он расскажет, — сказал Вася и кивнул на Диму.

Моделлисты придвинулись ближе и затихли. Дима потер ладони и, улыбаясь, начал:

— Понимаете, дело, значит, было так: иду я ночью на рыбалку. Со мной, значит, вот этот Вася и его сестра. Ну, тут, конечно, они мне рассказывают всякие рыбацкие истории, что в их речке можно поймать три килограмма рыбы, но это к делу не относится. Итак, значит, идем. Вдруг мимо нас

пролетает какая-то большая тень, перелетает через реку и скрывается на одном дереве. И тут вот этот «герой» начинает кричать: «Это кондор! Это какая-то загадочная птица! Собой пожертвую для науки, а ее подстрелю!»

Дима разошелся. С большим юмором он рассказывал о том, как Вася и Нюша шли на «охоту», как Вася, полумертвый от страха, кричал над обрывом «эй» и как он в одних трусах начал переходить реку, но, испугавшись, вернулся.

Рассказывал он так остроумно, что моделисты покатывались со смеху. Даже сердитый Аббас начал улыбаться. Даже сам Вася улыбнулся слабой, несчастенькой улыбкой.

Посмеивался и полковник, держа в зубах папироску. Чем дальше подвигался рассказ, тем он все чаще поглядывал на Васю, и тогда в глубоко запавших темных глазах его под косматыми бровями появлялось что-то ласковое.

Когда Дима начал рассказывать о самом сражении с невиданной птицей, полковник, продолжая смеяться, обнял Васю и похлопал его по плечу.

— ...Наш «герой» бабахнул второй раз, его «кондор» развалился, и вот вам результат, — закончил Дима, плавным жестом указав на разбитую модель.

Долго в толпе стоял такой гул, что ничего нельзя было разобрать. Одни что-то говорили, другие все еще смеялись. Дима, раскрасневшийся, довольный собой, обмахивался кепкой. Вася стоял, опустив плечи, и казалось, что он даже похудел за эти несколько минут.

— Занятно! — сказал полковник, когда шум немного утих. Он сдунул с папиросы пепел и обратился к Диме: — Ты, я вижу, человек остроумный, тебе на язычок не попадаться. Но вот что меня интересует: ты ведь тоже не знал, что это модель, так ведь?

— Не знал, — сказал Дима.

— Не знал, что это модель, и был уверен, что это не кондор. Что же ты тогда думал: что это было такое?

Дима перестал обмахиваться кепкой.

— Я... я вообще ничего не думал... Я...

— Постой, постой! Как же это «ничего не думал»? Не думает дерево, камень, улитка, но человек-то всегда что-нибудь думает.

Моделисты негромко засмеялись. Дима покраснел.

— Я, конечно, видел, что это похоже на птицу, но я же знаю, что таких больших птиц не бывает.

Полковник смотрел на Диму, чуть улыбаясь:

— «Похоже на птицу, но таких птиц не бывает». Стало быть, перед тобой было некое загадочное явление. И ты даже не попытался его исследовать. Так?

Дима молчал. Молчали и люди, окружавшие его, ожидая, что он ответит. Но Дима так ничего и не ответил.

— Какое же ты имеешь право смеяться над товарищем? Ты вот сидел сложа руки да критиковал, а он в это время действовал. Он-то был уверен, что это какое-то живое чудовище, и не побоялся выйти на него с дробовиком. Пусть он ошибался, но он был героем в тот момент, отважным исследователем, а ты кем был?

— А в результате модель все-таки нашлась, — вставил кто-то из моделистов.

— Да, — подхватил полковник, — модель нашлась. Ее вчера выпустили перед самым закатом солнца, не рассчитывая, что она улетит далеко. Но она пошла и пошла... Летчик, погнавшийся за ней, потерял ее: солнце в глаза светило. Модель рекорда не поставила, но результат показала хороший.

— А окажись твой друг таким же, как ты, знаешь что могло случиться? — сказала женщина в комбинезоне. — Первым порывом ветра модель бы сбросило в реку, и поминай как звали!

— И не было бы у Аббаса ни модели, ни ценного подарка, — вставил кто-то из моделистов.

— Аббас, скажи спасибо охотнику!

— Аббас, извинись!

Аббас взял Васину руку и дважды сильно потряхнул ее.

— Спасибо! Извиняюсь! — сказал он.

Моделисты начали расходиться. Полковник снова обнял Васю за плечи.

— Ты на самолете летал? — спросил он.

Вася качнул головой.

— Ну идем, я тебя устрою.

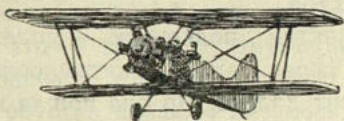
Через пять минут жизнь планерного старта шла обычным порядком.

Моделисты бегали по полю, таща за собой планеры на длинных тонких шнурах — лейерах. Белые, голубые, желтые, синие птицы взмывали в небо и, отцепившись от лейеров, начинали парить.

Дима, хмурый, насупленный, брел по аэродрому, сунув руки в карманы брюк. Иногда он приостанавливался, подымал плечи и негромко произносил:

— Глупо!

Раздался рев мотора. Низко над Димой промчался учебный самолет, на котором летел Вася.

ВАЖНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

— Ложись! — страшным, отрывистым шопотом командовал Гриша.

Маленький Степка Салазкин торопливо стряхнул с валеков лыжи и шлепнулся животом в снег.

— За мной! — услышал он тот же отрывистый шопот.

Мальчишки ползком двинулись вперед, волоча рядом с собой лыжи. Впереди полз Гриша в отцовском белье, натянутом на верхнюю одежду, с головой, обмотанной полотенцем; за ним — Степка в белом медицинском халате и в белой косынке.

Между колхозным фруктовым садом, из которого они вышли, и обрывом над рекой было метров пятьдесят открытого заснеженного пространства. Отчаянно работая руками и ногами, ребята быстро переползли эти пятьдесят метров и притаились за грудой бревен, сваленных у самого обрыва.

Гриша приподнялся, выглянул на секунду из-за бревен, упал в снег, затем опять осторожно выглянул и повернул наконец к Степке смуглое скуластое лицо.

— Удалось проскользнуть благополучно, — тихо сказал он.

— Гриша, знаешь что? Давай отдохнем немножко и покушаем, а?

— «Покушаем»! Может... может, двадцать вражеских глаз наблюдают за нами в эту минуту. А он — «покушаем»!

В этот момент в лесу на противоположном берегу реки послышались крики: «Лови! Держи!..»

Мальчики упали в снег.

— Слышишь?

— Ага! Ловят кого-то... Гриша, нам все равно сейчас нельзя реку переходить. Давай покушаем... Гриша, мы ведь уже часа два всё ползаем да ползаем. Прямо ноги совсем трясутся... А там, в лесу, за нами еще сильнее будут наблюдать.

Гриша опять выглянул из-за бревен.

— Да, — сказал он, сдвинув брови, — нужно переждать.

Из противопогазной сумки, висевшей под халатом, Степка достал хлеб и пару сваренных вкрутую яиц и разделил все поровну.

Крики больше не повторялись. Казалось, все было спокойно кругом. Пустынная, белая, без единого пятнышка, лежала под обрывом река. Молчаливый и неподвижный, стоял на противоположном берегу лесок, в котором темная хвоя чуть виднелась из-под снега. Ни единого звука не доносилось из покрытых инеем фруктовых садов, серой дымкой тянувшихся позади ребят. Но Гриша и Степка знали, как обманчивы это спокойствие, эта тишина.

Двести пионеров приехали из Кочетковской школы сюда на большую военную игру. «Воевали» четвертый, пятый, шестой и седьмой классы «А» с параллельными классами «Б». В километре вниз по реке от места, где сидели Гриша и Степка, возвышались на противоположных берегах два пригорка. Подступы к каждому из них охранялись воюющими сторонами, но самые пригорки были свободны от «войск». Чтобы достигнуть «победы», нужно было водрузить свой флаг на высоте «неприятеля».

Тот, кого схватят сразу два человека, считался убитым. При этом у него отнимался специальный билетик. Если в конце игры у кого-нибудь из оставшихся «в живых» не окажется такого билетика, игра будет считаться недействительной. В остальном допускалась любая хитрость.

Теперь вам станет понятно, почему так волновался Гриша: именно у него в кармане куртки было спрятано полотнище флага с белой буквой «А» на красном фоне. Далеко, в километре отсюда, десятки ребят прямо в лоб вели наступление на высоту классов «Б». Они отвлекали внимание «противника». А в это время Гриша со своим связным Степкой делал большой крюк по садам. Теперь оставалось самое трудное: нужно было незаметно переправиться через реку, миновать засады, с тыла подойти к пригорку и прорваться на него с надетым на лыжную палку флагом.

— Всё! — объявил Степка, проглотив последний кусок. — Пойдем?

Гриша расстегнул свою маскировочную одежду и вынул из кармана брюк три яблока. Одно он протянул Степке, другое надкусил сам, третье собрался было разломить, но передумал.

— Эн-зе? — спросил Степка.

— Нет. Альке оставлю.

Степка некоторое время жевал молча, потом усмехнулся:

— Алик — наш враг, мы с ним воюем, а ты яблоки ему оставляешь.

— Ну и что ж! Дружба дружбой, игра игрой. Алик знаешь какой мне друг? Тебе о таком и не снилось.

— «Не снилось!» А Володька Федоров, думаешь, мне не друг?

— Хорош друг! Три дня водой не разольешь, а на четвертый вас в учительскую тащат: передрались. А вот мы с Аликом ни разу еще не ссорились. Алик знаешь какой человек? О чем его ни попросишь — никогда не откажет. Я вот с начала года никакой домашней работы по русскому не сделал. Всё Алька! Все упражнения на разные там правила сделает, все примеры и сочинения придумает, а мне только переписать своим почерком — и готово! Иной раз ему самому некогда, у самого уроков много, а все равно не уйдет, пока не делает. Иногда мне даже стыдно станет, даже скажешь ему: «Ладно, иди, я уж как-нибудь сам». А он: «Оставь, пожалуйста, Григорий! Плохим бы, — говорит, — я был другом, если бы спокойно стал смотреть, как ты двойки по русскому получаешь».

Гриша умолк. Степка больше не спорил, пораженный столь ярким примером великой дружбы. С минуту ребята сидели неподвижно, глядя, как падают с неба редкие, будто случайно оброненные снежинки. Потом Гриша встал на колени. Брови его опять насупились, лицо стало суровым:

— Взять лыжи!.. По-пластунски... за мной!

Слишком долгим было бы подробное описание всех приключений ребят на их трудном и опасном пути. От обоих шел пар, когда они переползли реку и поднялись на ноги в лесу. Здесь, пробираясь на лыжах между густыми, отяжелевшими от снега елями, они чуть не наскочили на засаду. Они вовремя свернули в сторону лишь потому, что командир засады слишком громко требовал от своих подчиненных соблюдения тишины. Однажды им пришлось прятаться от группы врагов на ветках сосны, с которой Степка долго не мог спуститься, зацепившись халатом за сук. Потом им пришлось страшно переволноваться, наблюдая, как сильный отряд

«неприятеля» «истребил» трех разведчиков из 5-го «А». Лишь огромным усилием воли Гриша сдержался и не выскочил из своего убежища на помощь товарищам.

Так шли они от приключения к приключению, пока не увидели метрах в двадцати перед собой шоссейную дорогу.

Гриша остановился:

— Ложись!

Оба упали.

— Иду на разведку. Зарыться в снег!.. По знаку рукой следовать ко мне!

Связной покопшился и так глубоко ушел в сугроб, что на поверхности остались только голубые глаза да белая козынька. Буравя головой снег, Гриша пополз вперед и забрался под ветки густой, разлапистой ели, стоявшей у придорожной канавы.

По дороге, шаркая валенками, брели две старухи-колхозницы. На обеих были овчинные тулупы, у каждой лицо было так закутано шерстяным платком, что виднелся только нос. Одна старушка опиралась на палку и, как видно, еле волочила ноги; другая, согнувшись, тащила на спине небольшой, наполненный чем-то мешок.

Вдруг Гриша вздрогнул и замер: из канавы на противоположной стороне дороги появилась голова, накрытая простыней. Она посмотрела на старух, повернулась, посмотрела в другую сторону и исчезла.

Гриша понял, что это вражеский дозорный, что пересечь дорогу в том месте нельзя, что нужно идти в обход. Он подогнул правую ногу, собираясь ползти назад, но тут же замер, сдержав дыхание, — старушка с палкой проговорила молодым, удивительно знакомым голосом:

— Плохо маскируешься, Колечка! Плохо маскируешься!

Голова опять высунулась из канавы и оторопело воззрилась на старушек. Те остановились, приглушенно смеясь. Из канавы на дорогу вылезла фигура, окутанная простыней. Несколько секунд она молчала, потом тихо спросила:

— Алик, ты?

— Угу, — слышалось в ответ.

Это была не старушка. Это был Гришин ближайший друг и сосед по дому Алик Ростовский.

— Переоделись? — еще тише спросил мальчишка в простыне.

«Старушка» молча кивнула.

— Зачем?

И тут Гриша почувствовал, что сердце сию минуту или выскочит из груди, или разорвется: «старушка» оглянулась во все стороны, медленно, не произнося ни слова, извлекла из-за пазухи красное полотнище с белой буквой «Б» и спрятала его обратно.

Плавной рукой по воздуху в варежке, Алик негромко, очень самодовольным тоном заговорил:

— Преспокойно идем по дороге до самого логова «противника». Там Игорь хватает ближайшего часового, а я бросаюсь наверх и ставлю флаг. Десять секунд — и все кончено.

— Здо-р-рово!.. Ой, как здорово! А где тулупы достали?

— Так... Достали... Благодаря поддержке местного населения.

— Ой, это прямо... Это ты придумал?

— Так точно. Моя идея... Счастливы вам оставаться, Колечка! — Последние слова Алик прошамкал.

«Старушки» снова согнулись и поплелись своей дорогой. Белая фигура исчезла в канаве.

Поспешно и вместе с тем очень осторожно Гриша отползал назад.

Нужно было что-то придумать, что-то немедленно предпринять, чтобы спасти свою группу от грозившей ей страшной опасности. Но что предпринять? Как спасти? Дорога вела прямо к холму, который охранялся классами «А». Пока он, Гриша, будет, избегая засад и дозоров, прячась от разведчиков, пробираться к холму «противника», «старушки» десять раз успеют притти к своей цели. Может, догнать их и атаковать.

вать вдвоем со Степкой? Но ведь кругом вражеская территория. На крик тотчас же сбегутся десятки «неприятелей». Вдруг Гриша вспомнил, что за мостом у самой дороги расположена засада под командой Антона Муравьева.

— Что ты так долго!.. — услышал Гриша позади себя Степкин шопот. — Я уж совсем отмороженный.

— Тш-ш! Молчать!.. За мной!

Они отползли дальше от дороги и встали на колени перед большим пнем. Пышная шапка из снега делала этот пень похожим на гриб.

— Надеть лыжи!

Смахнув снеговую шапку рукавом, Гриша вынул из-за пазухи клочок бумаги и карандаш.

— Гриша! Что такое случилось? Чего ты там увидел? — возбужденно зашептал Степка.

Гриша не ответил. Он что-то писал, положив бумагу на пень.

— На! Мчись пулей! Доставишь командиру засады Муравьеву, что за мостом... Если попадешься врагам — проглоти!

Степка больше не спрашивал. Сунув записку в рукавицу, он оттолкнулся палками, пробежал несколько шагов, кувырнулся, запутавшись в полах длинного халата, вскочил, запихал концы халата в карманы брюк и помчался зигзагами среди белых пушистых елей.

Гордый, взволнованный, Гриша продолжал свой путь. Он представлял себе, какими глазами будут смотреть на него ребята, узнав, что он не только водрузил победный флаг на холме «противника», но и раскрыл опасный замысел «врага».

Потом он стал думать об Алике. Странная все-таки это штука, жизнь! Они с Аликом друзья. В обычное время каждый готов все отдать, все сделать для другого. Три недели Алик готовился к сегодняшней игре и мечтал о подвигах. И вот теперь он придумал замечательный, веселый, гениальный по своей простоте план и идет сейчас, переодевшись ста-

рухой, уверенный в победе, в своем торжестве. И он не знает, что план его уже сорван, что через несколько минут неприятельские дозорные с хохотом стащат с него тулуп. Он идет и не подозревает, что именно он, Гриша, ближайший друг Алика, превратил его торжество в нелепое поражение...

И Гриша думал еще о том, что, может быть, в будущем, когда они с Аликом станут взрослыми, им еще не раз придется соревноваться между собой, побеждать друг друга и терпеть поражения. Может быть, оба они станут знаменитыми спортсменами и будут состязаться на звание чемпиона. Может быть, оба сделаются главными инженерами крупнейших заводов, которые борются за красное знамя. Может быть...

Вдруг Гриша стал как вкопанный. Карие глаза его расширились, рот приоткрылся. Несколько секунд он прислушивался к чему-то, затем неожиданно с размаху бросил палки в снег, доплелся до ствола упавшей березы и сел на него, охватив голову руками.

В лесной тишине слышался далекий прерывистый звук пионерского горна. Он доносился из-за реки. Он возвещал о том, что военные действия окончены, что победили классы «Б».

* * *

Высота «А» была небольшим пригорком, который возвышался среди заиндевевших деревьев фруктового сада и одним своим склоном выходил к шоссейной дороге.

Сюда по окончании игры собирались все ее участники.

Одни из недавних бойцов снимали с себя маскировочную одежду, связывали лыжи. Другие толпились у разведенного в стороне костра, протягивая к огню руки и крича каждый свое. Третьи — их было больше всего — густой толпой стояли среди дороги. Они смотрели, как Игорь и Алик воспроизводят перед фоторепортером школьной газеты момент занятия холма. Репортер сидел на корточках, глядя в видоискатель «фэда». Время от времени он кричал:

— Приготовились!.. Пошли!..

Алик, одетый старухой, взбегал на пригорок, держа в руках лыжную палку с красным флажком, а Игорь на заднем плане валил в снег часового, Юрку Семенова. Сделав снимок, репортер заставлял повторить все сначала. Ребята смеялись, давали советы и так увлеклись, что не заметили, как появился Гриша.

Он шел, сильно отталкиваясь палками, делая широкие шаги. Губы его были сжаты, глаза нехорошо блестели.

— Где Степка? Степку Салазкина не видел? — спросил он у одного из ребят, въезжая в толпу зрителей.

— Не видел. Эх, ты!.. Гляди! А могли бы и тебя так!.. — мальчишка кивнул в сторону пригорка.

Гриша покосился на репортера, и лицо его стало еще злей. Расталкивая ребят, он пошел сквозь толпу, отрывисто выкрикивая:

— Степка!.. Степку не видели?.. А где Антон?.. Антон здесь?

Ни Степка, ни Антон не отзывались.

— Всё! Спасибо, — сказал репортер.

— Пожалуйста! — хором ответили зрители.

Алик размотал платок, скинул тулуп и стал прежним Аликом — светловолосым курчавым мальчиком с круглым лицом, с которого даже зимой не сходили обильные веснушки. Заметив Гришу, он подбежал к нему, на ходу надевая пальто:

— Ну, Григорий Иванович, видел? А? Как тебе нравится?.. Хорош маневр? — затараторил он, улыбаясь так, что глаза его стали узенькими черточками. — Эх, ну как жаль, что тебя не было!.. Молниеносный удар!.. Все до последней мелочи рассчитано. Раз — и все кончено!

Гриша сумрачно посмотрел на него:

— Засада у моста на тебя не напала?

— Засада? Какая там засада! Словно в свою квартиру пришел.

— Ну, значит, Степка попался. А то бы от твоего маневра только дым пошел!..

И Гриша рассказал Алику о том, как он увидел «старух» на дороге, как послал со Степкой донесение командиру засады Антону Муравьеву.

Алик пришел в восторг:

— Нет, вот это здорово! Ребята, послушайте! Иннокентий Петрович!.. Вот что значат превратности войны!.. А я шел — и ни капельки не подозревал... Товарищи, вы только послушайте! Оказывается, весь маневр на волоске висел.

Их окружили ребята. К ним подошел преподаватель физкультуры Иннокентий Петрович, высокий человек в суконной гимнастерке, из-под ворота которой выглядывал шерстяной свитер. Закуривая папироску, Иннокентий Петрович проговорил:

— Да. Занятно! Как же это Степа оплошал? А ну, позовите его сюда!

Стали звать Степку, но тот не откликнулся.

Иннокентий Петрович сдвинул брови над строгим, с горбинкой носом:

— Что он, в самом деле! Сигнала не слышал? А Муравьев здесь?

Стали звать Антона Муравьева, но ни командира засады, ни кого-нибудь из его бойцов не оказалось.

— Безобразие! — сказал Иннокентий Петрович. — Разболтанность какая! Сбегайте кто-нибудь за ними. Чтобы немедленно явились!

Несколько мальчиков побежали к мосту, возле которого должна была находиться засада, и скоро вернулись. Засада в составе пяти человек, включая командира, исчезла.

Ребят это, конечно, очень заинтересовало, а взрослых встревожило.

Иннокентий Петрович предложил старшей вожатой идти с детьми на станцию, где можно было обогреться, а сам решил отправиться на поиски.

— Гриша! Пойдешь со мной. Укажешь, каким путем шел Салазкин.

— Иннокентий Петрович! — подбежал Алик. — Разрешите и мне... Иннокентий Петрович, я очень хорошо разбираю следы. Целый месяц тренировался... По «Пионерской правде»... Иннокентий Петрович, разрешите!

Преподаватель усмехнулся:

— Ладно, идем, следопыт.

Объявилось еще много желающих принять участие в поисках, но Иннокентий Петрович больше никого не взял. Возбужденные новым приключением, оба друга надели лыжи и побежали вслед за педагогом.

Перед мостом слева, рядом с дорогой, была большая воронка от авиабомбы, упавшей во время войны. Все трое остановились над воронкой и заглянули в нее.

— Ясно, как день! — сказал Алик. — Они тут сидели. Видите, снег примят. А вот здесь кто-то вылез к самому краю и лежал. Должно быть, наблюдатель.

Гриша весь погрузился в исследование. Он медленно двигался вокруг воронки. Сделав шаг, останавливался, смотрел себе под ноги, налево, направо, поднимал со снега каждую соринку и вертел ее перед носом. Вдруг он закричал:

— Следы! Иннокентий Петрович!.. Следы!

Преподаватель с Аликом и без того уже заметили в одном месте около воронки множество следов. Отсюда куда-то в сад уходили лыжни.

— Степка с ними, — очень спокойно сказал Алик.

Гриша косо посмотрел на него:

— «С ними»! А ты почему знаешь?

— Ясно, как день! Сколько человек сидело в засаде?

Пять?

— Ну, пять.

— А здесь следы шести лыжников. Значит, шестой — Степка.

— Все это, может быть, и так, — медленно проговорил

Иннокентий Петрович, — но куда же они пошли? А ну, пойдете!

Следопыты пошли по лыжням и углубились в огромный тихий сад с ровными рядами опущенных инеем деревьев. Они без труда установили, что пропавшая засада мчалась тут с невероятной скоростью. Углубления, сделанные в снегу лыжными палками, были расположены далеко друг от друга и очень наклонно к земле. Рядом с каждой лыжней тянулись полоски взметенного снега. Местами снег был взрыт и на нем отпечатались следы не только лыж, но и человеческих рук, ног и туловища. Глядя на все это, следопыты сами с каждой минутой прибавляли шаг. В тишине сада то и дело раздавались возбужденные голоса:

— Словно волки за ними гнались! Да?

— Иннокентий Петрович, ясно, как день! Скорость — километров двадцать.

— Во! Опять кто-то упал.

Лыжни повели через кустарник, на ветках которого висели клочки маскировочной одежды. Выйдя из кустарника, следопыты остановились. Одна лыжня упиралась прямо в ствол большого дерева. Снег вокруг был взрыт.

— Все понятно! Налетел! — воскликнул Алик.

— Лыжу сломал, — тотчас отозвался Гриша. Он поднял отломанный конец лыжи.

Тронулись дальше.

— Пешком бежит! — закричал Алик.

— Ага! Нос разбил! Кровь! Видите, капельки?

Наконец учитель и мальчики вышли к широкой дороге, которая тянулась параллельно шоссе. Оба приятеля тут же установили, что пропавшая засада сидела некоторое время в канаве, потом выбралась на дорогу. По ту сторону дороги следов не обнаружили, а самая дорога была так заезжена, что следопыты ничего не могли разобрать. Несколько минут все трое топтались на месте, не зная, что делать, куда идти. Иннокентий Петрович рассердился не на шутку:

— Это... это безобразие! Двести человек извольте их дожидаться. Маленькие!

Он снова закурил, спрятал руки в карманы суконных армейских брюк и стал смотреть вдоль дороги с таким выражением, что оба следопыта притихли.

Через минуту он заговорил уже спокойно:

— Мы вот что сделаем. Вы отправляйтесь в эту сторону и дойдите до реки. Если никого не найдете, возвращайтесь на станцию. А я пойду в село.

— Есть! — ответили мальчики.

— Отставить!.. Смотрите-ка! Это не они?

По дороге со стороны села шли какие-то люди. Учитель и ребята долго вглядывались, прежде чем убедились, что это действительно пропавшая засада и с нею **Степка**.

Вид у всех шестерых был какой-то пришибленный. Впереди медленно плелся здоровенный угрюмый Антон Муравьев, неся на плече лыжи, а подмышкой свернутую маскировочную одежду. Барашковые уши его шапки были подняты, но не завязаны и уныло встряхивались при каждом шаге. За ним, сбившись в кучку, еле передвигая ноги, тащились его подчиненные, тоже с лыжами на плечах и с белыми свертками в руках. Чуть в стороне шел Степка, до сих пор не снявший своего халата.

— Где вы были? Почему не явились к месту сбора? — громко спросил Иннокентий Петрович, когда засада была шагах в двадцати.

Ребята не ответили и еще больше замедлили шаги. Антон переглянулся с толстым Гошей Акоюном, у которого одна из лыж была сломана, а ободранный нос распух.

— Где вы были, я вас спрашиваю? — повторил учитель, когда засада приблизилась.

— В сельсовете были, Иннокентий Петрович, — тихо ответил Антон.

— Что вам понадобилось в сельсовете, позвольте узнать? Антон молчал. Зато Степка ответил из-за его спины:

— Нам даже совсем ничего не понадобилось, Иннокентий Петрович. Нас даже, наоборот, туда самих потащили.

— То-есть как «потащили»? За что?

— За старух этих самых, — чуть слышно сказал Антон, глядя куда-то в сторону.

— Что-о? За каких старух?

Командир засады снял с головы шапку и стал завязывать на ней уши.

— Мы... Мы двух старух по ошибке атаковали...

Иннокентий Петрович еще сильнее сдвинул брови:

— Ты мне толком говори! Каких старух? По какой ошибке?

— Тут мы донесение получили. Вот от него. Мол, идут два неприятеля. Мол, переоделись старухами и несут флаг. Нужно, мол, перехватить. Ну, мы побежали сюда, засели... Глядим, идут две старухи...

— Постой! Понятно! А какое вы имели право приставать к прохожим, не проверив как следует? Это во-первых. А во-вторых...

Но здесь уже все Антоновы бойцы взволнованно загомонили:

— Мы проверили, Иннокентий Петрович!

— Ошиблись, конечно, а проверить — проверили.

— Мы вовсе не сразу атаковали!

— Ладно. Я сам скажу, — остановил ребят Антон и продолжал: — Глядим, идут две старухи. Лица платками закрыты. Ничего не разберешь. Ну, мы вылезли из канавы и пошли за ними. А они всё оглядываются да все шагу прибавляют. Они — это уж мы потом узнали — испугались нашей маскировочной одежды. Ну, а нам, конечно, подозрительно. Я догнал их и очень так вежливо говорю: «Гражданки, — говорю, — снимите, пожалуйста, платки». Тут они от меня совсем уж ходу. А я, конечно, подумал: раз такое дело — значит, это они самые и есть, неприятели. Приказал атаковать... А тут какие-то красноармейцы на санях... Нас и...

Антон умолк.

— Так! Хорошее дело! Ну, а что в сельсовете?

Опять все бойцы Антона заговорили одновременно:

— Отпустили, Иннокентий Петрович!

— Еще даже засмеялись.

— Мы им Гришину записку показали. А у старух прощения попросили.

Гриша выступил вперед.

— «Гришину записку», «Гришину записку!» — передразнил он. — Иннокентий Петрович, пусть они теперь ответят, зачем их сюда понесло? Из-за них мы не только игру проиграли, но и вся школа опозорилась. Иннокентий Петрович, пусть они ответят!

— «Пусть ответят», «пусть ответят!» — в свою очередь, передразнил командир засады. — А кто записку написал, чтобы сюда шли?

— Сюда-а? А ты русский язык понимаешь? Я написал: «Два неприятельских бойца переоделись старухами и несут флаг. Пройдут в месте засады. Обязательно перехвати». Зачем тебя сюда понесло?

Командир засады как-то странно притих. Порывшись в карманах, он извлек записку и долго молча разглядывал ее. Лицо его постепенно краснело. Ноздри раздулись. Он тяжело задышал.

— Гр-р-рамотей! — выдавил наконец он, глядя с великим презрением на Гришу. — Гра-мо-тей! Слово-то «засада» пишется вместе, а у тебя... Смотри! «В месте» пишется отдельно, а у тебя... Натей! Смотрите все.

— Дай-ка сюда! — сказал Иннокентий Петрович.

Он взял клочок бумажки из рук Антона, пробежал его глазами, засмеялся и передал его другим ребятам.

На бумажке было написано: «Два неприятельских бойца переоделись старухами и несут флак. Пройдут вместе за сады. Обязательно перехвати».

...Прошло полчаса. Пожилой дежурный по станции высу-

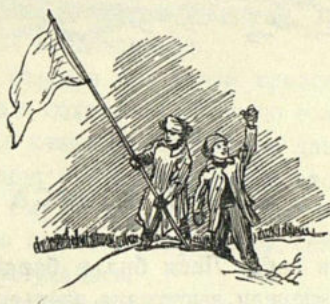

нулся из двери служебного помещения и, подняв очки на лоб, смотрел в зал ожидания, стараясь понять: чему так смеются двести мальчишек, заполнивших все помещение? Участники военной игры толпились кучками вокруг бойцов из отряда Антона, слушали их рассказы, и в зале то и дело раздавались взрывы хохота.

Не смеялись только двое.

Не смеялся Гриша. Он стоял в темном углу, возле бачка с кипяченой водой, и покусывал губы, чтобы они не дрожали.

Не смеялся Алик Ростовский. Бледный, унылый, он слонялся по вокзалу, отыскивая своего друга, и о чем-то сосредоточенно думал.

БЕЛАЯ КРЫСА

Боря трубил в горн. Леня бил в барабан. За ними шли Вава и Дима, а впереди выступала звеньевая Таня Закатова.

Лоб ее был перевязан бинтом (она недавно упала с дерева), на затылке торчала темная метелочка волос. Эта метелочка резко дергалась, когда Таня оглядывалась на звено.

— Вава! Почему не в ногу?.. Димка! Отстаешь!

Дело было серьезное: Таня Закатова несла пакет с очень важным посланием. В этом послании сообщалось, что «карбиды», то-есть пионерлагерь завода «Карбид», вызывают на военную игру «трикотажей» — пионерлагерь трикотажной фабрики № 2.

Неторопливо, торжественно шагало звено через маленький лес, разделявший оба лагеря. Трещал барабан, ревел горн, и с освещенных заходящим солнцем деревьев то и дело шарахались в небо испуганные стаи грачей.

Дорога вышла из леса на большую поляну. В конце ее стоял белый дом с башенками и остроконечной крышей. Ребята видели, как «трикотажи» сбегаются на линейку.

— Ждут! Знают, в чем дело! — сказала Таня. — Вавка, опять не в ногу!.. Димка, поправь галстук!.. Раз-два-три-четыре! Раз-два-три-четыре!

Они вошли в калитку и замаршировали мимо неподвижных рядов «трикотажей». Возле мачты с флагом их поджидал председатель совета лагеря, Миша Бурлак. Таня остановилась перед ним.

Смолкли горн с барабаном. Стало совсем тихо. Председатель, толстый, солидный, исподлобья поглядывал на представительницу «карбидов», а она, тонконогая, худенькая, настороженно смотрела на председателя.

Что-то странное было в поведении председателя. Он старался стоять смирно и сохранять обычную солидность, но время от времени делал какие-то непонятные движения: то поводил плечами, то вдруг выпячивал живот, то совсем убирал его. Таня передала ему пакет, заклеенный смолой. Бурлак взял его и почему-то поднял правую ногу, согнув ее в колене.

На линейке зашумели.

Председатель вскрыл пакет. Он опустил ногу, согнулся, точно у него болел живот, и стал торопливо читать дрожащим голосом, то и дело сбиваясь:

— «Отважным трикотажам от отважных карбидов.

Уважаемые храбрые трикотажи!

Мы, ваши соседи, отважные карбиды, предлагаем вам померяться ловкостью, выносливостью и смекалкой в большой военной игре. Игру предлагаем начать завтра, с восьми часов утра, и вести ее до полной победы той или другой стороны.

Условия игры вам известны.

Примите заверения в большом к вам уважении...»

Миша читал, но никто не слушал его. Вытаращив глаза, все смотрели на левую ногу председателя: из короткой штанины его трусов медленно выползала... белая крыса.

— «...Примите... примите... заверения... в большом к вам...»

Крыса упала животом на землю, расставив короткие лапы. И в ту же секунду отчаянный визг раздался над линейкой. Два «трикотажа», сбитые с ног, покатались на землю. Чья-то фигура мелькнула над забором и скрылась за ним. Начался переполох. Полторы сотни кричащих ребят окружили председателя совета.

— Пустите-ка! В чем тут дело? Бурлак, что произошло?

Расталкивая ребят, к Бурлаку подошел старший вожатый.

— Ни в чем не дело! — бормотал председатель. — Я ее просто сунул за пазуху, а она — в трусы и на землю... А эта чего-то испугалась...

— Таня! — позвал вожатый.

Над забором показалась забинтованная Танина голова на тонкой шее. Она угрюмо уставилась на вожатого.

— Чудачка! Чего испугалась? Иди сюда!

— Не пойду, — ответила Таня.

Босоногие «трикотажи» запрыгали и захихикали:

— Трусиха! Крысы боится! От крысы удрала!

— Да, боюсь, — ответила Таня. — Петр Первый храбрым человеком был, а тараканов боялся!

Вожатый поднял крысу и показал ее Тане:

— Ну, Петр Первый, я ее уношу. Иди сюда!

...С кислыми лицами пустились «карбиды» в обратный путь. До калитки их провожали веселые «трикотажи»:

— С самим Петром Первым завтра воюем!

— Пусть крыса нас сторожит! Ни один карбид не тронет!

До лесу за ними бежал какой-то маленький мальчишка. Приплясывая, он пищал:

— Петр Первый, а Петр Первый! Петр Первый!

В лесу Леня легонько стукнул мальчишку барабаном по голове, и тот побежал домой.

— Оскандалились, — проворчал барабанщик. — Тоже еще, звеньевая! Крыс боится!

— Что-о? — Таня сразу остановилась и повернулась к нему. — Что ты сказал?

Крепкий, коренастый Леня молча попятился.

— А ну-ка перепрыгни!

Дорогу пересекала глубокая канава, через которую был переброшен мостик. Леня пробормотал:

— Охота была ноги ломать!

Таня сошла с дорожки, разбежалась и, перелетев через канаву, упала на противоположной стороне.

Больше никто не роптал на звеньевую. Шли молча и быстро. Впереди было еще одно очень важное дело.

* * *

Настала ночь. Заснули «трикотажи» в своей даче с остроконечными башнями. Погасли огни в деревенской школе, где жили «карбиды». Яркая кособокая луна поползла по мерцающему небу, и верхушки деревьев в маленьком лесу засветились голубоватым светом.

Внизу, под деревьями, было темно и тихо. Осторожно, в молчании пробиралась сквозь заросли пятерка разведчиков. Таня шла впереди, держа подмышкой фанерный ящик с модельным телеграфным аппаратом. Вава несла рюкзак с провизией, а ее брат Дима, такой же маленький и курчавый, как она, крепко прижимал к себе четвертную бутылку с кипяченой водой. Сзади всех двигались Боря и Леня. Согнувшись и сдержанно кряхтя, они тащили большую катушку с проводом. Катушка медленно вертелась, чуть поскрипывая в ночной тишине, и черный саперный провод ложился на мокрую от росы траву.

Шли очень медленно. Ветки цеплялись, невидимые коряги

хватали за ноги, какие-то прутья больно хлестали по головам. Крохотный лесок, такой уютный днем, теперь глухо ворчал сухим валежником под ногами и не хотел пропускать.

Исцарапанные, они вышли из леса на край маленького оврага, на дне которого журчал ручей. Сразу же за оврагом возвышался холм. На вершине его, четко выделяясь на мерцающем небе, чернели три столба от сгоревшей сторожки и двускатная крыша заброшенного погреба.

Таня спустилась в овражек и перешла по камням ручей. За ней пошел Дима. Он стал на камень посредине ручья, выбирая, куда бы шагнуть, но вдруг зашатался, согнулся и быстро выпрямился. Раздался звон. Дима, опустив руки, застыл.

— Разбил! — тихонько вскрикнула Таня.

— Упала, — ответил Дима.

— Шляпа!

«Карбиды» шопотом стали бранить Диму. Потом Боря сказал, что нужно сходить в лагерь и принести другую бутылку.

— Ну да еще! — рассердилась Таня. — Будем всю ночь взад-вперед бегать!.. Пошли!

Они переправились через ручей, взобрались на освещенную луной вершину холма и остановились там, молчаливые, настороженные. У мальчиков были низко надвинуты на лбы кепки и у всех подняты воротники пальто.

За холмом тянулась поляна, голубая от лунного света. В дальней стороне ее, окруженный с трех сторон темными соснами, белел дом «трикотажей». Боря зачем-то снял кепку. На его макушке, как перо индейца, торчал одинокий прямой вихор.

— Спят и не знают, что мы им готовим, — прошептал он.

Все молча кивнули головами и продолжали смотреть на белый дом.

Завтра начнется военная игра. Завтра отряды «карбидов» и «трикотажей» с красными и синими повязками на руках станут ползать в лесу, стараясь пробраться к лагерю «против-

ника» и похитить флажок, спрятанный в условном месте. И все это время пятеро отважных разведчиков будут сидеть на холме под самым носом у «неприятеля». Они будут следить за каждым движением «противника» и сообщать обо всем по телеграфу в свой штаб. Это придумала Таня. Разведчики выждут удобный момент, и по их сигналу толпы «карбидов» врасплох нападут на «трикотажей» и спустят с высокой мачты флаг.

— Пошли! — тихо скомандовала Таня. — Борис, Ленька, тяните провод!

«Карбиды» в молчании направились к погребу. Один за другим вошли в низенькую дверь между скатами крыши. Таня включила карманный электрический фонарь.

Наземная часть погреба была пуста. В середине дощатого пола чернел открытый люк. Ребята, стоя вокруг него на четвереньках, заглянули вниз.

В глубокую яму вела приставная лестница. На дне ямы при слабом свете Таниного фонарика ребята увидели пустые деревянные кадки.

— Капусту квасили, — прошептала Вава.

Леня поправил кепку, съехавшую на нос, и тихонько засмеялся:

— Танька! А вдруг здесь крысы есть!

— Не испугаешь. Они бы здесь с голоду подошли. Чем языком болтать, устанавливай аппарат.

Вскоре телеграфный аппарат с электромагнитом от звонка, роликом от пишущей машинки и бумажной лентой, нарезанной из газетных полей, стоял в углу под скатом крыши. Сидя возле него на корточках, ребята смотрели, как Леня делал пробу.

— Передай, — сказала Таня: — «Погреб заняли, невзирая на трудности. Сообщите, как принимаете. Начпункта Закатова».

Леня снял кепку, склонил стриженую голову над аппаратом и стал нажимать на ключ, тихо приговаривая:

— Точка, тире, тире, точка... Тире, тире, тире...

Леня передавал эту депешу минут пять и весь взмок от напряжения. Подконец сообщил, что переходит на прием, и повернул какой-то рычажок. Теперь все смотрели на якорь-магнита с карандашным графитиком. Вот он слегка дернулся. Леня взял пальцами кончик бумажной ленты и стал тянуть ее к себе.

Где-то за лесом, в комнате у вожатого «карбидов», дежурный телеграфист лагеря Сеня Жуков стучал ключом, а здесь на бумажной ленте появились слабые черточки и точки. С трудом разбирая их при свете фонаря, Леня читал:

— «При-маем хшо. Же-ла-ем у-пе-ха. Дежурный связе-е-ет Жуков».

Вава тихонько засмеялась и тихо захлопала в ладоши.

— Работает! — в восторге шептали «карбиды». — Работает!

После испытания аппарата они разместились по разным углам, и Таня потушила фонарь.

Стало совсем темно. Только щели в крыше светились слабым, ночным светом. Ребята притихли каждый в своем углу. Было слышно, как журчит ручей под холмом и пищит одинокий комар, залетевший в погреб. Так прошло полчаса.

— Товарищи! Вы не спите? — зашептал вдруг Боря.

«Карбиды» возмущенно заворчали в темноте:

— Мы и не думали засыпать!

— Знаете что? Вот все ребята спят сейчас в тылу в теплых постелях, а мы тут бодрствуем на передовых позициях... А, товарищи?

— Угу! — отозвался кто-то.

Таня заворочалась где-то возле двери:

— Слушайте-ка! А что бы нам такое совершить?

— Совершить?.. Что совершить?

— А вот: нас с нашим лагерем соединяет только провод. И вот бы по этому проводу послать депешу: «Сегодня, положим, в ноль часов пятьдесят минут разведчики такие-то со-

вершили то-то и то-то». Что-нибудь особенное, подвиг, понимаете?

Эта мысль всем понравилась. «Карбиды» стали придумывать, какой бы совершить подвиг.

— Нет! — сказал Леня. — Такую депешу послать: «Сегодня ночью разведчики такие-то пробрались... в это... как его... в месторасположение неприятеля и... сделали чего-нибудь такое».

— А что именно сделали? — спросил Боря.

— Ну, какой-нибудь диверсионный акт.

— Ой, девочки! — пропищала Вава. — У них там две овчарки и ночной сторож. Они такой «диверсионный акт» покажут, что просто ужас!

— И вообще нельзя: игра еще не началась, — сказала Таня.

Долго ломали головы «карбиды».

Постепенно щели в крыше посветлели. На полу стало заметно черное пятно люка, а по углам — смутные фигуры ребят. Они сидели кто на корточках, кто просто на полу и переживались от утреннего холода.

— Закусим? — предложил Боря.

Вава развязала мешок. Она вынула оттуда буханку хлеба и несколько вареных картофелин. Затем, хитро посмотрев на ребят, извлекла одну за другой пять сушеных вобл.

— Сама достала в сельпо! — сказала она важно, раздавая ребятам порции на салфетках из газеты.

Разведчики принялись громко чмокать, обсасывая косточки воблы, и продолжали вслух мечтать о подвиге.

— Хоть бы гроза какая-нибудь! — говорила Таня, держа двумя пальцами рыбий хвост. — «В районе наблюдательного пункта разразилась гроза. Погреб затоплен. Продолжаем наблюдение за неприятелем по колено в воде».

— А по-моему, лучше так, — предложил Боря: — «В районе наблюдательного пункта бушует гроза. Огромное дерево упало рядом с погребом. Продолжаем наблюдения».

— Нет! Не так! Вот как! — Леня даже приподнялся: — «В районе наблюдательного пункта бушует гроза. Молния ударила в погреб. Часть разведчиков оглушена. Продолжаем наблюдения среди дымящихся развалин».

— Ой, девочки! — пропищала Вава. — Если все это случится, вожатые прогонят нас отсюда и прекратят игру.

* * *

Прошло часа три. Щели в крыше стали золотистыми, и от них протянулись сизые лучи, в которых плавали блестящие пылинки. Мрачную картину осветили они!

Бледные, осунувшиеся, ребята сидели на своих местах, вытянув шеи, поминутно делая судорожные глотательные движения. Клочки газеты, обглоданные рыбы кости и картофельные очистки валялись на полу.

Прижавшись затылком к стене и перекатывая голову с одного плеча на другое, Леня громко, с надрывом шептал:

— Ну прямо все кишки выжгло!.. Прямо, наверно, какое-нибудь воспаление теперь начинается! — И, уставившись на Таню злыми глазами, сказал: — Ну, чего тебе сделается, если я к ручью сбегая?

— Не пущу. Трикотажи увидят, — в десятый раз повторила Таня.

— Увидят! Они еще спят преспокойно, а ты здесь мучайся!

Таня, бледная, решительная, стояла на коленях, загоразживая собою дверь:

— Все хотят пить. И я не меньше тебя.

— Не меньше! Две кружки чаю за ужином выпила, а я...

— Не пущу! Понятно?

Боря молча слушал этот разговор. Длинная физиономия его еще больше вытянулась. Вава коротко всхлипывала, точно икала, а ее брат сидел неподвижно, страдальчески подняв маленький нос и большие темные глаза.

Вдруг Боря поднялся:

— Товарищи! Зачем ссориться? Если каждый станет бегать к ручью и обратно, то нас могут заметить. Но кто-нибудь может взять рюкзак и принести воду для всех.

— Правильно! Он брезентовый и не протекает.

— И очень хорошо! И великолепно! — одобрительно записала Вава.

— Не пущу!

Но тут терпение у «карбидов» лопнуло. Леня, согнувшись, подошел к звеньевой. Вава вскочила на ноги. Злое лицо ее выглядывало из-за Лениной спины. Шагнул вперед и Боря с торчащим вихром.

— Что ж, нам здесь помирать? — мрачно спросил Леня.

— Не пущу!

— Кричала, кричала о подвиге, а как до дела дошло — одного человека боишься выпустить!

— Не пущу!!

— Ой, девочки, какая странная у нас звеньевая! Крыс боится, трикотажей боится и всего боится!

Леня бил себя кулаком в грудь:

— Ну, меня, меня пусти! Я так проползу, что...

— Уж ты проползешь! Знаем тебя!

— Ну, сама иди!

— И сама не пойду.

Леня подошел к ней поближе. Неожиданно мягким, ласковым голосом он спросил:

— Струсил?

— Струсил? — пискнула Вава.

Таня вскочила, стукнулась головой о крышу и, держась за макушку, отчеканила:

— Давайте мешок!

— Вот и прекрасно! Вот и прекрасно! И ничего такого не случится, — миролюбиво заговорила Вава, вытряхивая из рюкзака остатки провизии.

Таня сняла пальто и взяла мешок.

— Струсил, говоришь?

Она открыла дверь, согнулась, чтобы не стукнуться снова о притолоку, сделала шаг вперед, остановилась на секунду... и вдруг, резко дернувшись назад, закрыла дверь.

— Чего ты? — удивились ребята.

— Стоят! — чуть слышно ответила Таня.

Все бросились к стене и приникли к щелям в досках. Даже Дима перестал «умирать». Повертев удивленно головой, он поднялся и подбежал к двери.

На крыльце дома «трикотажей» стояли двое мальчишек с полотенцами через плечо: один — маленький, другой — большой. Маленький, протянув руку, показывал на погреб.

«Карбиды» бросились прочь от стены.

— Идут!

— Ой, девочки, прямо сюда идут!

С минуту они метались по погребу, стучаясь головами о скаты крыши.

— В люк! В бочки! — скомандовала Таня. — Всё убрать!

Пальто, катушка из-под провода, рюкзак, очистки картошки, рыбы головы и хвосты полетели вниз, в глубину погреба. Ленья отцепил аппарат от провода и съехал на животе по шаткой приставной лестнице вниз. За ним скатились остальные. Кряхтя, толкаясь, «карбиды» убрали лестницу и спрятали ее за бочки, лежащие двумя рядами у стен. Бросили туда же свои вещи и остатки провизии. Затем каждый забрался в бочку, и все затихли.

Прошла минута, может быть две. Вот наверху скрипнула дверь. Послышались два приглушенных голоса. Один, солидный, басистый, похожий на голос Бурлака, сердито спросил:

— Ну, где твои карбиды?

Другой, тонкий, ответил негромко, но горячо:

— Честное пионерское, видел! Эта, ихняя... Петр Первый... По ковбойке узнал. Открыла дверь, а потом сразу как захлопнет... А за ней еще какие-то... Сам видел.

— Сколько? — спросил председатель.

— Десять... Нет, Мишка, человек двадцать! Так и высматривают, так и высматривают!

— Врешь, — лениво сказал Бурлак.

— Ну вот тебе честное-распречестное слово! Знаю, где они! Внизу сидят.

Притихшие в бочках «карбиды» услышали, как два «трикотажа» подобрались к люку.

— Эй! — басом крикнул маленький мальчишка.

Ленина бочка лежала против Таниной. Он взглянул на звеньевую. Таня сидела согнувшись, поджав под себя колени, прикусив кончик языка. Один глаз ее был закрыт прядью волос, другой неподвижно смотрел куда-то вверх.

— Эй, Петр Первый! Все равно знаем: в бочках сидите.

Ребята даже дышать перестали. Затекали ноги, болели спины, а шевельнуться было нельзя: при малейшем движении бочки качались.

— В бочках сидят! Честное пионерское, в бочках! Бежим подыдем тревогу! Это разведчики ихние!

— Чудак ты, право, человек! Подыдем тревогу, а здесь никого не окажется. Смешно прямо!

— Давай спрыгнем, посмотрим.

— И поломаем шеи!

— Ну, давай я один спрыгну, собой пожертвую. Хочешь?

— Собой жертвовать нетрудно. А ты попробуй без жертв захватить. Это другое дело.

— А как... без жертв?

Два «трикотажа» стали шептаться так тихо, что «карбиды» ничего не могли услышать. Потом маленький хихикнул и спросил:

— На веревке?

— Ну да, — ответил Бурлак.

Они опять зашептались.

— Ладно, сторожи. Я сейчае! — громко сказал Бурлак и вышел из погреба.

Некоторое время стояла полная тишина. Было слышно,

как над люком дышит и шмыгает носом маленький «трикотаж». Вдруг он поворочался наверху и довольным тоном объявил:

— А Мишка за белой крысой пошел!

«Карбиды» почуяли недоброе. Леня снова взглянул на Таню. Она еще больше сжалась в своей бочке.

— Эй, Петр Первый, выходи лучше! — угрожающе крикнул «трикотаж».

«Карбиды» молчали. Сердца их отчаянно бились. Хотелось шумно, глубоко вздохнуть, а мальчишка над люком, как назло, притих.

Прошло минут десять. Наверху раздались шаги, и снова послышался шопот:

— Зачем за ногу? За хвост!.. Осторожней, дурак, уронишь!.. Потихоньку! Потихоньку!

Между бочками Лени и Тани появилась в воздухе белая крыса. Вертясь и покачиваясь, суча розовыми лапками, она медленно опускалась, привязанная на шпагате за хвост. Вот она заскребла передними лапками земляной пол и села, поводя острой мордой с подвижными усиками.

— Эй, Петр Первый, выходи! Хуже будет!

Таня, бледная, закусив губы, пристально смотрела на крысу. Сжатые кулаки ее с острыми косточками дрожали.

Шпагат натянулся и дернул крысу за хвост. Она поползла в сторону Лени, волоча за собой веревку. Леня знал, что белые крысы не боятся людей. Так оно и оказалось. Крыса вошла в бочку и, наступив лапой на Ленин мизинец, стала его обнюхивать. Леня приподнял было другую руку, чтобы схватить крысу и не пустить ее к Тане, но вспомнил, что «трикотаж» могут дернуть за веревку, и раздумал.

Шпагат снова натянулся и вытащил крысу в проход между бочками.

— Так все бочки обследовать! Понимаешь? — услышали ребята шопот Бурлака.

— Есть все бочки обследовать!

Белая крыса бесшумно ползала по дну погреба. Она то заползала в одну из бочек, то снова появлялась на черном земляном полу, и пять пар внимательных глаз, скрытых от «трикотажей», следили за каждым ее движением.

Вот она снова очутилась между Леней и Таней и снова направилась к Лене...

Веревка натянулась. Крыса остановилась, а потом повернула к Тане.

Бочка, в которой сидела Вава, качнулась. К счастью, «трикотажи» не заметили этого.

Таня крепко зажмурила глаза. Все сильнее и сильнее дрожали ее сжатые кулаки и худенькие плечи. Крыса часто останавливалась, сворачивала в сторону, но все же приближалась к ней. Вот она вошла в бочку, обнюхала дрожащий кулак и, неожиданно вскочив на Танину руку, стала карабкаться на плечо. Не разжимая глаз, Таня широко открыла рот, и Леня понял, что сейчас раздастся тот истошный, пронзительный визг, который раздался вчера вечером на линейке «трикотажей». Но визга он не услышал. Таня сжала зубы и больные не делала ни одного движения. А крыса забралась на ее плечо и подползла к шее. Ее белые усики шевелились возле самого Таниного уха.

Снова дрогнула бочка, в которой сидела Вава. Леня не боялся крыс, но по спине его бегали мурашки, когда он смотрел на звеньевую.

Где-то далеко прозвучал горн. В ту же секунду крыса вылетела из бочки. Дрыгая лапами, она взвилась вверх и исчезла.

— Хватит дурака валять! — проворчал над люком Буралак.

— Да честное пионерское, мне показалось... — уже совсем неуверенно сказал его товарищ.

— Мало чего тебе показалось! Сначала проверь, потом подымай панику. Идем!

И «трикотажи» ушли из погреба.

Один за другим вылезли из бочек измученные, грязные «карбиды». Они собрали свои вещи и приставили лестницу. Никто из них не сказал ни слова.

Молчали они и наверху. Леня стал прикреплять концы проводов к аппарату, остальные сели по своим местам и прикинули к щелям между досками.

От пережитого волнения жажда усилилась. Каждому казалось, что вот-вот потрескается кожа на языке. Но все молчали и время от времени поглядывали на Танию. Она стояла на коленях перед дверью и не отрывалась от щели.

— Аппарат готов, — тихо сказал Леня.

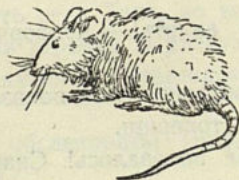
Звеньевая молчала, попережнему глядя в щель. Перед белым домом выстроились четырехугольником «трикотажи». Опять заиграл горн. Послышалась дробь барабана, и красный, горящий на солнце флаг рывками поднялся вверх.

— Передай, — не оборачиваясь, сказала Тая: — «Флаг у противника поднят».

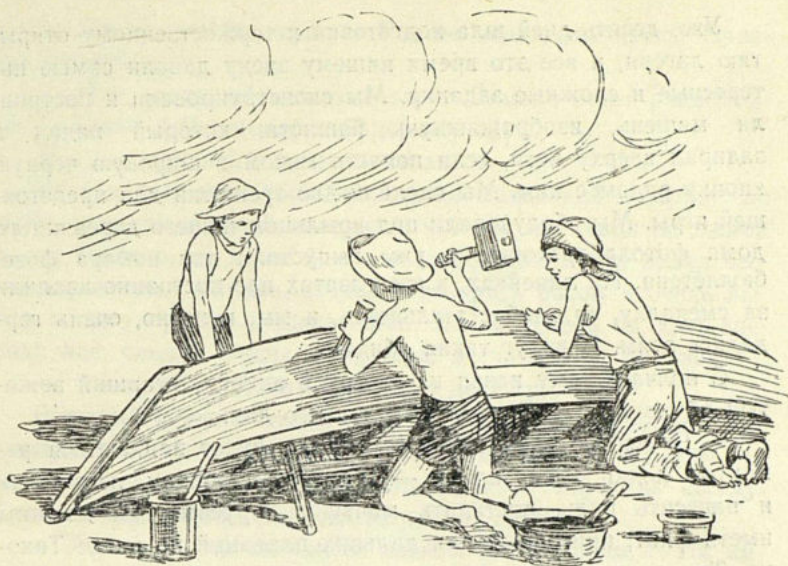
Леня облизнул пересохшие губы и прислушался к слабому журчанию ручья под холмом. Он знал теперь, что он и его товарищи будут слушать это журчанье три часа, пять, может быть восемь, и никто из них не скажет ни слова о том, что хочется пить.

Склонив голову к аппарату, Леня стал медленно нажимать на ключ, шепча про себя:

— Точка, точка, тире, точка... точка, тире, точка, точка... «Флаг у противника поднят!»

ПЕСОК

Солнце уже село. Деревья на лужайке в нашем лагере потемнели, и только верхушки самых больших берез еще поблескивали красноватым блеском, словно сделанные из ярко начищенной меди.

У забора, на котором висели умывальники, толкались десятки голоногих ребят. Гремели железные клапаны, слышалось фыркание, взвизгивали девчонки.

Наше звено не спешило умываться. Мы стояли поодаль с полотенцами на плечах, с мьльницами и зубными щетками в руках и всё никак не могли притти в себя от свалившейся на нас неприятности.

Уже десять дней шла подготовка к торжественному открытию лагеря, и все это время нашему звену давали самые интересные и сложные задания. Мы сконструировали и построили мишень, изображавшую фашиста, который падал и задира л кверху ноги, если попасть мячом в широкую черную кнопку рядом с ним. Мы сделали две трещотки для предстоящей игры. Мы оборудовали под крыльцом нашего деревянного дома фотолабораторию и уже выпустили два номера фото-бюллетеня. На линейках, в стенгазетах нас постоянно хвалили за смекалку, за изобретательность, и мы, конечно, очень гордились этим. И вдруг такая обида!

С полчаса тому назад на вечерней линейке старший вожатый объявил нам порядок завтрашнего дня.

— Четвертое звено первого отряда будет заниматься ремонтом лодки, — сказал он. — Заделать пробоину, изготовить и навесить руль, поставить мачту с парусом. Мы должны иметь флот, пригодный для дальних плаваний по речке Тихоне. Три других звена первого отряда (значит, в том числе и наше), а также весь второй отряд должны будут посыпать линейку песком. Вернее, даже не посыпать, а засыпать, толстым слоем засыпать. Почва здесь глинистая. Пойдет дождь — утонем в грязи.

Сами понимаете, как это «увлекательно» — таскать песок! Ведь на подобной работе можно умереть со скуки. И это в то время, когда другие ребята будут заниматься такими интересными и ответственными делами, как ремонт лодки, подготовка к подъему мачты, устройство аттракционов...

— Весь завтрашний день насмарку! — процедил сквозь зубы высокий тонконогий Лодья Виноградов. Он стоял, опустив голову в белой панаме, и снимал облупившуюся от загара кожу с голой по локоть руки.

Демьян заложил руки за спину, опустил голову и нахмурил брови.

Ваня Сердечкин смотрел грустными глазами то на одного, то на другого из нас:

— Ладно, ребята, пусть!.. Раз не ценят, так пусть! Правда, ребята?

— Нет, не пусть! — сказал вдруг Демьян очень решительно. — Идемте! Я поговорю. Я докажу ему!

Мы направились к умывальникам.

Ростом наш звеньевой был самый маленький в отряде, но очень крепкий и такой солидный, что все его звали не Демой и, уж конечно, не Демкой, а только Демьяном. Он ходил всегда огромными шагами, старался говорить басом и очень любил всякие мудреные выражения. Вот и теперь он шел впереди нас, словно метры отмеривал, и гудел себе под нос:

— Я поговорю! Я ему логически докажу!

Вожатый нашего отряда Яша наблюдал за порядком возле умывальников и время от времени останавливал тех, кто лез без очереди или норовил налить воды за воротник соседу. Демьян остановился, немного не доходя до него.

— Яш! — позвал он самым низким своим басом. — На минутку! Важное дело.

Яша подошел к звеньевому. Он был очень загорелый, у него были черные курчавые волосы. В сумерках он сильно походил на негра.

— Яша, — снова заговорил Демьян, — я должен заявить тебе от всего звена: мы считаем, это нерационально.

— Что «нерационально»? — спросил вожатый, оглядываясь в сторону умывальников.

— Посылать наше звено на песок.

— Нерационально, говоришь?

— Ага! Посылать наше звено на песок — это все равно что инженеров заставлять работать грузчиками.

Яша скрестил на груди руки и уставился на Демьяна:

— Что, что? Каких инженеров? Какими грузчиками?

Демьян подошел почти вплотную к вожатому и продолжал убедительным тоном:

— Яша! Подожди. Давай рассуждать так... логически. Кто в нашем звене?.. Лодя Виноградов! Сам знаешь, как он

столярничает. Он не только руль для лодки, он всю лодку может сам построить... Еще кто в нашем звене?.. Ваня Сердечкин! Он...

— Понятно! Ты покороче немного.

— Вот. А ты таких людей — на песок! А кто в четвертом звене? Чем они себя проявили? Ремонтировать лодку — тут голова нужна... Они, может быть, инструмента в руках не умеют держать, а ты их на такое ответственное дело! А людей... этих... ква... квалифицированных ты — на песок! Нерационально.

— Всё? — спросил Яша недобрым голосом.

— Всё.

— Так вот, слушай меня. У нас не завод, а пионерский лагерь. А вы пока еще не инженеры, а всего-навсего мальчишки, да к тому же, как видно, здорово зазнавшиеся мальчишки. Стыдно вам, пионерам, так относиться к физическому труду! Белоручки!

Демьян присмирел. Вся его солидность куда-то исчезла. Он стоял, втянув голову в плечи, и грустно смотрел вожатому на ноги. Зато мы обиделись и заговорили:

— Насчет белоручек, это ты, Яша, зря...

— Мы вовсе не к физическому труду... мы к скучному труду так относимся.

— Пускай хоть бы самая тяжелая работа, но только чтобы была интересная.

— Неплохо придумали, — усмехнулся Яша: — пусть четвертое звено делает скучную работу, а вам подавай только интересную!.. Не выйдет, голубчики!.. Хороши! Квалификацией своей возгордились! — Он сунул руки в карманы, прошелся взад-вперед и сухо добавил: — Можете ничего завтра не делать. Принуждать вас никто не собирается. Загорайте.

— Зачем напрасно оскорблять? — пробормотал Демьян. — Что мы, лодыри?!

Яша не ответил. Мы тоже больше не говорили ни слова, и молчание длилось очень долго. Должно быть, у нас

был очень печальный вид, и это подействовало на водителя. Когда он снова заговорил, голос его был уже не такой сердитый:

— Отнимать у четвертого звена ремонт для вашего удовольствия я не буду. Если четвертое звено само захочет с вами поменяться, тогда — другое дело.

Мы даже плечами пожали.

— «Само захочет»! Они не сумасшедшие.

Яша посмотрел на нас как-то искоса, и мне показалось, что он слегка улыбнулся.

— А вы попытайтесь, поговорите. Вы люди умные. Докажите им, что даже такое дело, как тасканье песка, может быть интересным.

Яша смотрел на нас и почесывал переносицу, прикрывая ладонью улыбающийся рот. Мы поняли, что больше разговаривать не о чем, и поплелись к умывальникам.

— Все шуточки! — тихо сказал Демьян.

Умывшись, мы пошли в дом. На крыльце Лодя Виноградов остановился и сказал:

— На такой большой лодке можно было бы не один, а два паруса поставить. Кливер, например...

— Завтра будет тебе «кливер», — проворчал Демьян. — Будешь с носилками ходить и любоваться, как четвертое звено лодку карежит.

Конечно, о том, что четвертое звено покарежит лодку, Демьян просто так сказал, с досады, но все мы кивнули головами.

Лагерь наш стоял у самой реки, но на этом берегу, низком, поросшем ивами, песка не было. Его нужно было доставать на том берегу, где с высоких обрывов спускались большие осыпи. Чтобы принести носилки или ведро с песком, нужно было дойти до пешеходного мостика, который находился метрах в тридцати от границы лагеря, перейти через этот мостик и проделать такой же путь обратно. Я прикинул все это в уме, и меня тоска взяла.

— Демьян! — задумчиво сказал Лодька.

— Да?

— Может, поговоришь с ними? Чем чорт не шутит...

— Наивный ты человек, Всеволод!

— А ты все-таки попробуй, разведи какую-нибудь дипломатию. Вот, мол, песок — это только с виду такое скучное дело; мол, это только сначала кажется, что ничего тут мудреного нет, а на самом деле...

— Что «на самом деле»?

— На самом деле... это... ну вообще чего-нибудь там... — Лодя помахал руками у себя перед носом и умолк.

— Сам не знаешь, а говоришь! — сказал Демьян, но тут к нему пристали другие мальчишки:

— А тебе трудно поговорить, да? Ведь в одной с ними комнате ночуешь!

— Знаешь поговорку: «Попытка — не пытка, а спрос — не беда»?

Демьян взглянул на меня, потом на Ваню Сердечкина. Мы трое ночевали в той комнате, где помещалось четвертое звено.

— Конечно, ребята... Дело, ребята, конечно, трудное, но все-таки попробовать можно. Правда, ребята? — сказал Ваня.

«Трудное»! Мне это казалось такой задачей, над которой самый лучший дипломат себе голову ломает. Посмотрели бы вы на звеньевого четвертого звена Мишку Авдотьина! Он большой, грузный и всегда такой спокойный и серьезный, словно ему не тринадцать лет, а все тридцать. Попробуйте убедите такого в том, что белое — это черное, а черное — белое!

Через несколько минут мы лежали в постелях.

Совсем стемнело. За окном пропел горн: «Спать пора, спать пора!» Однако четвертое звено еще не угомонилось. В углу комнаты слышались возня, приглушенный смех и мягкие удары: там затеяли драку подушками. Вдруг кто-то сказал: «Внимание! Воздух!» — и началась игра в «противовоз-

душную оборону». С минуту все лежали тихо и прислушивались к писку залетевшего в комнату комара. Затем Сережа Огурцов скомандовал сам себе: «Пятая батарея, огонь!» и принялся быстро хлопать над собой ладонями, стараясь впотемках попасть по комару. Когда «вражеский самолет» вышел из зоны его «обстрела», открыла огонь «шестая батарея», то-есть Сурэн Атарав.

Ни Демьян, ни Ваня, ни я не принимали участия в игре. Я все думал, думал, думал, с чего бы начать наш дипломатический разговор, да так ничего и не придумал. Как видно, и у Демьяна и у Вани дела были тоже неважные. Демьян, кровать которого стояла рядом с моей, лежал совсем тихо. Ваню я не мог видеть, но слышал, как он ворочался и вздыхал.

Наконец комара убили, и четвертое звено успокоилось. Наступила тишина. Даже Ваня перестал вздыхать. В открытое окно над моей головой потянул теплый ветерок и принес с далекой железнодорожной станции свисток, потом гудок и частое уханье паровоза, сдвигающего с места состав.

— Михаил! — пробасил вдруг Демьян.

— Ну? — сонным голосом отозвался тот.

— Вы завтра лодку будете ремонтировать?

— Угу.

— А мы — на песок.

— Знаю. Спи!

Наш звеньевой после этого долго молчал, а я лежал и нервничал: ведь Михаил каждую минуту мог уснуть! Наконец Демьян равнодушно сказал:

— Не завидую я вам.

Миша не ответил и даже начал похрапывать. Демьян встревожился:

— Михаил! Слышишь?

— Тьфу ты!.. Что тебе?

— Не завидую я вам, что придется с лодкой возиться.

— Ну и не завидуй. Я спать хочу.

— Песок, ребята... песок — это настоящее дело, а лодку ремонтировать — это детские игрушки, да? — сказал из темноты Ваня Сердечкин.

Миша молчал, зато Сережа Огурцов проговорил:

— А что в нем хорошего, в песке? Таскай да таскай!

— Это как сказать, — загадочно возразил Демьян.

— Кто не понимает, тому, конечно, и правда только «таскай да таскай», — добавил Ваня.

— А ты понимаешь?

— А то нет!

— Ну, что ты понимаешь?

— Что понимаю? — Ваня помолчал. — А вот то и понимаю, что понимаю. Правда, ребята?

— Само собою разумеется, — подтвердил Демьян.

Сергей громко зевнул:

— Ну вас!.. Болтают чего-то, а что — сами не знают.

Я лично знал только одно: ничего у нас не получается с дипломатическим разговором. Я шепнул Демьяну:

— Кончай! Безнадежно!

Однако он не послушался и заговорил громче прежнего:

— В том-то весь интерес и заключается: песок — неинтересное дело, а ты попробуй сделай его интересным! Вот где почетная задача!

Одна из кроватей заскрипела.

— Послушай! У тебя в голове песок или мозги? — с чувством сказал Сурэн. — Отбой был или не был?

— Ну, был. А ты знаешь, что такое песок? Это простор для рационализаторской мысли!

— Чего, чего, чего? — переспросил Сергей.

— Того! Придумать, как поставить парус, — легко. Ты вот придумай, как на подноске песка рационализацию провести, тогда — другое дело. Тогда, значит, ты человек... человек... мыслящий.

— Ты вот попробуй, ты вот попробуй! — затараторил Ваня. — На песок почти два отряда назначили, а ты попро-

буй, чтобы десять человек управились. Попробуй рационализацию придумать!

— А ты какую придумашь рационализацию? — спросил Мишка. Он, оказывается, еще не спал.

Демьян и Ваня молчали, но мне в голову пришла как будто неплохая мысль:

— Не носилками его с того берега таскать, а в лодке возить!

— У-у! — протянул Сережка. — Пока лодку нагрузишь, да пока переплывешь, да пока перенесешь песок на линейку — полдня уйдет.

— Лучше даже не лодку, — сказал Ваня. — Лучше такой деревянный жолоб построить с того берега до самой линейки. Тот берег высокий и...

— Знаешь, когда ты такой жолоб построишь? — сказал Сурэн. — Когда вторая смена в лагерь придет.

— Можно без жолоба. Можно проще... — начал было Демьян и вдруг умолк.

— Ну? — сказал Мишка.

Демьян не ответил.

— Демьян! Зачем молчишь? Еще не придумал, да?

— Хватит. Спать пора! — сказал Демьян.

Этого я никак не ожидал.

— Можно еще и по-другому... — заговорил Ваня, но Демьян его оборвал:

— Иван, слышишь! Довольно тебе!

— Чудак ты какой человек, Демьян!.. Я хотел сказать...

— А я говорю: хватит. Я знаю, что делаю! — Демьян толкнул меня в бок и прошептал: — Не спи. Слышишь? Секретный разговор... гениальная идея!

...Утром сто восемьдесят наших пионеров, одетых в синие трусы, голубые майки и белые панамы, стояли на линейке и жмурились от солнца. Звеньевые и вожатые уже сдали рапорты. Старший вожатый Семен Семенович ходил перед строем и говорил:

— Внимание! По первоначальному плану, второй отряд целиком и три звена первого отряда должны были сегодня носить на линейку песок. Полчаса тому назад звеньевой Демьян Калашников заявил мне, что его звено одно берется выполнить всю работу в тот же срок. Посему второй отряд совместно с двумя звеньями первого отряда направляется сегодня не на песок, а в лес за земляникой. Вопросы есть?

Сразу поднялось несколько десятков рук. Всем хотелось узнать, как это мы, восемь мальчишек, думаем заменить почти два отряда. Но Семен Семенович отказался ответить:

— Это пока секрет изобретателей. Сами попробуйте догадаться.

Мы тоже держали всё втайне, хотя за завтраком к нам приставал с расспросами почти весь лагерь. Я чуть не подавился гречневой кашей с молоком — так не терпелось поскорее начать работу. Мы с Демьяном и Ваней не спали почти всю ночь, шопотом обсуждая проект звеньевого. Но сейчас чувствовали себя удивительно бодрыми — хоть горы ворочай!

Завтрак кончился. Младшие отряды вооружились сачками и ушли в луга ловить бабочек. Второй отряд и свободные пионеры из первого отправились в лес. По дороге они остановились на узком мостике через реку и долго стояли там со своими корзинами, разглядывая берега, судача о нашей затее.

Слишком долго рассказывать, как мы трудились, выполняя Демьянов проект. Этак я все тетрадки свои испишу. Скажу только, что без четверти двенадцать мы начали испытание нашей подвесной дороги.

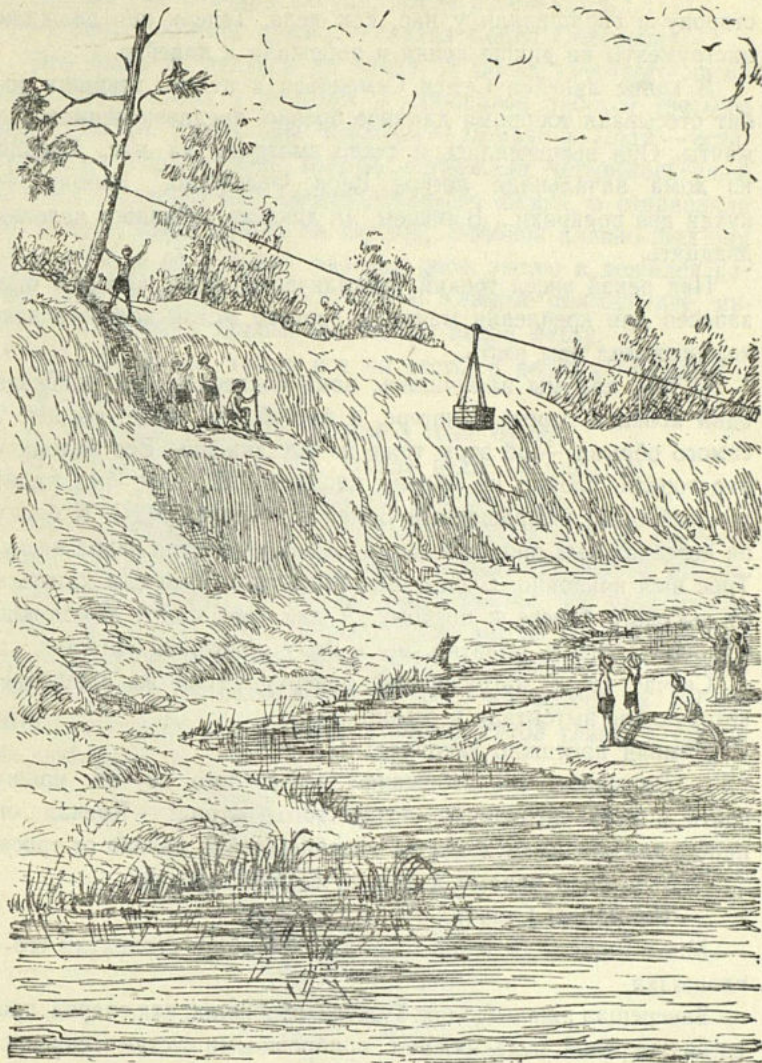
Крепко пекло солнце. Мы, восемь мальчишек, и с нами вожатый Яша в одних трусах да панаме стояли на крутой песчаной осыпи, спускавшейся с высокого обрыва. Под нами за узкой речкой Тихоней раскинулся лагерь.

Яша скомандовал: «Три-четыре!» — и мы закричали:

— Вни-ма-ни-е! На-чи-на-ем ис-пы-та-ни-е!

На том берегу на траве лежала большая лодка, обратив к небу красно-серое днище. Возле нее копошились ребята.

Они и раньше часто прерывали работу — смотрели в нашу сторону и спрашивали у нас, как дела. Теперь они сложили инструменты на днище лодки и побежали к линейке.

В конце линейки Семен Семенович и пятеро старших ребят отесывали топорами длинное бревно, предназначенное для мачты. Они выпрямились и стали смотреть на нас. Вышла из дома начальница лагеря Вера Федоровна. Вышли из кухни две поварихи... В общем, на линейке собралось человек двадцать.

Над рекой висел тонкий металлический трос, который был запасен для крепления мачты и лишний моток которого завхоз позволил нам взять.

О том, как мы намучились, пока подвесили его, привязав один конец к березе в лагере, а другой — к сосне, росшей у самого обрыва, — об этом тоже не расскажешь. Все ладони у нас горели, словно их облили кислотой. На трос был надет ржавый блок, выпрошенный Ваней в соседней МТС. К блоку на веревках был привязан ящик, вмещающий три ведра песка. Трос шел наклонно. Блок с ящиком должен был сам катиться от высокого берега к низкому. А для того чтобы его можно было подтягивать обратно, мы к нему привязали шпагат.

Сейчас ящик, нагруженный доверху, стоял на площадке, которую мы вытоптали в осыпи.

Демьян протяжно закричал:

— Внимание! Во избежание несчастного случая, прошу сойти с пути следования воздушного вагона! — Кричал он просто для важности: люди на линейке стояли далеко от троса.

Демьян снял панаму и поднял ее над головой:

— Внимание! Старт!..

Мы с Яшей и Лодькой налегли на ящик и столкнули его с площадки.

Заверещал ржавый блок. Тяжеленный ящик, как снаряд, пронесся над рекой, мелькнул над прибрежными кустами, снизился над линейкой и с такой силой треснулся там о землю, что доски, из которых он был сколочен, полетели в разные стороны.

На линейке сначала ахнули, потом рассмеялись.

— Придерживать нужно, — сказал Семен Семенович.

Это было за полчаса до обеда. А после «мертвого часа» весь лагерь стоял у линейки и любовался работой третьего звена. Теперь только два человека — Демьян и Лодя — оставались на обрыве. Они быстро нагружали четырехведерный бочонок, подвешенный вместо разбитого ящика, и отправляли его в путь, придерживая за веревку. Бочонок плавно шел над рекой; дойдя до линейки, задевал дном землю и ложился набок, вываливая треть своего груза. Каждые полторы-две минуты на линейку прибывало четыре ведра песку.

Мы трудились, забыв все на свете, а десятки зрителей в это время ныли:

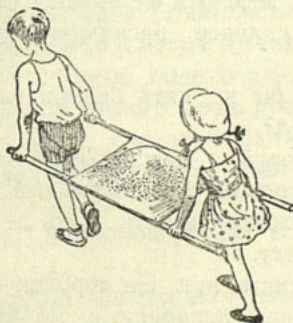
— Демьян, а Демьян, можно я тоже буду?

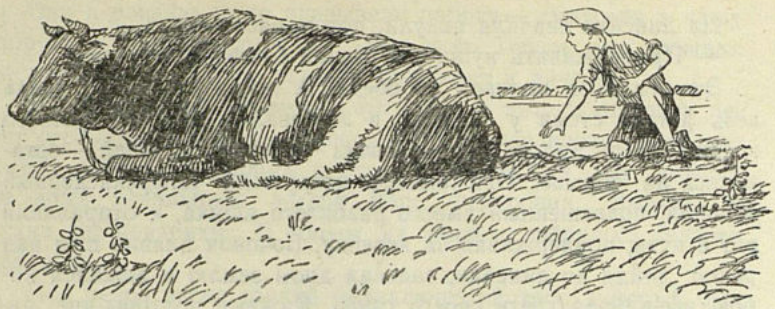
— Давайте сменим вас, устали ведь... Жалко, да?

К вечеру мы засыпали песком всю линейку.

На следующий день все звенья и отряды чуть не перессорились из-за того, кому первому работать на нашей дороге.

На третий день Семен Семенович сказал, что этак лагерь превратится в пустыню Сахару. Тогда мы из полена и жести сделали птицу, похожую на ястреба, и подвесили ее к блоку вместо бочки. «Ястреб» летел по тросу на лагерь, а ребята обстреливали его в это время комками сухой глины и еловыми шишками.

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ НЕРВОВ»

У Лоди была одна слабость: ему так хотелось прослыть храбрецом, человеком исключительным, прошедшим огонь и воду, что он иной раз не мог не приврать.

Когда в пионерском лагере устраивали прогулку на лодках по реке, он всем своим видом давал понять, что ему скучно катанье в «этой посудине для сухопутных крыс и маменькиных сынков». Если проходил пароход и лодки начинали покачиваться, а девочки весело и немного испуганно пищать, Лодя нарочно еще сильнее раскачивал «эту посудину» и говорил:

— Попробовали бы вы пять баллов на Черном море!

— А ты пробовал?

Лодя кивал головой и рассказывал о том, как он, взяв потихоньку лодку, прошел в пятибальный шторм из Третьего лагеря Артека к Нижнему лагерю, чуть не разбившись по дороге о скалу Султанку.

— Ничего страшного нет. Не теряйся — и все в порядке. Струсил — тогда играй похоронный марш, — заканчивал он.

Особенно Лодя старался поразить своей отвагой двенадцатилетнюю Машу Брыкину из второго отряда девочек. Ей он рассказывал о том, как он собственными руками задушил напавшего на него бешеного фокстерьера, и о том, как они с отцом заблудились однажды в пустыне Кара-Кум и спаслись только благодаря его, Лодиной, находчивости. Маша всему верила. Ее круглое, очень смуглое лицо со вздернутым носом застывало от ужаса, большие карие глаза неподвижно смотрели на щуплого Лодю. Временами она перебивала рассказчика и взволнованно спрашивала:

— Нет, Лодья, ты сознайся: неужели... неужели ну вот ни капельки не было страшно?

— Что ж тут страшного! — пожимал плечами Лодя. — Не теряйся — и всё.

Маша от избытка чувств мотала головой, и толстая золотистая коса била ее по плечам.

— Нет... нет, Лодья... Ты... ты какой-то особенный! Ты просто человек без нервов!

Сердце Лоди приятно замирало от таких слов. Он начинал мечтать о том, как бы на деле доказать Маше, что он «человек без нервов».

Однажды под вечер Лодя и Маше поручили сходить в соседнюю деревню и пригласить на костер председателя колхоза, получившего звание Героя Социалистического Труда.

До деревни было километра полтора. Слева вдоль проселочной дороги тянулось поле овса, справа вплотную к дороге подступал лес. У самого края росли молодые светло-зеленые елочки; за ними, словно охраняя малышей, стояли взрослые ели с тяжелой синеватой хвоей на опущенных ветках.

Маша то и дело замедляла шаги, всматриваясь в глубь леса.

— Угадай, насколько тянется этот лес? — говорила она. — Не знаешь? До самой железной дороги, больше чем на двадцать километров! Евстигней Иванович, начальник лагеря,

сказал, что если кто-нибудь пойдет в этот лес без вожатых, то его сразу отправят к родным. Знаешь, почему? Потому что в этом лесу не только ребята, а даже здешние колхозники иной раз плутают: кружат, кружат, а выйти не могут.

— Тоже мне лес! Ты настоящего леса не видела, — отвечал Лодя и уже обдумывал новый рассказ о своих приключениях в Уссурийской тайге.

Овес кончился. Дорога отошла от леса и потянулась наискосок через луг. В конце луга виднелись крестьянские бани, за ними — огороды с прямыми рядами картошки, за огородами — избы под высокими ветлами. На лугу, шагах в пятнадцати от дороги, пасся большой, черный с белыми пятнами бык, привязанный к стволу одинокой березы. Поровнявшись с быком, ребята остановились.

— Берендей, — почтительно сказала Маша.

Лодя молча кивнул.

— Его неделю тому назад в колхоз привезли. В стадо его еще не пускают.

— Знаю. Карантин, — сказал Лодя.

— Его вся деревня боится, — снова вполголоса заговорила Маша. — На прошлой неделе, когда его вели в стойло, он лошадь забодал, а во вторник счетовод на велосипеде ехал, так он на него... Счетовод прямо с велосипеда через забор прыгнул и поэтому остался живой.

Все это Лодя уже знал. Знал он также, что Берендей не подпускает к себе ни одного из работников фермы и что ладит с ним лишь колхозный зоотехник, который и привез Берендея откуда-то из-под Ярославля.

Берендей перестал щипать траву, приподнял голову и, стоя боком к ребятам, следил за ними блестящим, немигающим глазом.

— Идем, — сказала Маша. — Он чего-то смотрит на нас...

Лодя побаивался коров. Именно поэтому он не двинулся с места.

— Лодя, идем! Видишь, он смотрит на нас.

— Не бойся. Не с такими дело имел.

Какое он имел дело с быками, Лодя еще не придумал, но Маша его и не спрашивала. Она только смотрела то на шуплого Лодю в широких и длинных, не по росту, трусах, то на здорового быка, у которого черная лоснящаяся шкура туго обтягивала каждый мускул.

Бык, повидимому, был надежно привязан к березе. Лодю так и подмывало удивить Машу своим невероятным самообладанием. Он озабоченно сдвинул брови и сказал:

— Похоже, что веревка возле рогов перетерлась.

— Ой!.. Лодька, правда?

— Да. Я сейчас проверю. Отойди подальше на всякий случай.

— Лодька, вернись! Нет, это прямо сумасшедший какой-то! — закричала Маша, пятясь назад по дороге.

Лодя не обратил на этот крик никакого внимания. Размеренной поступью он приближался к быку. Берендей повернулся рогами к Лодю и с шумом выдохнул воздух: «Хух!»

От этого «хух» у Лодю сразу ослабели ноги. Он уголком глаза посмотрел на Машу. Та стояла уже возле самого леса и кричала:

— Лодя, не надо! Лодя, что ты делаешь?!

Это подбодрило Лодю. Он сделал еще несколько, на этот раз очень неровных, шагов и остановился в полутора метрах от быка.

Берендей опустил рога, сильно ударил себя хвостом по боку, и снова послышалось: «Хух!»

— Но-но у меня!.. Ты не очень-то! — слабеньким голоском сказал Лодя и сделал бочком еще один шаг.

Берендей крутнул головой, словно желая стряхнуть веревку, двойной восьмеркой оплетающую рога, и двинулся к Лодю. Однако веревка натянулась и вывернула ему голову так, что один глаз стал смотреть в землю, а другой — в небо. Бык за-

мычал протяжно и раскатисто. Маша завизжала. У Лодя что-то сжалось в животе. Он было собрался удрать, но увидел, что бык стоит в прежнем положении и веревка крепко держит его.

«Дотронусь до морды и уйду!»

Лодя снова бочком приблизился к Берендею, сильно вытянул левую руку и, занскиваяще приговаривая: «Быченька, быченька...», ткнул «быченьку» указательным пальцем в мягкий теплый нос. Берендей не шевельнулся. Лодя разом осмелел.

— Но-но! Не на того напал, — сказал он громко, чтобы Маша могла услышать, и снова ткнул быка в нос, на этот раз кулаком.

Берендей неуклюже попятился. Теперь можно было с достоинством уйти. Лодя повернулся и направился к Маше, стараясь не спешить и не оглядываться назад. Не оглядываться было очень трудно, потому что сзади слышалась какая-то тяжелая возня. Однако Лодя не повернул головы. Он даже изобразил на своем лице беспечную улыбку. Так он прошел примерно половину пути. И вдруг он увидел, как Машино лицо перекосилось, услышал, как она взвизгнула не своим голосом, увидел, как ее словно ветром сдуло и понесло по дороге к лагерю. Лодина голова сама собой повернулась.

Берендей, опустив рога, ровной рысцой бежал к нему.

«Человек без нервов» не пискнул, не издал ни звука. В голове его мелькнуло: «Бежать!», а ноги уже пронесли его метров десять по направлению к лесу... Потом он подумал: «Спрятаться!», а сам уже секунду лежал под ветками огромной разлапистой ели, растущими почти у самой земли. Больше Лодя ни о чем не думал, а только ждал, что бык сейчас доберется до него и забодает...

Но Берендей не появлялся. Долго, очень долго Лодя лежал пластом на сухих еловых иглах, потом приподнял голову и прислушался. Кругом было тихо. Трудно сказать, сколько времени длилась эта тишина: то ли пять минут, то ли пол-

часа. Наконец где-то совсем близко прозвучал тихий, прерывающийся голос:

— Лодя!.. Лодя, где ты? Лодя!

«Человек без нервов» выполз из-под ели, с трудом продрался сквозь густые заросли молодняка, которых он не заметил, спасаясь от Берендея, и очутился на дороге.

Маша стояла в трех шагах от него. Круглое лицо ее покраснелось, ресницы слиплись от слез, от гладкой прически отделилось множество тонких прядок, которые слегка шевелились и поблескивали золотыми искорками. Лодя, наоборот, был бледен. Через нос и правую щеку его тянулась большая ссадина. Труссы, рубашка и всклокоченные пепельные волосы были унизаны еловыми иглами.

Маша долго рассматривала его, потом глубоко вздохнула:

— Я уж думала, ты погиб.

Лодя постарался улыбнуться.

— З-занятное приключение! — выдавил он, чуть заикаясь.

Оба помолчали, рассеянно оглядываясь по сторонам. Ни на дороге, ни в деревне, ни на лугу не было видно ни души.

Вдруг на лице у Маши снова появилось испуганное выражение:

— Лодька! А Берендей! Где Берендей?

Лодя равнодушно махнул рукой в сторону леса:

— Там где-то.

Маша подошла поближе и посмотрела ему в глаза.

— Лодька, ты понимаешь, что ты наделал? Понимаешь? — сказала она.

Лодя молчал.

— Он же в лес ушел! Он же пропадет! — почти крикнула Маша.

Только теперь Лодя увидел другую сторону всей этой истории. Из-за него сорвался с привязи племенной колхозный бык. Бык может уйти далеко в лес, может заблудиться, погибнуть... Плечи у Лоди опустились, лицо вытянулось.

— Вот что ты наделал!

Маша постояла в раздумье, зажав зубами кончик пионерского галстука, искоса, уже без всякого восхищения поглядывая на «человека без нервов». Потом она круто повернулась и скрылась среди молодых елочек. Лодя пошел за ней.

Лес был неровный. Плотные заросли елей походили на материки и острова. Между ними бухтами и проливами зеленели лужайки с пушистыми шариками одуванчиков. Маша как будто забыла свой страх перед Берендеем, забыла и о том, что в этом лесу можно заблудиться. То ей слышался треск сухой ветки, и она бежала на этот звук. То ей казалось, что за деревьями что-то шевелится, и она шла в противоположном направлении, продираясь сквозь колючий ельник.

Лодя всюду следовал за ней и думал: что они будут делать с Берендеем, если даже найдут его? Ведь ни он, ни Маша не решатся подойти к быку и на двадцать шагов. Не лучше ли пойти в правление колхоза и рассказать обо всем? Но как рассказать? Неужели так прямо и заявить: «Дорогие товарищи! Я выпустил вашего быка, и он ушел в лес. Пойдите поищите его». Нет! Уж лучше продолжать поиски, а там видно будет.

Постепенно Лодя ободрился и стал разглядывать траву, надеясь обнаружить следы Берендея. Но трава была невысокая и такая упругая, что Лодя даже собственные следы различал с большим трудом.

Так они петляли по лесу, пока не заметили, что одуванчики на больших лужайках стали красными от лучей заходящего солнца, а на маленьких лужайках, окруженных елями, сделалось тускло и серо.

— Лодька!.. Что ты наделал! Ты понимаешь, что ты наделал? — десятый раз повторяла Маша.

— В колхоз нужно итти. Заявить, — упавшим голосом ответил «человек без нервов».

Усталые, унылые, они побрели обратно. Маша неуверенно говорила, что им нужно итти правей. Лодя так же неуверенно

предлагал забрать немного влево. На душе у каждого становилось все тревожней и тревожней.

Скоро, однако, в деревьях показался просвет, и ребята вышли к прямой, широкой просеке, на которой то здесь, то там росли приземистые кустики можжевельника. Маша сразу повеселела:

— Ой! Это же та самая! Она к лагерю ведет!

Маша раздвинула ветки, вышла на просеку, посмотрела влево, повернулась, посмотрела вправо... и попятилась.

Лодя подошел к ней и тоже взглянул направо: на просеке, шагах в пятидесяти от ребят, пасся Берендей.

Маша вцепилась в Лодину руку чуть повыше локтя и, не спуская глаз с Берендея, прошептала:

— Лодья, никому в колхозе не говорить, что это он из-за тебя сорвался!

— Вот еще! Буду я прятаться! — прошептал Лодя, тоже внимательно следя за быком.

— Лодья, тебе ничего не будет, потому что ты мальчишка, а для вожатых — неприятности.

Лодя помолчал. Маша еще крепче впилась в его руку:

— Лодья, дай мне честное слово, что не будешь близко к нему подходить!

— А что?

— Я сейчас побегу в лагерь, а оттуда в колхоз... А ты оставайся здесь и никуда его не пускай, пока люди не придут. Только близко не подходи. Ладно?

— Л-ладно, — вяло ответил Лодя, тоскливо глядя на быка, на темные стены елей, сходящиеся вдаль, на большое красное солнце, которое садилось в конце просеки.

— А если он все-таки уйдет, то иди за ним и кричи все время «ау». Мы по голосу тебя отыщем. Хорошо?

Лодя только молча кивнул.

— Пока!.. Ой, Лодья, я бы на твоём месте со страху померла!

Маша пустилась бежать. Малиновая от заката кофточка ее

еще долго мелькала среди низких кустов. На просеке стояла тишина. Никогда еще Лодя не чувствовал себя таким одиноким.

Он поднял с земли большую сухую ветку и стал обламывать с нее сучки. Он понимал, что палкой от быка не спасешься, но все же с ней было как-то спокойней.

Один из сломанных сучков треснул так громко, что Берендей поднял голову.

Лодя юркнул за ближайшую елку. Несколько секунд бык прислушивался, потом он зашагал по просеке в сторону, противоположную той, куда убежала Маша. Лодя думал, что он отойдет немного и снова примется за еду. Но Берендей продолжал идти, слегка покачивая белым хвостом с грязной кистью на конце. Обрывок привязанной к рогам веревки волочился за ним по траве.

«Уходит! Уйдет!..» подумал Лодя и побежал за быком.

— Берендей! — вскрикнул он.

Берендей все шел. У него был такой вид, словно он знает, куда и зачем идет, и знает также, что путь предстоит далекий. Лодя пришел в такое отчаяние, что он еще ближе подбежал к быку и снова крикнул:

— Берендей!

Берендей остановился и посмотрел на Лодю через плечо. Тот сразу застыл на месте.

Берендей медленно повернулся всем корпусом на сто семьдесят градусов. Лодя слегка присел. Берендей подхлестнул себя хвостом и шагом двинулся на Лодю. «Человек без нервов» большими скачками понесся в ельник.

Когда он снова выбрался на просеку, быка на ней не было. Лодя, крадучись, двинулся вперед и услышал, как недалеко в лесу шелестят ветки. Лодя пошел на этот шорох и скоро увидел среди хвои белый хвост Берендея.

Снова начались блуждания по лужайкам и прогалинам. Постепенно деревья становились черней и как будто выше, а трава из зеленой превратилась в темносерую. Приближалась

ночь. Берендей шел все дальше и дальше. Иногда он останавливался и мычал глухо и тревожно. На некотором расстоянии за огромным быком следовала маленькая фигурка с корявой палкой в руках. Фигурка всхлипывала и время от времени принималась кричать:

— Ма-ша-а! Эй, Ма-ша-а!

Никто не отзывался.

Но вот ельник кончился. Берендей пересек узкий луг и пошел к пологому бугру, где росли редкие высокие, как мачты, сосны и белели то здесь, то там стволы берез. На склоне этого бугра Берендей остановился и опять замычал очень тихо, словно боясь, что его услышат. Постепенно настороженность его исчезла, голова понуро опустилась. Через несколько минут он лег спиной к Лоде и стал похож на большой черный валун, облитый в нескольких местах известкой.

Лодя сел на широкий, влажный от росы пенёк. Его тапочки промокли. Он сильно замерз и очень хотел есть. В голове были самые безрадостные мысли. Что, если они ошиблись, думая, что просека выведет Машу к лагерю? Что, если это какая-нибудь другая просека и Маша заблудилась, идя по ней, и колхозники ищут сейчас быка где-нибудь далеко отсюда? С рассветом Берендей снова начнет кружить по лесу. Идя за быком, можно проплутать без пищи, без теплой одежды и день, и два, и целую неделю, можно, наконец, погибнуть в такой глуши, где никто и костей не найдет!..

Лоде очень захотелось встать и уйти. Ведь Маша не скажет, что это он выпустил быка, а следовательно, и отвечать ему не придется. Но только Лодя подумал об этом, как на душе его сделалось невыносимо мерзко. А что, если Маша не заблудилась? Что, если его сейчас ищут десятки колхозников, вожатые, старшие пионеры? Может, все они только и надеются, что он, Лодя, не спасует, задержит быка. И, уж конечно, Маша-то уверена, что он не подведет...

Лодя понял: если он сейчас покинет Берендея, то уж никогда потом не избавится от презрения к самому себе.

Лодя встал со своего пня и подошел поближе к Берендею. Уже совсем настала ночь. Луна не восходила, но небо было по-летнему светлое, с чуть заметными звездами. Лодя смог разглядеть рога Берендея, торчавшие из-за черной крутой спины, и привязанную к ним веревку, конец которой терялся в траве. Лодя вспомнил, как эта веревка волочилась за быком во время блужданий по лесу. Длинной она была метра в три, может быть больше.

Лодя перевел взгляд на тонкую сосенку, возле которой лежал Берендей. Хорошо бы набраться храбрости, подкрасться к быку и привязать его к этой сосенке! Тогда можно быть уверенным, что Берендей не уйдет, если, конечно, его опять не раздражить. Но тут Лодя представил себе, как он подкрадывается к Берендею, а тот вскакивает и бросается на него. Спрятаться негде: только пни да редкие деревья с гладкими стволами. Лодя бежит, а бык все ближе, ближе...

Долго стоял «человек без нервов» как вкопанный, не спуская глаз с веревки на рогах Берендея. Сколько раз он рассказывал о своих выдуманных подвигах! Сколько раз он мечтал о том, как он совершит эти подвиги в действительности! И вот теперь, когда нужно совершить не подвиг, а просто смелый поступок, он...

Сердце у Лоди вдруг прерывисто заколотилось, холод куда-то исчез, ему стало душно. Лодя решился...

Маленькими, чуть заметными шажками, то и дело останавливаясь и задерживая дыхание, он начал подкрадываться к Берендею. Чем ближе он подходил к быку, тем шажки становились короче, а остановки продолжительнее. Вот до Берендея осталось каких-нибудь пять метров. Минуты через две это расстояние сократилось до трех, еще через пару минут Лодя стоял возле сосенки, так близко от быка, что мог бы дотянуться до него своей палкой, которую он держал в руке, сам не зная для чего.

Берендей не двигался. Лишь округлые бока его слегка подымались и опускались от дыхания. Лодя попрежнему видел

только рога да еще белые уши быка и не видел его головы, повернутой в сторону и скрытой за туловищем. Лодя пошарил глазами в траве, отыскивая веревку. Ему повезло: конец веревки лежал недалеко от его ног. Не сходя с места, Лодя очень медленно присел на корточки, бесшумно положил в траву палку и дотянулся рукой до веревки. Потом он начал так же медленно подыматься. Веревка ташилась за его рукой, и трава хотя очень тихо, но все-таки шуршала. Уши Берендея шевельнулись. Лодя замер, согнувшись в три погибели, но тут же понял, что долго так выстоять не сможет. Он решительно потянул веревку к себе, в одну секунду обмотал ее вокруг сосенки и сделал первый узел. Берендей повернул голову. Лодя знал, что веревка развяжется, если он не сделает второго узла. Он отчаянно заторопился, руки его тряслись, он смотрел уже не на веревку, а на Берендея, и поэтому долго не мог просунуть конец веревки в петлю. Наконец он затянул узел и побежал. За его спиной раздалось страшное «хух», бык вскочил на ноги. Лодя слетел с бугра, перенесся через луговину и остановился лишь тогда, когда добежал до милого его сердцу ельника.

Берендей стоял на прежнем месте. Через несколько минут он снова лег. Лодя вернулся на бугор и увидел, что веревка, которой он привязал Берендея, цела. Удивительная легкость охватила «человека без нервов». Голод, холод, мокрые от росы тапочки — все казалось теперь пустяками. Темный, безлюдный лес вдруг сделался уютным и ласковым. Лодя опять спустился на луг и стал расхаживать по нему, дожидаясь рассвета, громко насвистывая «марш торреадора» и дирижируя себе обеими руками.

Скоро, однако, он заметил, что к его свисту иногда при-
мешивается какой-то посторонний звук. Он прервал свой концерт, прислушался, понял все и протяжно закричал:

— Эй, сюда-а!

Пока люди, искавшие Лодю, наконец добрались до него, стало заметно светлее. Первыми вышли из леса две девушки-

колхозницы и пионервожатый Дима. Потом в другой стороне появился курчавый парнишка лет восемнадцати. Он вел под уздцы неоседланную лошадь, на которой сидела Маша, одетая в драповое пальто. Все окружили Лодю, что-то говорили, перебивая друг друга, а Маша, не слезая с лошади, тараторила о том, что просека оказалась не та и что она лишь в одиннадцать ночи попала в лагерь.

Курчавый парнишка оказался колхозным зоотехником. Он подошел к поднявшемуся с земли Берендею, и тот потянулся губами к карману его пиджака, из которого торчал кусок хлеба. Угощая хлебом Берендея, зоотехник обернулся к Лодю:

— Это ты его привязал?

— А кто же еще? — пожал плечами Лодя.

— Храбрый ты, однако!

Девушки удивленно заохали, а Маша замотала головой:

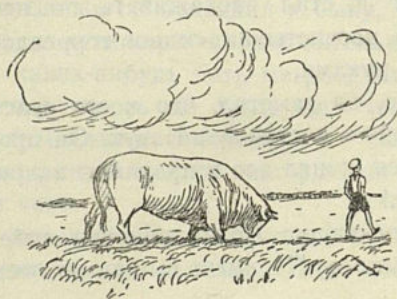
— Нет, Лодька, нет! Я всегда говорила, что ты сумасшедший! Ты не знаешь, какой ты сумасшедший.

Зоотехник отвязал быка и потащил его за собой.

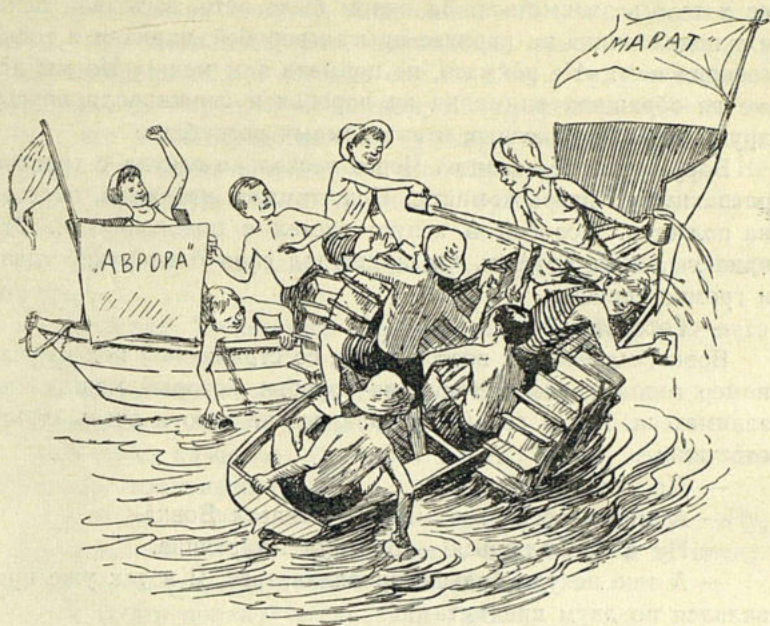
— Нет, — восклицала Маша, — нет, Лодька, ты только скажи: что ты чувствовал, когда привязывал Берендея? Неужели ну вот ни капельки не было страшно?

Лодя с минуту молча шагал рядом с конем, потом поднял голову, посмотрел на Машу и медленно ответил:

— Что чувствовал? Чувствовал, как все поджилки трясутся. Вот что чувствовал!

«АРХИМЕД» ВОВКИ ГРУШИНА

Я решил записать эту историю потому, что когда Вовка станет знаменитым, она будет представлять большую ценность для всего человечества.

Я сам лично принимал участие в испытании одного из Вовкиных изобретений. Мне за это здорово нагорело от матери и пионервожатых.

Началось все это так.

Андрюшка, его соседка Галка и я готовились к экзамену по географии. Мы сидели в комнате у Андрюшки. Нам очень

не хотелось заниматься. За окном было лето, выходной день, а у подоконника на карнизе прыгал воробей, чирикал и точно говорил нам: «Не поймать, не поймать вам меня!» Но мы даже не обращали внимания на воробья и спрашивали друг у друга названия союзных и автономных республик.

Вдруг раздался звонок. Через несколько секунд с треском распахнулась дверь комнаты. Пошатнулась этажерка, полетел на пол стул. Воробей в испуге слетел с подоконника... Это пришел Вовка Грушин. Он прищурил свои близорукие глаза и громко спросил:

— Готовитесь?

Вовка, маленький, востроносый, со стриженной под первый номер головой, сам походил на воробья, который мешал нам заниматься. Галка сердито уставилась на него и очень строго ответила:

— Да, готовимся.

— А мне некогда готовиться, — сказал Вовка.

— Ну и провалишься! — буркнул Андрюшка.

— А мне некуда больше проваливаться. Я и так уже провалился по двум предметам!

Галка так и заерзала на своем стуле:

— И он еще радуется!

Вовка вздернул острый, успевший облупиться от загара нос:

— А ты почему знаешь? Может, мне стоило получить перекламенку.

Галка уставилась на Вовку:

— Это ради чего же стоило?

— Ну, хотя бы ради одного изобретения.

— Какого?

Вовкино лицо стало непроницаемым:

— Это тайна.

У Вовки что ни изобретение, то роковая тайна.

Мы знали это и не стали расспрашивать. Он быстро, огромными шагами начал ходить по комнате.

— Я к вам на минутку. Андрюшка, дай мне твои плоскогубцы, мои сломались. Это, понимаешь, такое изобретение, такое изобретение!.. Я сегодня еду на дачу... буду там работать. Досада — средств нехватает! Я три месяца в кино не ходил: все копил средства. Вот увидите, все газеты будут полны!.. Где достать лампочки для карманного фонаря? Не знаете? Жаль!.. На этой штуке можно будет хоть вокруг света объехать...

— Самолет? — спросил Андрюшка, передавая Вовке плоскогубцы.

— Самолет! Чудак ты... Получше будет!.. Я за это лето построю...

Тут он вспомнил, что это тайна, и прикусил язык.

Галка спросила его с надеждой:

— А тебе, наверное, здо-орово попало за то, что ты получил переэкзаменовку?

— Попало... Главное, не надо никакого топлива!.. Ну, пока, товарищи! Масса дел. В лагерь едете?.. А я не поеду. Родные посылали, а я наотрез отказался.

— А за это попало? — спросила Галка.

— Ну и что ж! — отвечал Вовка. — Я все равно отговорился. В лагере мне нельзя работать.

— А в техкружке?

— Чепуха! В техкружке всякие модельки строят, а у меня — мировое дело... Ну, пока! Пошел. Да!.. Чуть не забыл! Мы сняли дачу в двух километрах от лагеря. Буду заходить. Только не болтайте никому. Это такое дело, такое дело!..

Размахивая руками, Вовка пятился к двери, пока снова не ткнулся в этажерку, на этот раз так сильно, что с нее упал гипсовый бюст Архимеда. Вовка подхватил его на лету.

— Это кто? — спросил он.

— Архимед, — ответил Андрюшка.

— Гм! Архимед... Архимед... Это, наверное, какой-нибудь знаменитый человек... — Вовка помолчал, разглядывая

бюст. — У него симпатичное лицо, у этого Архимеда. О! Вот увидите, это имя благодаря мне станет дважды знаменитым!

— Не какой-нибудь знаменитый... — начал было Андрюшка, но Вовка уже скрылся.

Галина постукала себя карандашом по лбу и посмотрела на нас.

...Как только наступили каникулы, мы переехали в лагерь. Мы прожили там десять дней, а Вовка не появлялся. Только на одиннадцатый день мы встретились с ним при загадочных обстоятельствах.

На маленькой речке возле лагеря у нас имелись две плоскодонные лодки. Наши техкружковцы переоборудовали их в крейсера «Аврора» и «Марат». С боков у лодок были сделаны гребные колеса, которые приводились в движение руками. На носу у каждого «крейсера» возвышалась броневая башня из фанеры. Там мог поместиться человек, если сидеть на корточках.

Иногда мы устраивали морские сражения. Происходило это так. Человек восемь занимали места на «Авроре» и десятков — на «Марате». Все вооружались жестяными кружками (легкая артиллерия); кроме того, на обоих «крейсерах» имелось по одному «тяжелому оружию» — ведру.

Река возле лагеря была неглубокая, не больше метра глубиной. Суда маневрировали друг возле друга, ребята черпали кружками воду и выплескивали ее в «противника». Дым стоял коромыслом! Каждую секунду десятки кружек воды выплескивались в лодки; на обоих берегах орали ребята, разделившиеся на «красных» и «синих». Кончалось тем, что одна из лодок шла ко дну. Экипаж ее, фыркая, выбирался на берег. Тогда деревянный «крейсер» всплывал и его уводили победители.

В тот день я был на «Авроре». «Марат» подошел вплотную и взял нас на абордаж. После ожесточенной схватки шестеро из нас оказались за бортом. «В живых» остались

только Галина и я. Мы бросились удирать. Голосащий «Марат» следовал за нами метрах в пяти. Я вертел колеса так, что от меня пар шел. Толстая Галка пыхтела на корме и плескалась из кружки, целясь в лицо капитану «Марата».

Вдруг капитан «Марата» взял длинную веревку, сделал из нее петлю и накинул ее на Галку. Та закричала. Не разобрав, в чем дело, я завертел колеса еще быстрее. Галина, конечно, выбыла из строя. Только брызги полетели!

Я перестал вертеть колеса. «Марат» подошел вплотную. Капитан его заявил, что берет нас в плен. «Неприятельские» матросы подтянули на аркане Галину и втащили ее к себе.

— Все в порядке, — сказал мне капитан. — Принимай буксир!

Но тут мы услышали, что кто-то продолжает плескаться у борта. Я оглянулся: это был Вовка Грушин. Он отплевывался и тихонько ругался.

— Вовка! Ты откуда?

— Из воды, — ответил он. — Вы меня сбили с моего плота. Во-он мой плот. Догоните его!

По речке медленно плыли два плохо связанных бревна...

«Марат» подошел к лагерю. За ним на буксире тащились «Аврора» и Вовкин плот.

Капитан «Марата» рапортовал начальнику штаба «синих»:

— Крейсером «Марат» под моей командой захвачено неприятельское судно «Аврора» вместе с остатками экипажа. Кроме того, арестована подозрительная личность, разъезжавшая вдоль побережья на двух бревнах будто бы с целью исследования фарватера.

Старшая вожатая Леля поманила Вовку к себе:

— Ну-ка, подозрительная личность, подойди сюда!

Вовка подошел. Их окружили ребята.

— Скажите мне, подозрительная личность, вы, кажется, живете недалеко от лагеря?

— Два километра.

— А можно узнать, почему вы забыли о своем отряде?

— Я не забыл. Я просто очень занят.

— Чем, позвольте спросить?

— Я работаю над большим изобретением. Я, Леля... Я, понимаешь... Нет, ты ничего не понимаешь!

— Да, я не понимаю, — серьезно сказала Леля. — Я не понимаю, почему надо становиться отшельником, когда что-нибудь изобретаешь, почему не работать в техкружке над своим изобретением, почему надо отделяться от своих ребят, с которыми столько лет проучился... Ну, скажи мне, что это за изобретение?

Вовка оттянул резинку промокших оранжевых трусов и щелкнул ею себя по животу:

— Это тайна.

Ребята тихонько засмеялись.

Леля хотела удержать его, но он ушел, пообещав притти на-днях.

* * *

Прошло уже две недели, а Вовка не появлялся. Однажды на костре о нем поставили вопрос. Говорили, что он отошел от коллектива, говорили, что он увлекается всевозможными фантастическими проектами, и еще многое говорили и наконец постановили снарядить экспедицию для розысков Вовки, которая должна его доставить в лагерь для разговора. Экспедицию составили из Галки и меня, потому что мы самые близкие его приятели.

На другой день утром мы запаслись бутербродами и тронулись в путь. В двух километрах от лагеря было три поселка. Мы не знали, в каком из них живет Вовка. Но нам повезло: в первом же поселке, в саду, мы увидели на ветке березы оранжевые Вовкины трусы и тут же услышали голос его матери. Она издали закричала нам:

— Наконец-то пожаловали! Владимир у них целыми днями пропадает, а они даже носа не покажут!

Мы растерянно переглянулись. Я начал было:

— Как... а разве...

Но Галка толкнула меня в бок. Ничего не понимая, я замолчал.

— Что же он у вас там делает? — спросила Вовкина мама.

Галина, размахивая руками, стала смущенно объяснять:

— Да-а... вообще.. Вы же знаете... У нас там очень интересно... Всякие игры и все такое...

Вовкина мама как-то странно на нас посмотрела и больше ни о чем не спрашивала. Она хотела угостить нас земляникой, но мы поблагодарили ее и ушли.

По дороге в лагерь мы долго шли молча. Наконец Галина сказала:

— Факт! Вовка говорит родным, что он уходит в лагерь, а сам идет работать где-то над своим изобретением. Интересно...

Она не договорила. В конце просеки, по которой мы шли, показался Андрюшка. Он быстро семенил нам навстречу. Подойдя к нам, он отрывисто сказал:

— Вышел к вам навстречу. Получил письмо от Грушина. Я взял у Андрюшки письмо и стал читать вслух:

— «Андрюшка!

Я пишу тебе, Сережке и Галке, как своим близким друзьям. Сегодня в полночь решается моя судьба. Я испытываю свое изобретение, на которое истратил все свои сбережения и ради которого, может, останусь на второй год. Мне нужна ваша помощь, и если вы мне друзья, вы мне не откажете. Возьмите свои броненосцы и ровно в полночь приезжайте на то место, где мы с вами столкнулись. Пароль — «Архимед». Если вы мне друзья, вы это сделаете. Если вы кому-нибудь сболтнете, это будет подлость с вашей стороны. Грушин».

Прочтя письмо, мы долго молчали. Потом Андрюшка проговорил:

— А вдруг опять ракетный двигатель?

Это Андриюшка вспомнил историю с моделью ракетного автомобиля. Когда мы навещали после аварии Вовку в больнице, он нам объяснил, что взрыв произошел из-за ошибки в конструкции, и обещал переделать автомобиль.

Долго мы сидели под ветками сосны у придорожной канавы, шевелили, как тараканы усами, зажатými в зубах травинками и думали, как быть. Удрать из лагеря ночью — за такое дело можно вылететь из отряда. Выдать Вовкину тайну было бы не по-товарищески. Но если Вовка опять строит ракетный двигатель, то может произойти несчастный случай, и его нельзя оставить одного.

За лесом заиграл горн. Это в лагере звали к обеду. Мы поднялись с земли.

— Так как же? — спросил Андриюшка.

Галка стряхнула соринки, приставшие к юбке. Вдруг она покраснела и ни с того ни с сего разозлилась:

— Вот дурак!.. Ну какой же он дурак!..

Андриюшка задумчиво проговорил:

— Почему ты знаешь? Многих изобретателей сначала считали дураками, а потом оказывалось, что они гении.

И Андриюшка посмотрел на Галку своими большими глазами. Видно было, что ему очень хотелось помочь Вовке. Я тоже был непрочь. Я занимался в литературном кружке, и наш руководитель говорил, что если хочешь быть писателем, то нужно все видеть и все испытать.

— Ну? — спросил я Галку.

Галка набросилась на меня:

— «Ну», «ну»! Вот если попадемся сегодня ночью, так уж... так уж я не виновата!

Вообще у Галки странная психология: когда мы затеваем какое-нибудь мероприятие, она сначала ругает нас, а потом сама же идет с нами.

* * *

Мы с большим нетерпением дождались десяти часов вечера, когда лагерь укладывается спать. Потом ждали еще

полчаса, лежа в кроватях, пока лагерь уснет. Наконец мы осторожно выбрались из дому и встретились у реки, где у причала из двух досок стоял наш флот.

Галя и Андрей сели на «Марата», я занял «Аврору». Метров сто мы шли на шестах (боялись, что колеса наделают много шума), потом пустили в ход машину.

Медленно, осторожно двигались наши суда по темной извилистой речке. Над берегами нависли ивы, и по их верхушкам осторожно пробиралась следом за нами луна. Плыли мы очень долго. Я уже думал было, что мы в потемках проехали место встречи, как вдруг чей-то голос в кустах на берегу тихо произнес:

— Архимед!

Мы застопорили машины и стали смотреть на берег. Ничего не видно. Темно.

— Архимед! — тихо повторил Вовка.

Мы стали причаливать. О борта лодок зашуршали листья кувшинок. Кусты зашевелились. Появился Вовка. Мы высадились на берег и привязали лодки к большой коряге.

На Вовке была надета бумазейная куртка, такие же штаны, заправленные в чулки, и большая теплая кепка.

— Спасибо, что пришли, — сказал он. — Пойдемте!

— Вовка! Чего ты еще выдумал? — зашипела Галка.

— Пойдемте! — повторил Вовка.

Он повел нас по темному дну оврага узкой тропинкой между огромных зарослей каких-то растений. Скоро мы поняли, что это крапива: Галка так взвизгнула, что в деревне за рекой собаки залаяли.

Спотыкаясь, подымая руки, чтобы не задеть за крапиву, мы дошли до какого-то заброшенного сарая. Тут Грушин остановился.

— Чего ты еще выдумал, Вовка? — снова зашипела Галина и боязливо оглянулась.

Вовка помолчал немного, потом ответил:

— Подводную лодку нового типа.

Мы сразу повеселели: испытывать модель подводной лодки — это вам не ракетный двигатель!

— Вы мне нужны для того, чтобы завинтить меня в люк.

— Ку... куда завинтить? — хрипло спросила Галина.

— В люк, — спокойно ответил Вовка.

Галка тяжело дышала. Я чувствовал, что сейчас выйдет неприятность. К Галине подошел Андриюшка. Он тихонько проговорил:

— Назвалась груздем — полезай в кузов.

Галка ничего не ответила.

Отчаянно заскрипела большая дверь, и мы вошли в сарай. В темноте пахло масляной краской.

Вовка зажег свечу.

Помещение было завалено всяким хламом. Валялись в куче инструменты и старые журналы: «Всемирный следопыт», «Мир приключений», «Вокруг света». В углу стоял примус без ножек, около него — паяльник. Два здоровенных паука торопливо подтягивались к потолку.

У стены почти во всю ее длину на особых подставках стояла подводная лодка Вовки Грушина. Она напоминала байдарку. В носовой части возвышалась труба метра в три вышиной и сантиметров четырех в диаметре. Вся лодка была выкрашена в зеленый цвет, а на борту красными буквами было написано: «Архимед».

Вовка объяснил нам ее устройство:

— Судно погружается на глубину двух метров. Двигается с помощью винта. Винт двигается с помощью... ногами (там особые педали есть). Находясь в погруженном состоянии, судно может прицепиться к подводной части любого парохода (будет устроено специальное приспособление). Пароход идет, а подводная лодка — за ним. Так можно из Москвы попасть через Беломорканал в Белое море, а оттуда — хоть в океан!

Галина спросила:

— А как же в ней сидеть?

— Сидеть? Сидеть и не нужно. Можно лежать.

— А как же дышать?

— Перископ ведь торчит из воды, через него и дышать.—

И Вовка указал на трубу.

Андрюшка потер лоб:

— Гм! Ну, а как же ты будешь спускаться и подниматься?

— Специальный резервуар, как в наст... ну, как в обыкновенной подводной лодке: чтобы опуститься, в него пускают воду; чтобы подняться, накачивают туда воздух и выдавливают воду обратно.

Вовка открыл крышку маленького люка и показал, как устроен «Архимед» внутри:

— Вот резервуар для воды и воздушный компрессор.

Мы увидели бидон от керосина и приделанный к нему велосипедный насос.

— Вон там педали для винта, а это — иллюминаторы.—

Вовка показал на вделанную в носу лодки пару очковых стекол.— А это карманный фонарик для освещения.

— Вовка, тут повернуться негде!

— Во всякой подводной лодке тесновато. Это, голубчик, тебе не спортплощадка.

— Ну, а в перископ хорошо видно?

— Он еще не совсем готов. Только труба, чтобы дышать.

Вовка умолк. Мы тоже молчали и осматривали судно. Это было очень интересно.

— Пора, — сказал Вовка. — Ну-ка, ребята, взяли!

— Чудак ты все-таки, Вовка! — проговорила Галина.

Все четверо мы подняли лодку и чуть не уронили ее — такая она была тяжелая. Кое-как мы вытащили судно наружу. Несли мы его медленно, с передышками, по темному заросшему оврагу. Вовка всю дорогу причитал:

— Ой, ребята, милые, поосторожней! Ой, ребята, не уроните!

Когда мы пришли к реке, Андрюшка слезил в бронебашню «Марата» и достал оттуда штатив, фотоаппарат и чашечку для магния.

И вот состоялся торжественный спуск «Архимеда» на воду. Мы спустили сначала нос, потом налегли на корму и столкнули судно на воду. В ту же секунду чихнул Андриюшкин магний. «Архимед» сполз с берега и, слегка покачиваясь, стал рядом с «Авророй». Я тихо спросил:

— Вова, а здесь глубоко?

— Два с половиной метра. Я мерил.

— Может быть, где помельче?

Грушин презрительно посмотрел на меня и ничего не ответил. Андрей с фотоаппаратом, засучив штаны, бродил по воде и, фыркая магнием, снимал «Архимеда» и Вовку на скамье «Марата».

Вовка пожал нам по очереди руки и сказал:

— Пора!

Он старался быть совершенно спокойным, но я-то знал, что у него на душе.

— Вов, — сказала Галка, — давай-ка мы обяжем твоего «Архимеда» веревкой. В случае чего, вытащим.

Вовка даже не посмотрел на нее. Он подошел к люку «Архимеда» и стал влезать в него. Но как только он сунул туда голову, «Архимед» качнулся, и Вовка чуть не искупался. Тогда он велел нам привязать подводную лодку между «броненосцами» и, когда он влезет в люк, обрезать веревки. Так и сделали. Когда «Архимеда» привязали, Вовка нагнулся, всунул голову в отверстие люка и вполз туда, громко кряхтя. Там он перевернулся на спину и закрыл люк изнутри какой-то доской с дыркой в середине.

— Закройте крышку люка так, чтобы винт попал в дырку!

Тут только мы заметили, что на крышке торчит болт с винтовой нарезкой.

Мы исполнили приказание.

— Придержите крышку, пока я не завинчу гайку, — глухо, как из бочки, пробубнил Вовка.

Мы придержали. Стало совсем тихо. У Андриюшки в руках так и прыгал фотоаппарат. (К сожалению, карточки не

вышли, потому что все снимки он сделал на одну пластинку.)

В иллюминаторе вспыхнул свет.

— Спускайте! — прогудело внутри «Архимеда».

Мы развязали веревки. «Архимед» очень быстро ушел под воду. Мы оглянуться не успели, как из воды остался торчать лишь кончик перископа.

Было совсем тихо. Мы сидели на своих «броненосцах» и смотрели, как маленькие пузырьки появляются в том месте, где погрузился «Архимед». Где-то очень глубоко, как нам казалось, дрожало светлое пятнышко: это был свет из иллюминаторов. Прошло минут пять. Андрей припал губами к концу перископа:

— Вовк, ну как?

Нас мороз подрал по коже, когда мы услышали Вовкин голос из трубы — такой он был замогильный:

— Я достиг предельной глубины.

— Жив, значит! — вздохнула Галка.

Снова поползли длинные минуты, и снова вопрос:

— Вовк! Жив?

И замогильный ответ:

— Выкачиваю воду из резервуара.

Подождали еще. Начало светать.

— Уж два часа... — проговорил Андрюшка.

Галина перебила его:

— Смотрите на перископ! Он сейчас полезет вверх!

Но перископ не лез вверх. Я наклонился к нему:

— Вова, ну как?

Молчание.

— Вова-а! Слышишь? Как?

— Я уже все выкачал.

— Ну, и что же?

— Она не подымается.

— Почему?

— Не знаю.

Мы взволнованно переглянулись. Потом все трое потянулись к трубе.

— Как же теперь, Вовка?

— Не знаю.

— Вот говорила, говорила! — захныкала Галка. — Надо было его за веревку привязать. А теперь... Как вот теперь?!

И вдруг Вовка озабоченным тоном сказал из трубы:

— На меня чего-то капает.

— Откуда капает?

— Из люка.

Мы вскочили, ошалело оглядываясь. Что делать? Я крикнул было: «Перископ!» — и схватился руками за трубу.

Но оттуда раздался испуганный Вовкин голос:

— Не смейте за перископ! Оторвется.

— Говорила, говорила! — хныкала Галка.

Вова посоветовал:

— Подденьте меня веревкой.

Мы взяли оба наших причала, связали их, привязали к середине камень, опустили его на дно и за оба конца стали водить веревку вдоль бортов лодок. Но «Архимед» слишком глубоко врылся в ил, и его нельзя было поддеть.

— Капает, Вовка?

— Капает! У меня уже здоровая лужа. Поскорей! — кричал Вовка из глубины.

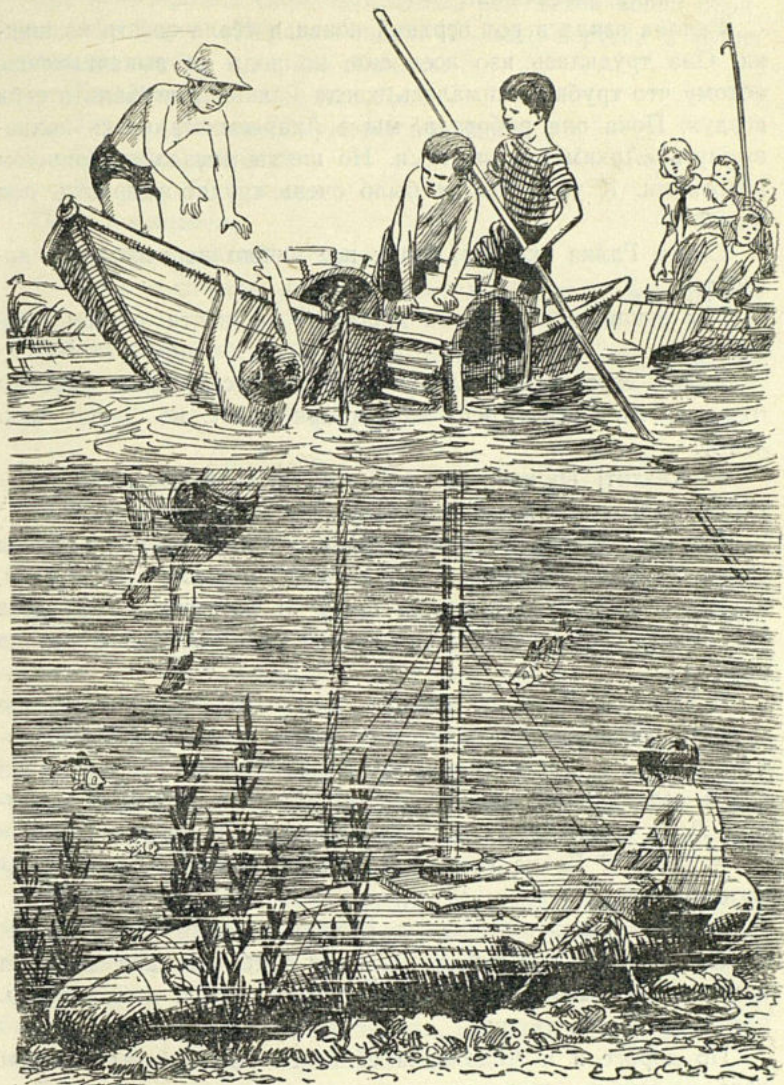
— Надо достать какую-нибудь узенькую баночку. Мы будем опускать ее в перископ и вытягивать с водой, — сказал Андрюшка.

Это он неплохо придумал. Я помчался через крапиву к сараю. В Вовкиной мастерской не оказалось ни одной подходящей банки, зато я нашел там резиновую кишку сантиметра в полтора толщиной. Я измерил ее длину и решил, что хватит. Вернулся и сообщил свой план ребятам.

— Вовка, держи кишку! Выкачивать будем. Держи так, чтобы конец был все время в воде!

Мы просунули кишку в трубу.

— Галка, выкачивай!

Галина взяла в рот верхний конец и стала сосать из кишки. Она трудилась изо всех сил, но вода не выкачивалась, потому что трубка сжималась, когда Галина втягивала в себя воздух. Пока она работала, мы с Андреем старались подковырнуть «Архимеда» шестами. Но шесты оказались слишком короткими. К тому же их было очень трудно удержать под водой.

Скоро Галка сказала, что у нее ничего не выходит с насосом.

Мы решили плюнуть на кишку. Уже почти совсем рассвело.

Вовка изредка справлялся о ходе спасательных работ и говорил, что вода у него хоть и прибывает, но очень медленно.

— Хватит! Ничего мы так не сделаем, — сказал я. — Надо ехать за ребятами в лагерь.

Все согласились со мной. Галина осталась на месте, чтобы Вовке не было страшно, а мы с Андреем взяли «Аврору» и, подняв два огромных столба брызг и накручивая изо всех сил колеса, помчались по оранжевой от восходящего солнца реке.

Я не помню, как мы доехали, только мы были все мокрые от пота. Выскочив на берег, я зазвонил в колокол: Андрюшка бросился в дом, отчаянно крича. Из дверей, изо всех окон стали выскакивать полуодетые, испуганные ребята и вожакие. Леля выбежала с одеялом на плечах. Я закричал:

— Скорее! Вовка Грушин тонет! Возьмите веревки! Возьмите багры!

Прошло ровно пять минут. Битком набитая «Аврора» неслась по реке. Каждый толкался и треб чем мог, помогая колесам. За нами через заросли вдоль берега, ломая ветки, продирались весь лагерь

По дороге я и Андрюшка сбивчиво рассказывали, в чем дело, но никто нас толком не понял.

Вот и «Марат»... Спокойно застыл над водой конец перископа. На борту «Марата» сидела Галина, вертела в руках резиновую трубку и горько плакала.

— Где Вовка? — спросила Леля.

— Тут... — указал Андрюшка под воду.

— Сколько времени?

— Да часа три уже.

Леля побледнела.

— Вовка, ты жив? — спросил я.

— Жив, — со дна речного ответил Вовка и добавил: — Холодно!

Ребята столпились у берега и, разинув рты, уставились на перископ.

* * *

И тут началась подъемная работа.

Пятеро лучших пловцов ныряли, стараясь подвести веревки под «Архимеда». Остальные тыкали в воду баграми, засучив штаны, бродили в воде и подавали тысячи советов. Стоял галдеж, как на птичьем дворе во время кормежки. Наконец нашим водолазам удалось подцепить веревками корму и нос «Архимеда». Они выбрались на берег, продрогшие, измученные, но очень гордые.

Ребята посильнее принялись тянуть веревки вверх. Смолкли крики. Наступила полная тишина. Человек восемьдесят смотрели, как подымается из воды труба перископа. И когда наконец появился зеленый верх «Архимеда», такое раздалось «ура», что, казалось, солнце подпрыгнуло.

Потом снова наступила тишина. Крышка люка на подводной лодке шевельнулась и открылась. Из отверстия высунулась сначала одна нога, потом другая, затем медленно появилась Вовкина спина, затем плечи и голова. Изобретатель был бледен и ляскал зубами от холода, но важности у него хватило бы на двадцать капитанов Немо.

Вовка срочно был доставлен в лагерь. Там его переодели

и стали согревать чаем. Мы в это время чувствовали себя очень скверно. Леля, проходя мимо, так на нас посматривала, что мы поняли: будет крупный разговор.

Огромная толпа ребят окружала Вовку, пока он пил чай, глазела на него и засыпала вопросами:

— Сколько времени ты строил?

— А как ты рассчитывал?

— Никак. Построил, да и всё.

— Ты, значит, ошибся в расчете, и потому она затонула. Да?

— Ну конечно, не рассчитал! — сказал кто-то из старших ребят. — Не рассчитал соотношения между весом лодки и ее объемом.

К Вовке протиснулся маленький Буся Кацман и прижался носом к краю стола:

— А что Архимед — это рыба такая?

Вовка презрительно взглянул на него, отхлебнул из кружки чаю, прожевал кусок хлеба и только тогда ответил:

— Рыба! Индюк ты! Это полководец!

Тут-то мы всё поняли.

Вот все, что я могу рассказать об «Архимеде» Вовки Грушина.

«КРОКОДИЛЁНОК»

(Из дневника С. ни Ложечкина)

15 февраля.

Этот вечер я провожу дома. Впервые за полгода я не пошел к Кириллу, чтобы готовить вместе домашние уроки. И больше никогда к нему не пойду. Довольно! Я понял, что это за человек!

Все, что случилось сегодня, так важно, что нужно записать поподробней.

Когда окончились уроки, я вышел из класса одним из последних. В коридоре творилось что-то странное.

Большая толпа мальчишек собралась рядом с дверью нашего класса. Ребята вытягивали шеи, приподнимались на цыпочки, давили друг друга. Только и слышно было:

— Не напирайте!

— Чего тут, а? Ребята, чего тут такое, а?

— Погодите! Задавили совсем!

Кое-как я протиснулся и увидел на стене лист бумаги. В верхнем левом углу его было нарисовано нечто, похожее на ящерицу. Правее разноцветными буквами было написано:

«К р о к о д и л е н о к

Сатирическая газета VI кл. «Б».

Выходит через день. — № 1 »

Как меня ни толкали, я все-таки прочел передовую, озаглавленную «На острие сатиры!». Вот, что там было написано:

«Наш класс считается одним из лучших классов в школе, но и среди нас имеются лентяи и нарушители дисциплины, которые мешают классу идти к дальнейшим успехам.

У нас уже есть отрядная стенгазета, которая борется за успеваемость и дисциплину, но каждый знает, какое значение имеет едкий сатирический смех в борьбе с недостатками.

Поэтому сегодня выходит первый номер «Крокодиленка».

Он будет беспощадно и невзирая на лица высмеивать тех, кто тянет класс назад. Он будет острым оружием сатиры бороться с отрицательными явлениями в нашем классе.

Пишите все в «Крокодиленок!»»

Газетка была маленькая. «На острие сатиры» попало пока всего лишь трое ребят.

«Доктор исторических наук Миша Огурцов закончил работу над новым учебником по истории средних веков, — сообщалось в одной из заметок. — Приводим выдержку из этого учебника:

«Крестоносцам удалось завоевать Сирию в 1781 году, но тут у них появился опасный противник — турецкий султан Барбаросса. Внутри лагеря крестоносцев начались раздоры: английский король Карл Смелый поссорился с Ричардом Львиное Сердце и французским королем Салладином».

Затем следовало два рисунка: на одном был изображен богатырь, отважно сражающийся с десятком противников, и на другом — хулиган, таскающий за вихры испуганного малыша.

«Таким Михаил Артамонов воображает себя, когда пристает к слабым ребятам», гласила подпись под первым рисунком.

«Так он выглядит на самом деле», было написано под вторым.

Последний рисунок изображал мальчишку, огромным ножом вырезающего на парте свои инициалы. Тут же были помещены стихи:

«Он имя свое «Иван Прибылов»
В школе увековечил.
Он много парт, дверей и столов
Для этого изувечил».

В правом нижнем углу газеты я увидел подписи:

«Р е д к о л л е г и я :

К. Замятин (отв. редактор).

В. Пеликанов (художник)».

Теперь мне стало ясно, почему у Кириллы Замятина был в последнее время такой таинственный вид. Теперь я понял, о чем он шептался на переменах с Валеркой Пеликановым и с вожатым Игорем.

Я даже не обиделся на Кирку за то, что он скрыл от меня свое намерение выпускать стенгазету. Я ведь знаю, как он любит производить всякие неожиданные эффекты!

Ребята громко хвалили новую газету. Я был очень рад за Кириллу и побежал разыскивать членов редколлегии, чтобы поздравить их с успехом.

Я нашел их в пионерской комнате. Художник Валерка отскочил от двери, когда я ее открыл: он наблюдал в щелку

за толпой читателей. Редактор стоял позади него и, как видно, прислушивался к голосам в коридоре.

— Кирка! — закричал я. — Ой, здорово! Поздравляю!

Художник так и расплылся от удовольствия, а редактор остался серьезным. Они вообще очень разные люди: Валерка — долговязый, рыжеволосый и веселый, а Кира — маленький, довольно толстый, и он всегда сохраняет серьезный вид, даже когда шутит.

— Действует? — спросил он коротко.

— Еще как действует! Мишку Огурцова уже «историком» дразнят, стихи о Прибылове наизусть выучили. А главное, знаешь чему ребята удивляются: «Как это они Мишку Артамонова не побоялись протащить? Ведь он, мол, Замятина теперь наверняка отлупит. Валерку не тронет — Валерка здоровый, а Замятина — как пить дать!»

— Пусть попробует, — сказал художник.

— Что ж! Может быть, и отлупит, — хладнокровно ответил редактор. — Сатирики всегда наживают много врагов.

— Ага! Я так ребятам и сказал: «То-то, — говорю, — и ценно, что невзирая на лица. Будь ты хоть Артамонов, хоть кто». Верно, Кирка?

Тут мне показалось, что редактор и художник немного смутились. Валерка сказал «гм», отошел к столу и начал раскрашивать заголовок для второго номера газеты, а Кирилл смотрел на меня исподлобья, насупившись.

— Понимаешь, Семен, я тебя должен предупредить... — заговорил он помолчав. — Хотя это и редакционная тайна, но так как ты мой друг... я... Одним словом, мы тебя на следующий номер запланировали.

Я сначала ничего не понял:

— Как? Куда запланировали?

— В фельетон, — сказал Кирка. — На тему о болтовне в классе.

— Ловко! Ты... ты это серьезно, Кирилл?

— Такими вещами не шутят.

— Значит... значит, своего друга будете протаскивать, Кирилл Иванович?

— Ты какой-то странный, Семен! Не могу же я других болтунов протаскивать, а тебя нет.

— А очень нужно тебе вообще болтунов протаскивать! Наверное, и без них есть о чем писать.

Кирка немного рассердился:

— Знаешь, Семен... Дружба дружбой, а принцип принципом. Болтовня в классе — отрицательное явление, значит наша сатирическая газета должна его бичевать. Тут дело в принципе.

— Хорош принцип! Над друзьями издеваться!

Валерка вдруг отбросил кисточку и выпрямился.

— Ну, чего ты пришел и ворчишь? — сказал он. — Давай уходи отсюда и не мешай работать!

Я понял, что разговаривать мне больше не о чем. Я только спросил:

— И карикатуру нарисуете?

Редактор кивнул:

— Да. У нас все идет с иллюстрациями.

— Ладно, Кирилл Иванович! Спасибо!.. Запомним! — сказал я и ушел.

Вот до чего доводят неприятности! Писал, писал и только сейчас вспомнил, что нужно выучить формулы сокращенного умножения. Ладно! Авось завтра не спросят.

16 февраля. 7 часов вечера.

Сегодня, войдя в класс, я не сел на свое обычное место, рядом с Кириллом. Я положил перед редактором запечатанный конверт и стал прохаживаться между партами, держа за спиной портфель.

В конверте находилось письмо. Вот что я там писал:

«Замятин!

Предлагаю меняться местами с Пеликановым. Так вам будет удобнее делать гадости своим бывшим друзьям. Если

Пеликанов не поменяется, то я все равно рядом с тобой не сяду. Это окончательно.

С. Ложечкин».

Кирка прочел письмо и сказал:

— Смешно, Семен!

Я молча пожал плечами и продолжал ходить.

Тогда Кирилл показал письмо Валерке. Тот ухмыльнулся, сказал: «Это дело, это нам подходит» и перенес свои книги на парту к редактору. Я сел на его место, рядом с Мишкой Артамоновым — с тем самым, которого нарисовали богатырем.

После звонка, перед началом урока, к нам зашел вожатый Игорь.

— Понравился «Крокодиленок»? — спросил он громко.

— Понравился! — хором ответил класс.

Даже «доктор исторических наук» Мишка Огурцов сказал: «Понравился». Промолчали только мы с Артамоновым да Ваня Прибылов.

— Берегитесь теперь! — сказал Игорь. — «Крокодиленок» — газета оперативная: чуть что — за ушко да на солнышко. Ясно?

— Ясно! — ответил класс.

— Будем помогать «Крокодиленку»? Писать в него будем?

— Будем! — крикнули сразу тридцать ребят.

Целый день я старался не обращать на Кирилла никакого внимания, а он, кажется, и в самом деле не обращал на меня внимания. На всех переменах ребята приносили ему заметки. Он просматривал их с очень серьезным видом и говорил: «Ладно! Это мы обрабатываем» или «Не пойдет. Мелочь».

Ваня Прибылов сегодня три раза открывал перочинный нож, но тут же со смущенным видом прятал его в карман.

Того же числа. 10 часов 30 минут.

Настроение паршивое. Скучно учить уроки одному. Это, должно быть, с непривычки.

Не знаю: может быть, я погорячился и зря поссорился с

Киркой? В конце концов, что из того, если он один разок напишет обо мне в газете? И потом, чем он виноват, если у него обязанность такая?

Нужно учить формулы сокращенного умножения, но на завтра много задано по русскому. Придется с формулами подождать.

17 февраля.

Нет, Кирилл Замятин, никогда-никогда Семен Ложечкин больше не скажет с тобой ни слова!

Они нарисовали четырех сорок с разинутыми клювами, сидящих на спинке парты, а рядом изобразили четырех рыб, которые стоят на хвостах у доски, уныло повесив головы. Под этим дурацким рисунком они написали:

«У Г А Д А И!

Сидя за партой, мы — болтливые сороки.

Стоя у доски, мы — немые рыбы.

Кто мы?

ОТВЕТ: Артамонов, Ложечкин, Тараскин, Бодров».

И в то самое время как десятки ребят хохотали надо мной, десятки других мальчишек вытаскивали из пионерской комнаты Кирку с Валерием и кричали:

— Качать редакторов!

Я прямо зубами заскрежетал, глядя, как художник и редактор взлетают чуть ли не до самого потолка. А тут еще Мишка Артамонов подошел ко мне и, мрачно усмехаясь, сказал:

— Ловко твой дружок на тебе почести зарабатывает!

— Он такой же друг, как ты папа римский, — отрезал я.

Мишка помолчал и процедил сквозь зубы:

— Пусть теперь выйдет на улицу! Я ему покажу сороку да рыбу!

Довольно! С завтрашнего дня не скажу ни слова во время уроков.

18 февраля.

Настроение паршивое.

На русском и на физике получил замечания за болтовню. Получил также двойку по алгебре: не знал формул сокращенного умножения.

Сережка Бодров тоже получил двойку. Это у него уже третья. Первые две — по русскому и химии. Он только и делает, что играет во дворе в хоккей.

Ваня Прибылов предложил мне сменить общую тетрадь на его перочинный нож. Сменял.

19 февраля.

Теперь я окончательно понял, какая свинья этот Замятин. Он не придумал ничего умнее, как снова протащить меня, на этот раз за алгебру!

Артамонов тоже попал в «Крокодиленок». Он способный, но учится как-то по-чудному: получит пятерку по русскому — заработает двойку по геометрии, подтянется по геометрии — схватит двойку по биологии.

Третьим пострадал Кузя Тараскин: ходит невымытый и нечесаный.

Нам теперь прямо хоть в школу не являйся! Только и слышим:

— Как поживает Сорока?

— Богатырь, много врагов победил?

А Замятин с Валеркой стали настоящими знаменитостями. Стоит им показаться в раздевалке, на лестнице, в коридоре — оговсюду несутся возгласы:

— Привет редакторам «Крокодиленка»!

— Здравствуйте, мастера сатиры! Когда следующий номер выйдет?

Артамонов мечтает, как бы поймать редактора на улице, но это ему не удается: Кирилл с Валеркой живут в одном переулке и всегда ходят вместе. Жаль!

20 февраля.

Ничего интересного.

Получил замечание за болтовню от «англичанки»: поспорил с Сережкой Бодровым, который сидит впереди меня. Уж очень он хвастается своим хоккеем!

Огурцов получил четверку по истории, и его теперь не зовут «доктором исторических наук».

21 февраля.

Опять «Крокодиленок», и снова там я, Бодров и Артамонов. Мы с Бодровым — за болтовню, а Мишка — за геометрию.

Я хоть и не разговариваю с Кириллом, но сегодня подошел к нему и сказал:

— Послушай, у тебя совесть, в конце концов, есть? Что ты все на одних и тех же выезжаешь?

— А что мне делать, если другого материала нет? — ответил редактор. — И, во-вторых, сатирическая газета издается для искоренения недостатков. Если какой-нибудь недостаток не искореняется, значит нужно бить в одну точку. Газета должна быть действенной. Понимаешь?

Но мы этого дела так не оставили. Мы с Бодровым и Артамоновым пошли к вожатому Игорю и сказали ему, что это безобразие. Больше половины ребят совсем не попали в «Крокодиленок», остальные хотя и попадают, но очень редко, а мы трое словно приклеены к этой газете. Игорь ответил очень коротко:

— Заметки справедливые? Справедливые. Сами виноваты, что над вами смеются.

22 февраля.

Вот что случилось на уроке физики.

Иван Денисович расхаживал перед классной доской, объясняя нам принцип действия гидравлического пресса. Вдруг он остановился и пристально взглянул из-под очков на Кирку

с Валеркой. Посмотрел на них и я. Художник рисовал карикатуру, а редактор, хмурия брови, грыз кончик ручки: перед ним лежал тетрадный листок с недописанными стихами.

Учитель подошел к столу:

— Итак, повторяю: если на большом поршне мы имеем проигрыш в расстоянии, то зато во столько же раз выигрываем... Пеликанов, в чем мы выигрываем?

Валерка вскочил и покраснел, как рак.

— Стало быть, в чем мы выигрываем? — повторил Иван Денисович.

— В воде! — брякнул художник.

Все, конечно, расхохотались.

— Садитесь, Пеликанов!.. В чем же мы выигрываем, Замятин?

— В объеме? — пробормотал Кирка.

— Садитесь, Замятин!.. Выигрываем в силе, — сказал учитель, отметив что-то в журнале.

После уроков Артамонов, Бодров и я постучались в дверь пионерской комнаты. Все мы были в очень веселом настроении и все подталкивали друг друга локтями.

Кирилл открыл нам и переглянулся с художником, который стоял среди комнаты, держа в одной руке стакан с водой, а в другой — кисточку. Я спросил очень вежливым тоном:

— Извините, мы не помешали?

— Входите, — сказал редактор.

Мы все трое вошли в комнату.

— Тут у нас одна заметочка есть, — снова очень вежливо сказал я и протянул редактору тетрадный листок.

Тот взял заметку, подошел к Валерию, и они вместе начали читать. Мы стояли тихо-тихо. Только Мишка один раз фыркнул в кулак.

Редактор сложил заметку и сунул ее в карман.

— Что ж, мы это предвидели, — сказал он.

— Очень приятно, что предвидели, — ответил я. — Теперь позвольте узнать: наша заметка пойдет?

Кирилл посмотрел на меня в упор и отчеканил:

— Не пойдет.

— Ловко! — сказал Артамонов. — Это почему же такое?

— Неостроумно. У нас на эту тему получше материал.

Хотя это и редакционная тайна, но если желаете, можете посмотреть.

Мы подошли к столу, на котором лежала незаконченная газета.

Там был изображен крокодиленок, держащий за шиворот двух мальчишек: одного — круглого, как шар, другого — длинного, с оранжевыми волосами. Сама же заметка была написана так:

«Крокодиленок. Чем вы занимались эти дни, такие-сякие?»

Замятин и Пеликанов. Двоечников в стенгазете высмеивали.

Крокодиленок. А что вчера натворили?

Замятин и Пеликанов. Двойки по физике получили».

Внизу была приписка:

«От редакции: Редакция считает данную критику справедливой и обязуется срочно ликвидировать двойки. Начиная с этого номера «Крокодиленок» будет выходить не через день, а дважды в неделю».

— Скушали? — спросил Валерка.

Мы промямлили что-то невразумительное и убрались во-своих.

Решил во что бы то ни стало избавиться завтра от двойки по алгебре: формулы сокращенного умножения запишу на гранях карандаша. Представляете себе, что за адская работа мне предстоит? Выцарапывать иголкой буквы и цифры величиной с булабочную головку!

23 февраля.

До сих пор не могу успокоиться, столько было сегодня переживаний.

Во-первых, Киркина заметка про самого себя только увеличила славу «Крокодиленка». Ребята в восторге кричали:

— Вот это газета! Вот это, действительно, невзирая на лица!

Во-вторых, я с помощью своего карандаша благополучно получил тройку по алгебре.

В-третьих, у Валерки разболелся зуб, он ушел к врачу с последнего урока, и Кирилл остался без телохранителя.

Я уже спустился в раздевалку, но тут вспомнил, что оставил в классе тот самый карандаш. Пришлось возвращаться.

В пустом коридоре третьего этажа я увидел Артамонова, который расхаживал возле двери пионерской комнаты и угрюмо поглядывал на нее. Меня он не заметил, потому что я стоял на площадке лестницы, за углом. Я сразу забыл про карандаш. Я понял, чем это пахнет.

Дверь пионерской комнаты открылась, и оттуда вышел редактор. Конечно, ему стало очень не по себе, когда он увидел Артамонова. Но он сделал равнодушное лицо и неторопливо направился к лестнице. Артамонов тоже сделал равнодушное лицо и пошел следом. Я притаился между стеной и створкой двери, а когда редактор с Михаилом прошли, стал красться за ними.

В раздевалке Замятин очень долго натягивал шубу, поправлял галоши и старался делать вид, что не замечает Артамонова, а тот, уже одетый, поглядывал в зеркало и напевал:

— «Жил-был у бабушки беленький козлик...»

Наконец они ушли, все с теми же равнодушными лицами.

Через полминуты я, уже одетый, выскочил на улицу.

Переулок, в котором находилась школа, был тихий, почти безлюдный. Вдоль тротуаров тянулись кучи снега, похожие на горные хребты.

Кирилл с Михаилом шагали неторопливо, словно прогули-

ваясь: впереди — редактор, в черной шубе и шапке с ушами; сзади — Артамонов, в валенках, меховой куртке и кубанке, сдвинутой набекрень.

Метрах в пятидесяти от школы Кирилл вдруг остановился и обернулся.

— Бить собираешься, да? — сказал он вызывающим тоном.

Артамонов что-то ответил, но я не расслышал.

— Ну на, бей! Все равно ты меня этим не сломишь... Ну, что ж ты не бьешь? Бей!

Артамонов бить редактора не стал. Он сгреб его и поставил головой в снег.

И тут... тут я понял, что должен делать. Сейчас Кирилл узнает, что такое настоящая дружба! Сейчас он поймет, над каким человеком издевался он в своей газете!

Я подбежал к Михаилу и остановился перед ним, быстро-быстро приговаривая:

— Чего ты лезешь, чего ты лезешь, чего ты дерешься?

Артамонов так же быстро отвечал:

— А чего тебе надо, чего тебе надо, чего тебе надо?

— Ну-ну, петухи! — раздался над нами строгий голос. Какой-то прохожий развел нас в стороны.

Тут мы увидели, что из школы выходят педагоги.

— Ладно, редактор, попадешься еще! — сказал Артамонов и убежал.

Я обернулся к Замятину. Шапка редактора лежала на тротуаре, голова его была облеплена снегом, но почему-то он все-таки имел довольный вид.

— Больно? — спросил я.

— Чепуха! Я к этому был готов, — ответил редактор, вытирая лицо. — Нас этим не сломишь!.. А тебе — спасибо. Ты благородно поступил. Руку!

Мы крепко пожали друг другу руки. Я так был взволнован, что даже не мог говорить.

Редактор вытряхивал снег из-за воротника. Лицо его снова стало хмурым:

— Только вот что, Семен... Ты только не обижайся, но мы тебя опять запланировали.

Я молчал. Молчал и Кирилл.

— Понимаешь, дружба дружбой, а принцип принципом. Мы тебя запланировали на тему о шпаргалках.

Я плюнул в сторону, повернулся и пошел.

— Хочешь, я тебе по алгебре помогу? — каким-то жалобным голосом спросил редактор.

Я, конечно, даже не оглянулся.

24 февраля.

Настроение паршивое. Сегодня подошел к Михаилу и сказал:

— Артамонов, я вчера был неправ. Теперь я палец о палец не ударю, если ты... Ну, в общем, ты понимаешь.

Артамонов опустил голову, подумал и вздохнул:

— Что в этом толку! Его поколотишь, а он только гордиться будет: мол, за принципы пострадал. Заметил? Он даже никому не пожаловался на вчерашнее!

25 февраля. 6 часов 30 минут.

Сережа Бодров ликвидировал двойки по русскому и химии. Теперь у него только одна: по алгебре.

Завтра снова выйдет «Крокодиленок», и снова я буду там висеть. Удивительно, как это у Замятина хватает изобретательности: пишет все об одном и том же да об одних и тех же, и каждый раз по-новому!

Только сейчас у меня явилась интересная мысль: «А что было бы с «Крокодиленком», если бы Артамонов, Бодров и я перестали получать двойки и заниматься болтовней на уроках? Где бы тогда редакторы нашли материал, чтобы выпускать свою газету? Ведь, кроме нас, в классе нет больше двоечников!»

Над этим стоит подумать.

6 часов 50 минут.

Нет, это здорово! Представляю себе, какая будет у Кирики физиономия, когда он увидит, что материала для его газеты нет! Сейчас позвоню Артамонову.

7 часов 15 минут.

Ура! План созрел! Артамонов две минуты хохотал по телефону. Сейчас побегу к Сережке Бодрову сообщить ему наш адский замысел.

26 февраля.

Сегодня вышел новый номер «Крокодиленка». На нем вместо рисунка я увидел свой карандаш, исписанный формулами. Он был прикреплен к бумаге ниточками. Под этим карандашом было написано:

«По самым скромным подсчетам, Сеня Ложечкин затратил на эту ювелирную работу не меньше трех часов.

Не лучше ли было бы затратить один час и честно выучить формулы?»

Ничего, Киричка! Последний раз вы торжествуете. Вы и не знаете, какие тучи собираются на вашем горизонте. Вы и не знаете, что вчера вечером Артамонов целый час объяснял нам с Бодровым алгебру, а потом мы еще час гоняли его по географии. И вы пока еще не заметили, что Бодров, Артамонов и Ложечкин сидели сегодня на уроках, словно в рот воды набрав. Вы не заметили, что Артамонов на переменах никому не подставил ножку, никого не щелкнул по затылку. Ничего! Скоро заметите!

Оказывается, не так уж трудно молчать, если с тобой не заговаривают.

28 февраля.

Вчера не писал в дневник: сидел над алгеброй. Все эти дни в классе мертвая тишина. Кира с Валеркой удивленно поглядывают на нас, а мы молчим и ехидно улыбаемся.

Артамонова вызвала к доске географичка. Редактор и художник настожились было и приготовили карандаши, надеясь получить материал для фельетона о плохом знании географии, но они просчитались: Артамонову поставили четверку.

Сегодня после уроков Кирилл с Валеркой не пошли в пионерскую комнату делать свою газету. Представляю себе, как они скучают!

29 февраля.

«Крокодиленок» не вышел!!!

В коридоре уже не видно было толпы смеющихся ребят, и никто не качал редактора и художника!

Я ответил по алгебре на пятерку (интересный все-таки это предмет!), а Бодров — на тройку. Во время большой перемены безработные члены редколлегии слонялись по коридору с унылыми лицами, а мы с Артамоновым ходили следом за ними и подтрунивали.

— Уважаемые сверталантливые редакторы! — говорил я. — Позвольте узнать, почему не выходит ваша великолепная сатирическая газета? Материала нехватает? Все хулиганы и лентяи забастовали? Ах, какое безобразие!

— Вы дайте объявление, — советовал Артамонов: — так, мол, и так. «Каждый желающий читать сатирическую газету должен хотя бы раз в месяц получить двойку и нарушить дисциплину».

— Вы установите премию для двоечников, — предлагал я. — Или платите по таксе: за двойку — по рублю, а за болтовню на уроке — по полтиннику.

1 марта.

Спешу записать сегодняшний день. Важные события!

После уроков в класс вошел Игорь и сказал:

— Внимание! Прошу не расходиться. Вчера вечером состоялось заседание совета дружины. Сейчас председатель

совета отряда Лева Курочкин прочтет вам постановление, вынесенное на этом заседании.

Лева поднялся на кафедру и стал читать:

— «Совет дружины отмечает, что шестой класс «Б», всегда считавшийся одним из лучших классов в школе, за последнее время добился еще больших успехов. За последнее время ученики этого класса не имели ни одного замечания по дисциплине и полностью ликвидировали плохие отметки...»

— Ура! — закричал Артамонов.

— Ура-а! — закричал весь класс и я в том числе.

Я всегда был уверен, что наш класс самый способный, самый дружный во всей школе.

Председатель подождал, пока мы утихнем, и продолжал:

— «...Совет дружины считает, что успехам класса немало способствовала сатирическая газета «Крокодиленок», которая мужественно и невзирая на лица боролась с недостатками в классе и добилась того, что даже самые разболтанные ребята исправились и перестали тянуть класс назад...»

Мы с Бодровым и Артамоновым переглянулись и сразу помрачнели, а Лева повысил голос и продолжал:

— «...Совет дружины постановляет: Первое: Вынести благодарность редактору газеты «Крокодиленок» — пионеру четвертого отряда Кириллу Замятину и художнику «Крокодиленка» — пионеру того же отряда Валерию Пеликанову. Второе: Расширить поле деятельности «Крокодиленка», реорганизовав его из отрядной сатирической газеты в сатирическую газету дружины».

Лева сбежал с кафедры и сел на свое место. Все закричали «ура» в честь «Крокодиленка». Даже Бодров почему-то закричал «ура». Не кричали только мы с Михаилом.

Игорь переглянулся с редакторами и поднял руку:

— Тихо!.. Тишина! Сейчас на ваших глазах будет выпущен экстренный и последний выпуск отрядного «Крокодиленка». Прошу сидеть совершенно тихо и не мешать редакции в ее ответственной работе... Товарищи редакторы, пожалуйста!

Ясно было, что они обо всем условились заранее, но о чем — никто не знал. Весь класс притих. Со своего места поднялся Валерка, взошел на кафедру и, ни слова не говоря, стал рисовать мелом на доске заголовок «Крокодиленка». Внизу он приписал: «Экстренный выпуск». Окончив свою работу, художник попрежнему молча сел на свое место, а к доске отправился редактор и начал писать заметку. И по мере того как он писал, весь класс хором по слогам читал написанное:

— «Очень приятно, что Артамонов, Бодров и Ложечкин подтянулись. К сожалению, ходят слухи, что они исправились лишь для того, чтобы насолить «Крокодиленку». Так ли это?»

Редактор кончил писать и вернулся за парту. Все ребята смеялись и весело поглядывали на нас, а мы сидели красные и не знали — злиться нам или тоже смеяться.

— Ну! Редакция ждет ответа на эту корреспонденцию, — сказал Игорь.

Миша Артамонов встал, смущенно улыбаясь подошел к доске и написал:

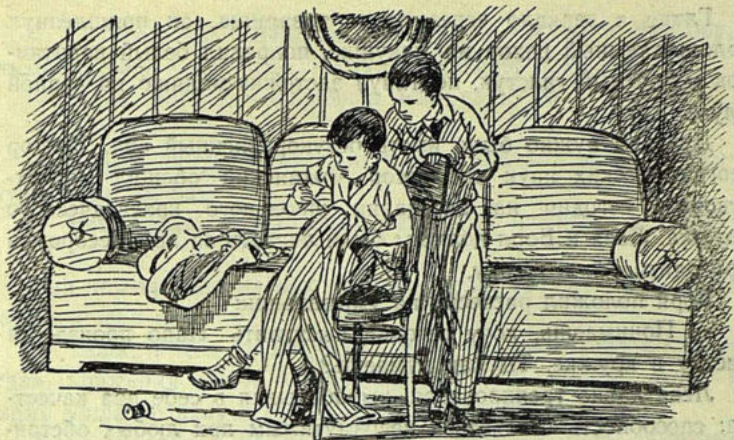
«Критику считаем справедливой.

М. Артамонов».

Мы с Бодровым тоже встали и пошли расписываться...
Кончаю писать. Через полчаса идем с Кириллом в кино.

РАЙКИНЫ «ПЛЕННИКИ»

Раздался резкий, деловитый звонок. Рая вытерла руки о салфетку, повязанную вместо фартука, и открыла дверь. Вошел семиклассник Лева Клочков.

— Привет! — сказал он, снимая шубу. — Дома?

— В ванной сидит, — ответила Рая и ушла обратно в кухню, на ходу заплетая косички.

В квартиру недавно провели саратовский газ. Боря на первых порах принимал ванну раза по четыре в день. Вот и теперь он стоял перед умывальником, распарившийся, розовый, и, глядя в зеркало, водил расческой по светложелтым, торчащим ежиком волосам.

— Здравствуй! — сказал он, не оборачиваясь, когда Лева вошел. — Ты хорошо сделал, что рано явился. У меня есть один проект.

— Именно? — коротко спросил Лева.

Глядя в зеркало через плечо товарища, он пришлепнул ладонью темный вихор на макушке, поправил белый воротничок и красный галстук, подтянул застежку-молнию на черной блузе.

Друзьям нужно было иметь безукоризненный вид. Доктор географических наук профессор Аржанский обещал присутствовать сегодня на заседании школьного краеведческого кружка. Лева и Боря должны были поехать за профессором и проводить его в школу.

Боря положил расческу на умывальник:

— Понимаешь, хочу сегодня выступить. Надо произвести чистку в кружке. Ты как думаешь?

Лева давно тренировался, вырабатывая в себе два качества: способность оставаться невозмутимым при любых обстоятельствах и привычку выражаться кратко.

— Дельно! — сказал он.

— Так, при профессоре, и заявлю, — продолжал Борис: — «Или, товарищи, давайте кончим все это, или давайте работать как следует»... На носу лето, походы, а тут возись с такими... вроде Игоря Чикалдина. Спорим, что он не сможет правильно азимута взять!

Лева кивнул головой:

— Факт.

— Ну вот! А Юрка Говоров топографии не знает, костра в дождливую погоду развести не умеет. Спрашиваю его однажды: «Как сварить суп на костре, не имея посуды?» Молчит, как рыба. Ну куда нам такие!

— Балласт, — согласился Лева.

Боря передохнул немного и продолжал:

— Это еще ничего. Есть люди и похуже. Звоню как-то Димке Тузикову по телефону: «Почему не явился на занятия по добыванию огня трением?» — «Мама, — отвечает, — не велела». Чего-то там делать его заставила. Ничего себе, а? Самостоятельный человек называется!

— Смешно, — пожал плечами Лева.

— Так вот, мы сейчас до профессора зайдем к Виктору, посоветуемся и все трое выступим на собрании.

— Боря! Борис! — закричала Рая из кухни.

— Что тебе?

— Борис, никуда не уходи: нужно сначала мясо проверить в мясорубке.

— Вспомнила! Нужно было раньше попросить! Мне некогда.

Рая появилась в дверях ванной, держа большую ложку, от которой шел пар:

— Боря, я тебя уже просила, а ты все «некогда» и «некогда». Проверни мясо! Мясорубка тугая, я сама не могу, а мама ушла по делу и велела приготовить котлеты.

Боря уставился на нее, сдвинув светлые, чуть заметные брови:

— Слушайте, Раиса Петровна! Вам русским языком говорят: я тороплюсь, у меня поважнее дело, чем твои котлеты. Всё! Можете итти.

Но Раиса Петровна не ушла, а наоборот, шагнула поближе к брату:

— Боря, вовсе я никуда не пойду, и ты тоже никуда не уйдешь, пока не провернешь мясо. Вот!

Боря повысил голос:

— Со старшими таким тоном не говорят. Ясно? Ну!.. Марш!

Взяв сестренку за плечи, Борис повернул ее к себе спиной и легонько толкнул.

— И очень хорошо! И прекрасно! — закричала та, удаляясь. — А ты все равно не уйдешь!

Боря сел на стул и принялся надевать носки.

— Маленького нашла, — ворчал он. — Брось все и верти мясорубку! Распоряжается чужим временем!

Мальчишки направились в комнату. В коридоре они встретили Раю, которая несла подмышкой большую книгу.

— Сейчас, — сказал Борис, войдя в комнату. — Еще две

минуты, и я готов. — Он взял со стула парадные брюки и сунул свою правую ногу в штанину. — Да, Левка, сегодня поборемся! Кому-то жарко станет, кому-то... — Он замолчал и опустил глаза вниз, на брюки. — Гм! Что за чорт... Смотри!

На брюках не было ни одной пуговицы! Приятели молча посмотрели друг на друга и подошли к висевшему на спинке стула пиджаку: там тоже пуговиц не оказалось.

Боря взъерошил волосы:

— Что за чорт! А?

— Срезаны, — хладнокровно сказал Лева и кивнул на обеденный стол: там лежали пуговицы и ножницы.

Боря покраснел так, что лицо его стало темнее волос. Торопливо скинув брюки, он в одних трусах отправился к ванной. Лева последовал за ним.

— Р-раиса!

— Чего тебе? — послышалось за дверью в ванной.

Боря толкнул дверь, но она оказалась запертой.

— А ну, открой!

— Не открою, — ответила Раиса.

— Ага, понятно! Ты срезала пуговицы?

— Ну, я срезала.

— Зачем? Отвечай!

— Чтобы ты мясо провернул. Мне котлеты надо готовить.

Боря захохотал кулаками по двери и закричал таким голосом, что кошка свалилась с новой газовой плиты:

— Раиса! Выходи немедленно! Слышишь!

— Вовсе я не выйду. Что я, сумасшедшая?

— Выходи сию минуту и пришей пуговицы!

— Проверни мясо, тогда пришью.

Громко дыша, Боря прошелся по кухне и остановился перед Левой:

— Как тебе нравится, а?

Тот не потерял своего хладнокровия.

— Не волнуйся, — сказал он. — Психологию знаешь? Запри ее самоё.

С наружной стороны двери была щеколда. Боря заложил ее и громко сказал:

— Вот! Получай, Раиса! Будешь сидеть здесь, пока наши не придут.

— И пожалуйста! Я с собой «Двух капитанов» взяла.

Услышав такой ответ, Боря пал духом. Опять он в отчаянии воззрился на Лева.

— Теряться нечего, — сказал тот. — Пришьем сами.

Друзья вернулись в комнату. Они решили, что Боря станет пришивать пуговицы на брюках, а Лева — к пиджаку. Но в шкатулке нашлась только одна иголка. Борис оторвал от катушки нитку и подошел к лампе, висевшей над столом. Он слюнил нитку, разглаживал ее между пальцами, задерживал дыхание, но нитка не лезла в ушко иголки. Стоя возле него, Лева советовал:

— Не волнуйся! Возьми себя в руки и не нервничай. Ты волнуешься — и ничего не выходит.

Борис наконец рассвирепел.

— На! Сам не волнуйся! — вскрикнул он и сунул иголку с ниткой Лева в руки. Тот рассмотрел как следует нитку и заявил, что она чересчур толста. Боря достал другую нитку. Она, правда, была розовая, но зато ее быстро продели в ушко. Лева посмотрел на часы.

— Семь минут прошло, — сказал он.

Пришивая пуговицу, Боря пять раз уколол себе палец и четыре раза порвал нитку.

— А теперь четыре минуты прошло, — сказал Лева, разглядывая его работу. — Гм!.. Ты волнуешься и не туда пришел.

— Чего ты мелешь, «не туда»! Где не туда?

— Вот видишь, где петля, а где пуговица!

Лева отпорол пуговицу и взялся пришивать ее сам. Он работал с большим самообладанием, пришел пуговицу правильно и затратил восемь минут. После этого он встал со стула и размеренными шагами прошелся по комнате.

— Безнадежно, — сказал он.

— Ничего не безнадежно! — отозвался Борис. — У нас целый час времени.

Лева пожал плечами:

— Простая арифметика! Времени — час. От тебя до профессора — пятнадцать минут. От профессора до школы — столько же... На одну штуку мы затратили... семь плюс четыре и плюс восемь... затратили девятнадцать минут... Теперь, конечно, дело пойдет быстрее. Натренировались. Считай — по пятнадцати минут. На брюках их пять, а на пиджаке — четыре. Простой расчет!..

Вторые Борины брюки мать распоролла для перелицовки. Были у него еще одни, но все в заплатах. Боря пришел в страшную ярость. Он кричал, что сегодня же оторвет Раисе уши, что отныне не скажет с ней ни слова и что, если родители не перевоспитают ее немедленно, он уйдет из дому.

— Криками не поможешь, — сказал Лева. — Возьми себя в руки и пойдди поговори. Подействуй на нее силой убеждения.

Товарищи снова очутились в кухне. Боря заговорил негромко и очень сдержанно:

— Рая! Раиса, ты слышишь?

— Ну? — ответили из-за двери.

— Раиса, вот что я тебе скажу: я тебя, так и быть, выпущу, но чтобы это было в последний раз! Понимаешь?

— Понимаю. А я не выйду.

Боря вздохнул, подтянул трусы и продолжал уже совсем кротко:

— Рая, послушай-ка, ты ведь не маленькая, так? Мне нужно скоро уходить, а...

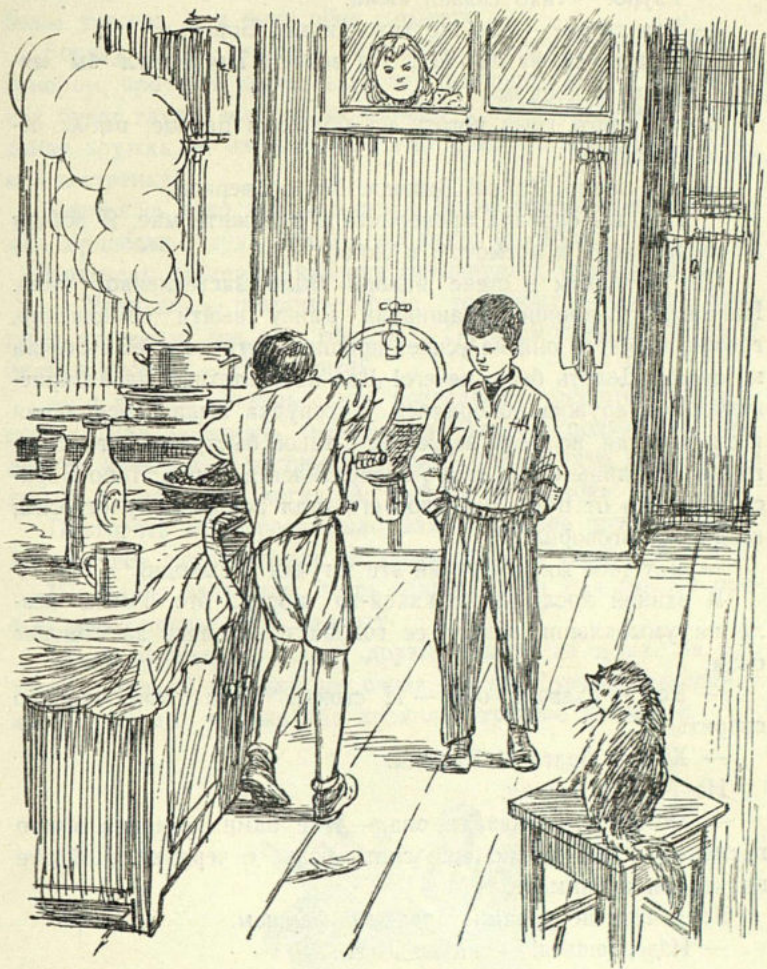
— И уходи. Кто тебя держит?

Лева заглянул в замочную скважину и сказал убедительным тоном:

— Рая, нужно все-таки сознавать! У Бориса очень важное дело.

— Котлеты тоже важное дело. Отец придет с работы — что он будет есть?

Семиклассники помолчали в раздумье.

— Глупо! — тихо сказал Лева.

— Что глупо? — так же тихо сказал Борис.

— К чему ты затеял всю эту возню? Провернул бы мясо — и дело с концом!

Борис долго грыз ноготь на большом пальце, потом открыл щеколду:

— Ну, ладно, Райка! Выходи. Мы провернем.

— Нет, вы сначала проверните и покажите мне. Я встану на умывальник и посмотрю в окно.

Под потолком в стене ванной было застекленное окно. Напрасно товарищи упрашивали Раису выйти немедленно, говоря, что этак она не успеет пришить пуговицы. Рая стояла на своем. Делать было нечего! Два авторитетных члена краеведческого кружка покорились. Мясорубка была неисправная и очень тугая, но Боря вертел ее с такой быстротой, что килограмм говядины очень скоро превратился в фарш. Лицо Бориса блестело от пота, но голос его стал попрежнему строгим, когда он заговорил:

— Вот тебе мясо. Кончай эти штучки и выходи!

В ванной послышался какой-то шорох: это Раиса лезла на умывальник. Скоро ее голова показалась за стеклом окна.

— Вот! — сказала она. — И стоило из-за этого столько спорить!

— Хватит болтать! Выходи!

Но Рая не вышла.

— Погодите, — сказала она. — Я с вами потеряла много времени, а мне нужно еще снять белье с чердака. Пойдите на чердак и снимите.

Боря чуть не уронил тарелку с фаршем.

— Издеваешься! — сказал Лева.

— Раиса!.. Ты эти штучки брось, ты меня знаешь! Лучше брось!

— Вовсе я не издеваюсь. Мне одной раза четыре при-

шлось бы на чердак подниматься, а вы вдвоем сразу все белье унесете. А я буду обед готовить.

Борису очень хотелось плюнуть на все и взять Раису измором, проучить хорошенько эту девчонку. Но он подумал, как будет глупо, если он не попадет к профессору и на заседание кружка. И из-за чего! Из-за каких-то пуговиц и упрямой сестренки!

Кончилось дело тем, что они слевой отправились на чердак, принесли оттуда белье и показали его Раисе.

Краеведы слышали, как она прыгнула с умывальника.

— Увидишь, — шепнул Борис товарищу: — только пришьет пуговицы, все уши оторву! — Он посмотрел на дверь и сказал громко: — Ну, Раиса!

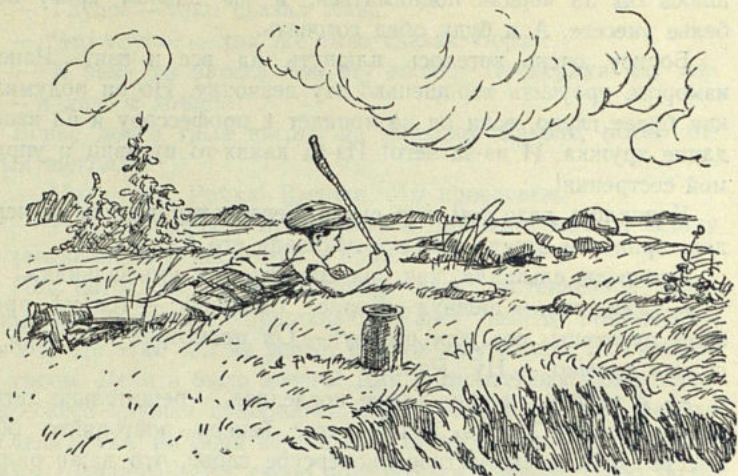
— А теперь... теперь самое последнее, — решительно заговорила Рая. — Теперь знаете что? Теперь повторяйте оба вместе: «Мы даем честное пионерское слово, что даже пальцем не тронем Раю, когда она выйдет из ванной».

Повторять эту фразу было для краеведов труднее всего. Но они все же повторили ее замогильными голосами.

Щелкнула задвижка, дверь открылась, и Рая быстро прошла мимо краеведов в комнату.

Через пятнадцать минут друзья вышли из дому. За всю дорогу они не сказали ни слова, и на бурном заседании краеведческого кружка оба хранили угрюмое молчание.

ГАДЮКА

Мимо окна вагона проплыл одинокий фонарь. Поезд остановился. На платформе послышались торопливые голоса:

— Ну, в час добрый! Смотри из окна не высывайся!

— Не буду, бабушка.

— Как приедешь, обязательно телеграмму!.. Боря, слышишь? Мыслимое ли дело такую пакость везти!

Поезд тронулся.

— До свиданья, бабушка!

— Маму целуй. Носовой платок я тебе в карман...

Старичок в панаме из сурового полотна негромко заметил:

— Так-с! Сейчас, значит, сюда пожалует Боря.

Дверь отворилась, и Боря вошел. Это был мальчик лет двенадцати, упитанный, розовощекий. Серая кепка сидела криво на его голове, черная курточка распахнулась. В одной руке он держал бельевую корзину, в другой — веревочную

сумку с большой банкой из зеленого стекла. Он двигался по вагону медленно, осторожно, держа сумку на почтительном расстоянии от себя и не спуская с нее глаз.

Вагон был полон. Кое-кто из пассажиров забрался даже на верхние полки. Дойдя до середины вагона, Боря остановился.

— Мы немного потеснимся, а молодой человек сядет здесь, с краешку, — сказал старичок в панаме.

— Спасибо! — невнятно проговорил Боря и сел, предварительно засунув свой багаж под лавку.

Пассажиры исподтишка наблюдали за ним. Некоторое время он сидел смирно, держась руками за колени и глубоко дыша, потом вдруг сполз со своего места, выдвинул сумку и долго рассматривал сквозь стекло содержимое банки. Потом негромко сказал: «Тут», убрал сумку и снова уселся.

Многие в вагоне спали. До появления Бори тишина нарушалась лишь постукиванием колес да чьим-то размеренным храпом. Но теперь к этим монотонным, привычным, а потому незаметным звукам примешивался странный непрерывный шорох, который явно исходил из-под лавки.

Старичок в панаме поставил ребром на коленях большой портфель и обратился к Боре:

— В Москву едем, молодой человек?

Боря кивнул.

— На даче были?

— В деревне. У бабушки.

— Так, так!.. В деревне. Это хорошо. — Старичок немного помолчал. — Только тяжеленько, должно быть, одному. Багаж-то у вас вон какой, не по росту.

— Корзина? Нет, она легкая. — Боря нагнулся зачем-то, потрогал корзину и добавил вскользь: — В ней одни только земноводные.

— Как?

— Одни земноводные и пресмыкающиеся. Она легкая совсем.

На минуту воцарилось молчание. Потом плечистый рабочий с темными усами пробасил:

— Это как понимать: земноводные и пресмыкающиеся?

— Ну, лягушки, жабы, ящерицы, ужи...

— Бррр, какая мерзость! — сказала пассажирка в углу. Старичок побарабанил пальцами по портфелю:

— Н-нда! Занятно!.. И на какой же предмет вы их, так сказать...

— Террариум для школы делаем. Двое наших ребят самый террариум строят, а я ловлю.

— Чего делают? — спросила пожилая колхозница, лежавшая на второй полке.

— Террариум, — пояснил старичок, — это, знаете, такой ящик стеклянный, вроде аквариума. В нем и содержат всех этих...

— Гадов-то этих?

— Н-ну да. Не гадов, а земноводных и пресмыкающихся, выражаясь научным языком. — Старичок снова обратился к Боре: — И... и много, значит, у вас этих земноводных?

Боря поднял глаза и стал загибать пальцы на левой руке:

— Ужей четыре штуки, жаб две, ящериц восемь и лягушек одиннадцать.

— Ужас какой! — донеслось из темного угла.

Пожилая колхозница поднялась на локте и посмотрела вниз на Бору:

— И всех в школу повезешь?

— Не всех. Мы половину ужей и лягушек на тритонов сменяем в девчачьей школе.

— Ужотко попадет тебе от учителей.

Боря передернул плечами и снисходительно улыбнулся:

— «Попадет»! Вовсе не попадет. Наоборот, даже спасибо скажут.

— Раз для учения, стало быть не попадет, — согласился усатый рабочий.

Разговор заинтересовал других пассажиров: из соседнего

отделения вышел молодой загорелый лейтенант и остановился в проходе, положив локоть на вторую полку; подошли две девушки-колхозницы, громко щелкая орехи; подошел высокий лысый гражданин в пенсне; подошли два ремесленника. Боре, как видно, польстило такое внимание. Он заговорил оживленнее, уже не дожидаясь, расспросов:

— Вы знаете, какую мы пользу школе приносим... Один уж в зоомагазине рублей пятьдесят стоит, да еще попробуй застань! А лягушки... Пусть хотя бы по пятерке штука, вот и пятьдесят пять рублей... А самый террариум!.. Если такой в магазине купить, рублей пятьсот обойдется. А вы говорите «попадет»!

Пассажиры смеялись, кивали головами.

— Молодцы!

— А что вы думаете! И в самом деле, пользу приносят.

— И долго ты их ловил? — спросил лейтенант.

— Две недели целых. Утром позавтракаю — и сразу на охоту. Приду домой, пообедаю — и опять ловить, до самого вечера. — Боря снял кепку с головы и принялся обмахиваться ею. — С лягушками и жабами еще ничего... и ящерицы часто попадают, а вот с ужами... Я раз увидел одного, бросился к нему, а он — в пруд, а я не удержался — и тоже в пруд. Думаете, не опасно?

— Опасно, конечно, — согласился лейтенант.

Почти весь вагон прислушивался теперь к разговору. Из всех отделений высовывались улыбающиеся лица. Когда Боря говорил, наступала тишина. Когда он умолкал, отовсюду слышались приглушенный смех и негромкие голоса:

— Занятный какой мальчонка!

— Маленький, а какой сознательный!

— Н-ндас! — заметил старичок в панаме. — Общественно полезный труд. В наше время, граждане, таких детей не было. Не было таких детей!

— Я еще больше наловил бы, если бы не бабушка, — проговорил Боря. — Она их досмерти боится.

— Бедная твоя бабушка!

— Я и так ей ничего про гадюку не сказал.

— Про кого?

— Про гадюку. Я ее четыре часа выслеживал. Она под камень ушла, а я ее ждал. Потом она вылезла, я ее защемил...

— Стало быть, и гадюку везешь? — перебил его рабочий.

— Ага! Она у меня в банке, отдельно. — Боря махнул рукой под скамью.

— Этого еще не доставало! — простонала пассажирка в темном углу.

Слушатели несколько притихли. Лица их стали серьезнее. Только лейтенант продолжал улыбаться.

— А может, это и не гадюка? — спросил он.

— «Не гадюка!» — возмутился Боря. — А что же тогда, по-вашему?

— Еще один уж.

— Думаете, я ужа отличить не могу?

— А ну покажи!

— Да оставьте! — заговорили кругом. — Ну ее!

— Пусть, пусть покажет. Интересно.

— Ну что там интересного! Смотреть противно!

— Нет, это любопытно.

Боря вытащил из-под лавки сумку и опустился перед ней на корточки. Стоявшие в проходе расступились, сидевшие на скамьях приподнялись со своих мест и вытянули шеи, глядя на зеленую банку.

— Сорок лет прожил, а гадюку от ужа не сумею отличить, — сказал гражданин в пенсне.

— Вот! — наставительно отозвался старичок. — А будь у вас в школе террариум, тогда смогли бы.

— Уж возле головы пятнышки такие зеленые имеет, — сказал Боря, заглядывая сбоку внутрь банки. — А у гадюки таких пятнышек... — Он вдруг умолк. Лицо его приняло сосредоточенное выражение. — У гадюки... у гадюки таких пятны-

шек... — Он опять не договорил и посмотрел на банку с другой стороны. Потом заглянул под лавку. Потом медленно обвел глазами пол вокруг себя.

— Что, нету? — спросил кто-то.

Боря поднялся. Держась руками за колени, он все еще смотрел на банку.

— Я... я совсем недавно ее проверял... Тут была...

Пассажиры безмолвствовали. Боря опять заглянул под скамью:

— Тряпочка развязалась. Я ее очень крепко завязал, а она... видите?

Тряпочка никого не интересовала. Все опасливо смотрели на пол и переступали с ноги на ногу.

— Чорт знает что! — процедил сквозь зубы гражданин в пенсне. — Выходит, что она здесь где-то ползает.

— Н-нда! История!..

— Ужалит еще в тесноте!

Пожилая колхозница села на полке и уставилась на Бору:

— Что же со мной сделал! Милый! Мне сходить через три остановки, а у меня вещи под лавкой. Как я теперь за ними полезу?

Боря не ответил. Уши его окрасились в темнокрасный цвет, на физиономии выступили капельки пота. Он то нагибался и заглядывал под скамью, то стоял, опустив руки, машинально постукивая себя пальцами по бедрам.

— Доигрались! Маленькие! — воскликнула пассажирка в темном углу.

— Тетя Маша! А тетя Маш! — крикнула одна из девушек.

— Ну? — донеслось с конца вагона.

— Поаккуратней там. Гадюка под лавками ползает.

— Что-о? Какая гадюка?

В вагоне стало очень шумно. Девушка-проводник вышла из служебного отделения, сонно поморгала глазами и вдруг широко раскрыла их.

Двое парней-ремесленников подсаживали на вторую полку опрятную старушку:

— Давай, давай, бабуся, эвакуируйся!

На нижних скамьях, недавно переполненных, теперь было много свободных мест, зато с каждой третьей полки свешивалось по несколько пар женских ног. Пассажиры, оставшиеся внизу, сидели, поставив каблуки на противоположные скамьи. В проходе топталось несколько мужчин, освещая пол карманными фонарями и спичками.

Проводница пошла вдоль вагона, заглядывая в каждое купе:

— В чем дело? Что тут такое у вас?

Никто ей не ответил. Со всех сторон слышались десятки голосов, и возмущенных и смеющихся:

— Из-за какого-то мальчишки людям беспокойства сколько!

— Миша! Миша, проснись, гадюка у нас!

— Ничего себе попутчица!

Внезапно раздался истошный женский визг. Мгновенно воцарилась тишина, и в этой тишине откуда-то сверху прозвучал ласковый украинский говорок:

— Та не бойтесь! Це мой ремешок на вас упал.

Боря так виновато помаргивал светлыми ресницами, что проводница уставилась на него и сразу спросила:

— Ну?.. Чего ты здесь натворил?

— Тряпочка развязалась... Я ее завязал тряпочкой, а она...

— Интересно, какой это педагог заставляет учеников возить ядовитых змей, — сказал гражданин в пенсне.

— Меня никто не заставляет... — пролепетал Боря. — Я... я сам придумал, чтобы ее привезти.

— Инициативу проявил, — усмехнулся лейтенант.

Проводница поняла все.

— «Сам, сам»! — закричала она плачущим голосом. — Лезь вот теперь под лавку и лови! Как хочешь, так и лови! Я за тебя, что ли, полезу? Лезь, говорю!

Боря опустился на четвереньки и полез под лавку. Проводница ухватилась за его ботинок и закричала громче прежнего:

— Ты что? С ума сошел?.. Вылезай! Вылезай, тебе говорят!

Боря всхлипнул под лавкой и слегка дернул ногой.

— Сам... сам упустил... сам и... найду.

— Довольно, друг, не дури, — сказал лейтенант, извлекая охотника из-под лавки.

Проводница постояла, повертела в растерянности головой и направилась к выходу:

— Пойду старшему доложу.

Она долго не возвращалась. Пассажиры устали волноваться. Голоса звучали реже, спокойнее. Лейтенант, двое ремесленников и еще несколько человек продолжали искать гадюку, осторожно выдвигая из-под сидений чемоданы и мешки. Остальные изредка справлялись о том, как идут у них дела, и беседовали о ядовитых змеях вообще:

— Что вы мне рассказываете о кобрах! Кобры на юге живут.

— ...перевязать потуже руку, высосать кровь, потом прижечь каленым железом.

— Спасибо вам! «Каленым железом»!

Пожилая колхозница сетовала, ни к кому не обращаясь:

— Нешто я теперь за ними полезу!.. В сорок четвертом мою свояченицу такая укусила. Две недели в больнице маялась.

Старичок в панаме сидел уже на третьей полке.

— Дешево отделалась ваша свояченица. Укус гадюки бывает смертелен, — хладнокровно отозвался он.

— Есть! Тут она! — вскрикнул вдруг один из ремесленников.

Казалось, сам вагон облегченно вздохнул и веселее застучал колесами.

— Нашли?

— Где «тут»?

— Бейте ее скорей!

Присевшего на корточки ремесленника окружили несколько человек. Толкаясь, мешая друг другу, они заглядывали под боковое место, куда лейтенант светил фонариком.

— Под лавкой, говорите? — спрашивали их пассажиры.

— Ага! В самый угол заползла.

— Как же ее достать?

— Трудненько!

— Ну, что вы стоите? Уйдет!

— Не уйдет. Чуть выползет — тут ей и конец.

Явился старший и с ним девушка-проводник. Старший нагнулся и, не отрывая глаз от темного угла под лавкой, помахал проводнице отведенной в сторону рукой:

— Кочережку!.. Кочережку! Кочережку неси!

Проводница ушла. Вагон притих в ожидании развязки. Старичок в панаме, сидя на третьей полке, вынул часы:

— Через сорок минут Москва. Незаметно время прошло. Благодаря... гм... благодаря молодому человеку.

Кое-кто засмеялся. Все собравшиеся вокруг ремесленника посмотрели на Боря, словно только сейчас вспомнили о нем. Он стоял в сторонке, печальный, усталый, и медленно тер друг о друга испачканные ладони.

— Что, друг, пропали твои труды? — сказал лейтенант. — Охотился, охотился, бабушку вконец допек, а сейчас этот дядя возьмет да и ухлопает кочергой твое наглядное пособие.

Боря поднял ладонь к самому носу и стал соскребать с нее грязь указательным пальцем.

— Жалко, охотник, а? — спросил ремесленник.

— Думаете, нет! — прошептал Боря.

Пассажиры помолчали.

— Похоже, и правда нехорошо выходит, — пробасил вдруг усатый рабочий. Он спокойно сидел на своем месте и курил, заложив ногу за ногу, глядя на носок испачканного глиной сапога.

— Что нехорошо? — обернулся старший.

— Не для баловства малый ее везет. Убивать-то вроде как и неудобно.

— А что с ней прикажете делать? — спросил гражданин в пенсне.

— Поймать! «Чего делать!» — ответил ремесленник. — Поймать и отдать охотнику.

Вошла проводница с кочергой. Вид у нее был воинственный.

— Тут еще? Не ушла? Посветите кто-нибудь.

Лейтенант осторожно отнял у нее кочергу:

— Товарищи, может не будем, а? Помилуем гадюку?.. Посмотрите на мальчонку: ведь работал человек, трудился!

Озадаченные пассажиры молчали. Старший возрился на лейтенанта и густо покраснел:

— Вам смех, товарищ, а нашего брата могут привлечь, если с пассажиром чего случится!

— А убьете гадюку, вас, папаша, за другое привлекут, — серьезно сказал ремесленник.

— «Привлекут»... — протянула проводница. — За что же это такое привлекут?

— За порчу школьного имущества, вот за что.

Кругом дружно захохотали, потом заспорили. Одни говорили, что в школе все равно не станут держать гадюку; другие утверждали, что держат, но под особым надзором учителя биологии; третьи соглашались со вторыми, но считали опасным отдавать гадюку Боре: вдруг он снова выпустит ее в трамвае или в метро!

— Не выпущу я! Вот честное пионерское, не выпущу! — сказал Боря, глядя на взрослых такими глазами, что даже пожилая колхозница умилилась.

— Да не выпустит он! — затянула она жалостливо. — Чай, теперь ученый! Ведь тоже сочувствие надо иметь: другие ребяташки в каникулы бегают да резвятся, а он со своими гадами две недели мытарился.

— Н-да! Так сказать, уважение к чужому труду, — про-
изнес старичок в панаме.

Гражданин в пенсне поднял голову:

— Вы там философствуете... А проводили бы ребенка до
дому с его змеей?

— Я? Гм!.. Собственно...

Лейтенант махнул рукой:

— Ну, ладно! Я провожу... Где живешь?

— На улице Чернышевского живу. Дом двадцать два.

— Провожу. Скажи спасибо! Крюк из-за тебя делаю.

— Ну как, охотники, убили? — спросил кто-то с другого
конца вагона.

— Нет. Помиловали, — ответил ремесленник.

Старший сурово обвел глазами «охотников»:

— Дети малые! — Он обернулся к проводнице: — Щипцы
для угля есть? Неси!

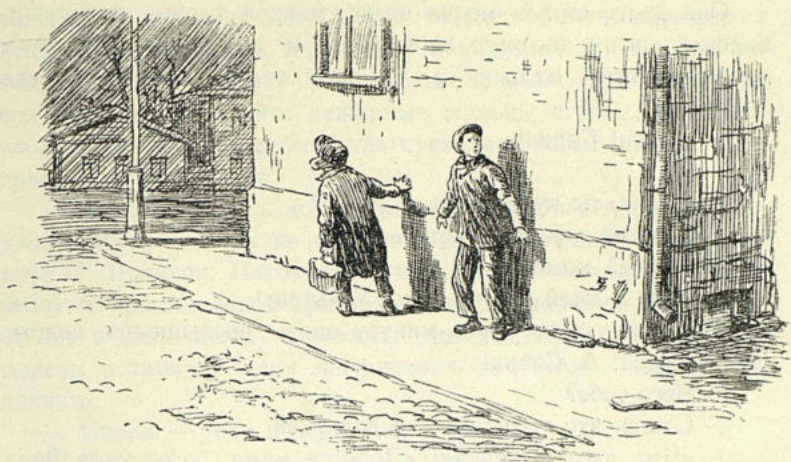
— Дети малые! — повторила, удаляясь, проводница.

Через десять минут гадюка лежала в банке, а банка, на
этот раз очень солидно закрытая, стояла на коленях у лейте-
нанта. Рядом с лейтенантом сидел Боря, молчаливый и сия-
ющий.

До самой Москвы пассажиры вслух вспоминали свои уче-
нические годы, и в вагоне было очень весело.

«КАЛУГА — МАРС»

В эту дождливую ночь совсем близко от городка ухали орудия. Фашисты были в двенадцати километрах.

С маленькой станции только что ушел последний эшелон, увозивший в тыл женщин, стариков и детей. Коротко постукивая, прошли теплушки, проползли длинные пассажирские вагоны с чуть заметным светом в замаскированных окнах; процокала открытая платформа с зенитным пулеметом и красноармейцами. Эшелон исчез в темноте. Шум его колес постепенно затих. На опустевшей станции остались только несколько железнодорожников, часовые на перроне и среди путей да двое мальчишек лет по одиннадцати, притаившихся под башней водокачки: один из них — круглощекий, в длинном пальто с поднятым воротником, обмотанным шарфом, в меховой шапке; другой — худенький, юркий, в коротком черном бушлатике и черной кепке.

Они долго стояли молча возле мокрой стены, прислушиваясь к шагам часового на перроне и к гулким выстрелам орудий. Потом мальчик в длинном пальто прошептал еле слышно:

— Слава! Слава!

— Ну?

— Слава, ты куда записку сунул?

— К маме в узел с постелью.

— К моей маме?

— Нет, к моей... Стой тихо. Услышат!

Они помолчали. Через минуту опять послышался шопот:

— Слава! А, Слава!

— Чего тебе?

— Слава, что ты написал в записке?

— «Что, что!» Написал: «Дорогие мама, бабушка и Вера Дмитриевна! Мы убежали с поезда. Мы хотим грудью защищать город от врагов. Пожалуйста, не волнуйтесь и не беспокойтесь». Ну и всё. Стой тихо и ничего не говори! Понял?

— Понял.

В молчании прошло несколько минут. Шаги удалявшегося по перрону часового слышались все слабее. Когда они затихли, Слава отошел от стены и осмотрелся, придерживая за лямки рюкзак.

— Мишка! Пошли!

Его приятель подошел к нему с большим, туго набитым портфелем. Оба крадучись прошли через калитку в деревянной ограде станции, секунду помедлили и бросились бежать в дождь, в темноту.

На привокзальной площади они никого не встретили и дальше пошли шагом, держась поближе к заборам и стенам домов. Одна из калош у Славы то и дело соскакивала. Тяжелый портфель бил Мишу по ногам. Оба промокли от дождя и вспотели, но шли не останавливаясь.

Городок, такой знакомый днем, казался теперь чужим и страшным. Ни одного человека не было на улице. Ни одно

окно не пропускало света. Даже собаки, обычно лаявшие в каждом дворе, теперь молчали. Только изредка в темных парадных домов покрупней или под арками ворот краснели огоньки папиросок. Это дежурные жильцы стояли на своих постах. Заметив их, ребята или пускались бегом, или же шли крадучись, чуть дыша.

Так они добрались до центра городка. Впереди, пересекая улицу, прогромыхали не то танки, не то тягачи и свернули в темный переулок. Потом торопливо, почти бегом, навстречу ребятам прошел взвод красноармейцев. Мальчики спрятались от них в щель между киосками, где когда-то шла торговля морсом и табаком. Они задержались там, чтобы немного отдохнуть.

— Слава! — тихо позвал Миша.

— Что?

— Слава, а ты написал в записке, что мы теперь, может быть, совсем погибнем?

Слава рассердился:

— Ты... ты, Мишка, совсем как маленький! У человека голова болит от заботы, а он со своими дурацкими вопросами! Ну зачем я им буду это писать? Чтоб они поумирали со страху? Да?

Миша не ответил. Он опустил на корточки и некоторое время молчал, шмыгая носом. Затем опять зашептал, еще тише:

— Слава!..

— Опять!

— Слава, честное слово, это последний вопрос... Слава, от какой заботы у тебя болит голова?

— От какой? А вот от какой: нам надо пробраться на передовую так, чтобы не попасться патрулю. Как найти эту самую передовую? Куда нам пойти? Ты об этом подумал?

— Я не думал об этом, но, по-моему, Слава, где пушки стреляют, там и передовая.

Мальчики отправились дальше. Еще несколько раз они

прятались, услышав, как шлепают по лужам тяжелые сапоги патрульных, и только через час выбрались на окраину городка.

Здесь было особенно пустынно и неприятно. Грохот орудий раздавался сильней.

Слава остановился на перекрестке немощеных улиц и спросил:

— Где ж теперь стреляют? Куда итти?

Мальчишки топтались на месте, растерянно поворачиваясь во все стороны. Грохот, тяжелое буханье слышались теперь не только спереди, но и справа, и слева, и позади.

— Слава! Чего это? Слышишь?

Какой-то странный шипящий свист, то нарастая, то затихая, шел сверху, с мигающего неба. Слава подставил левое ухо под дождь, чтобы прислушаться, но тут вдруг раздался не свист, а вой, в темных окнах домов блеснул свет, и через секунду земля дрогнула от мощного удара.

— Слава! Знаешь что? — прокричал Миша. — Слава, это, наверное, фашисты из дальнобойных стреляют. Слава!..

— Ну... ну и что же, что стреляют? Ты только... ты только не трусь, пожалуйста... Ничего тут такого нет, что стреляют.

— Слава, я не трушу... Только знаешь чего, Слава... Зачем мы здесь стоим? Уж итти так итти. А, Слава?

Оба торопливо зашагали, с трудом удерживаясь, чтобы не бежать.

— Обстрел как обстрел. Обыкновенное дело! — говорил Слава.

— Ага! Обыкновенное дело, — соглашался другой, слегка подпрыгивая при каждом новом ударе.

Вдруг Слава заметил, что его товарищ исчез.

— Мишка! Ты где? Ты чего?..

— Слава! Знаешь... странная вещь! — донеслось из темноты. — Уронил портфель и не могу найти.

Слава остановился:

— Ну! Нашел?

— Нет. Слава... Странная вещь!

— Нашел? — слышалось через секунду.

— Нет!.. Вот ведь! Странная вещь!.. Слава, ты здесь?..

Слава!

Наконец Миша нашел портфель в большой луже и присоединился к товарищу. Но тут у Славы соскочила калоша. Он нагнулся, чтобы надеть ее. Вдруг яркий столб света поднялся из-за ближайшего дома, и раздался такой грохот, что у Миши сердце чуть не выскочило. Зазвенели стекла. Где-то громко закричала женщина. Через секунду приятели уже мчались по лужам: один с портфелем, другой с калошей в руке.

Они не заметили, как выбежали за город, как попали в Большую рощу. Бежали долго, очень долго. Разрывы позади уже прекратились, а ребята продолжали бежать, тяжело и хрипло дыша.

— Стой! Кто идет? — раздался вдруг отрывистый окрик. Мальчики стали как вкопанные.

— Попались! Патруль! — прошептал Слава.

— Кто идет? — прозвучало в темноте громче и тревожнее.

— Это... мы.... — нерешительно сказал Миша.

— Кто «мы»?

— Советские граждане, — пояснил Слава.

— Какие такие граждане? Ложись!

Щелкнул затвор винтовки. Мальчики, не издав ни звука, плюхнулись на землю. В этот момент чей-то бас произнес:

— В чем дело, Симаков?

— Ходит там кто-то, товарищ караульный начальник. Я положил его.

— Эй! Кто там есть? Отвечай! — громко спросил бас.

— Советские граждане. Школьники, — повторил Слава, чуть приподняв голову.

— Ну-ка, Жиров... За мной!

Послышались шаги. На секунду вспыхнул свет карманно-

го фонаря и ослепил ребят. Фонарь тут же погас. Мальчики увидели перед собой двух красноармейцев.

— Кто такие? Как сюда попали? — спросил один из них басом.

Мальчики встали. Миша совсем растерялся и молчал. А Слава поправил кепку и заявил решительным тоном:

— Мы... Нам к командиру нужно.

— К какому такому командиру?

— По какому вопросу?

— Добровольцами хотим поступить.

— Жиров, слышишь? — сказал бас товарищу. Затем обратился к ребятам: — Та-ак! А родители ваши где?

— Уехали. Эвакуировались они.

— А вы как же?

— А мы остались.

— Утекли?

— Вовсе не утекли, — соврал Слава. — Просто нас отпустили, и всё.

— Воевать отпустили?

— Ну да.

Красноармейцы захохотали.

— Во, Жиров, дело-то! Как же теперь быть?

— Дежурному нужно доложить, товарищ сержант.

— Дежурному? Гм! Верно! Пошли к дежурному. Пусть разбирается... Ну, вояки, идем!

Они повели мальчиков лесом, изредка на секунду освещая фонариком путь, и вскоре остановились около узкой темной щели в земле.

— Обождите здесь.

Сержант спустился в щель по деревянным ступенькам. Через несколько минут его голос послышался откуда-то слева:

— Жиров! Давай их прямо к лейтенанту.

Ребята с помощью Жирова спустились в щель и пошли по ней, задевая плечами глиняные стенки.

— Слава! Правда, совсем как в настоящих окопах? Да? — прошептал Миша.

Щель вела под невысокий земляной бугор. Стало совсем темно. Но вот Жиров открыл какую-то дверцу, и все трое очутились в светлой землянке, обшитой досками. Ее освещала электрическая лампочка.

В землянке находились двое военных. Один, в командирской шинели, с противогазом и полевой кожаной сумкой, стоял, прислонившись к стене. Другой, смуглый, курчавый, с черными усиками, с папиросой в зубах, сидел за маленьким столиком. На петлицах у обоих военных ребята заметили по два квадратика.

Военный с усиками поднялся.

— Это и есть ваши герои? — спросил он Жирова.

— Так точно, товарищ лейтенант.

Лейтенант посмотрел на ребят и слегка улыбнулся.

Большая черная кепка Славы так низко съехала на лицо, что из-под нее виднелись только нос да подбородок. С рукавов его бушлата и с Мишиного пальто стекала вода. Чулки, штаны и ботинки ребят были перепачканы глиной. Оба стояли притихшие, неподвижные.

— Воевать, говорите, собрались? Да?

— Воевать, — донеслось из-под кепки.

Лейтенант повернулся к военному у стены:

— Что ж, дежурный, снаряжай с ними связного — да в город.

Ребята огорченно переглянулись.

Тот, кого лейтенант назвал дежурным, задумчиво постукивал папиросой по портсигару.

— В город-то в город, — сказал он медленно, — ну, а дальше что? Родители их выехали. Детские учреждения эвакуированы. Куда связной с ними денется?

Лейтенант прошелся по землянке, заложив руки за спину:

— Гм! Это, положим, неизвестно, уехали или не уехали.

Возможно, что герон удрали из дому, а их теперь ищут по улицам.

Он остановился перед Славой и поднял козырек его кепки:

— Ну-ка, друзья, выкладывайте правду: удрали?

— Вовсе мы... — начал было Слава.

Но лейтенант перебил его:

— Стоп! погоди! Вы пришли в армии служить. Так? И вот с первой же встречи врете командиру. Зачем нам такие бойцы, которые обманывают командиров? Нет! Вы уж лучше говорите начистоту: из дому удрали?

— С поезда, — чуть слышно ответил Слава.

— Мы с поезда удрали, — повторил Миша.

— Ну вот! Это другое дело!

Лейтенант снова прошелся и стал перед дежурным.

— Ну и денек! Что ни час, то новая морока!.. — Он помолчал. — Что ж, оставить их пока на свою ответственность, да и доложить майору? Или попадет?.. Может, и попадет. Но куда их девать? По городу уже два часа бьют, а здесь пока тихо.

Лейтенант задумался. Ребята стояли не двигаясь, только изредка переглядывались.

— Ладно... Жиров!

— Я вас слушаю, товарищ лейтенант!

— Отведите их к телефонистам. У них место есть. Придется старшине сказать, чтоб зачислили их на довольствие...

Пробираясь ощупью по темному ходу, ребята в восторге щипали и толкали друг друга. Слава громко шептал:

— Понимаешь, что значит «зачислить их на довольствие»? Это значит — приняли. Значит — всё, готово!..

Они попали в другую землянку, освещенную лампочкой потусклей. Здесь вдоль стены шли нары, на которых, завернувшись в шинели, спало человек восемь красноармейцев. Посреди землянки стояла железная печь. Было тепло и немного душно.

Жиров указал на свободный топчан справа от двери:

— Давайте ложитесь здесь. Сейчас ужинать вам добудем. И чтоб тихо было! Люди спят.

Он хотел уйти, но тут один из красноармейцев проснулся, сел, обхватив колени руками, и уставился на ребят, подняв светлые брови на розовом лице:

— О-о! Що це таке?

— Пополнение вам. Теперь, Очередько, пропал Гитлер!

Жиров ушел, тихонько прикрыв дверь. Очередько был так удивлен, что раетолкал своих ближайших соседей. Через минуту вся землянка проснулась. Со всех сторон на ребят смотрели удивленные, улыбающиеся лица, со всех сторон сыпались вопросы и восклицания:

— Как же это вы сюда добрались?

— Убежали? Вот шельмецы!

— Мамки-то ваши где?

Видя, что никто здесь на них не смотрит строго, что все рады их появлению, ребята ободрились. Они сняли с себя промокшую верхнюю одежду и теперь сидели на нарах и болтали безумолку. Они рассказали о том, как задумали побег неделю тому назад, но потом отложили его до отъезда, чтобы родные не застряли из-за них в городе. Рассказали, как им удалось в последний момент незаметно выскочить из вагона, как пробирались они по городу, небрежно упомянули о снарядах, которые рвались «совсем-совсем рядом».

Миша при этом заметил, что у него, наверно, осколком выбило из рук портфель.

Красноармейцы, слушая их, веселились так, словно не было войны, не было фашистов, не было гула канонады, который временами приглушенно доносился сюда.

Неожиданно открылась дверь. В землянку вошел статный военный, держа в руках по котелку, а подмышкой — большой кусок хлеба.

— Где тут наши добровольцы? Получайте!

— О це важные у нас вояки, — заметил Очередько. — Сам старшина им вечерю нэс!

Ребята поблагодарили и принялись за щи и гречневую кашу.

— Далеко отсюда до передовой? — осведомился Слава, пережевывая хлеб.

— Та це ж она и есть, передовая! Метров тридцать чи сорок пройдешь — от тебе и фашист.

По дружному смеху бойцов ребята поняли, что Очередько шутит, что до передовой еще очень далеко. Они замолчали, обиженные таким несерьезным к ним отношением. Устав смеяться, приумолкли и красноармейцы. И тогда в землянке заговорил негромкий голос, которого мальчики до сих пор не слышали:

— Так-так! Ну, вот что, молодые люди: разрешите мне задать вам один вопрос.

На топчане по другую сторону двери лежал худощавый человек с длинным носом. Приподнявшись на локте, он шурил на ребят близорукие глаза и улыбался тонкими губами.

— Какой вопрос? — спросил Слава, не переставая жевать.

— Вот, вы желаете воевать с фашистами, защищать Родину. Что ж! Стремление похвальное. Но представьте себе, что все лица вашего возраста побросают школы и отправятся на фронт. Представьте себе, что война продлится года три-четыре. Сколько разведется тогда в стране безграмотных недорослей, из которых нельзя будет сделать ни инженеров, ни ученых, ни хороших командиров! Вы подумали об этом?

— Ого! Вот заковыка так заковыка! — сказал Очередько. — Зараз побачим, шо они кажут?

Бойцы опять засмеялись и уселись поудобней на нарах, поглядывая на ребят. Те молчали, озадаченные, поставив котелки на колени, устремив глаза в пространство.

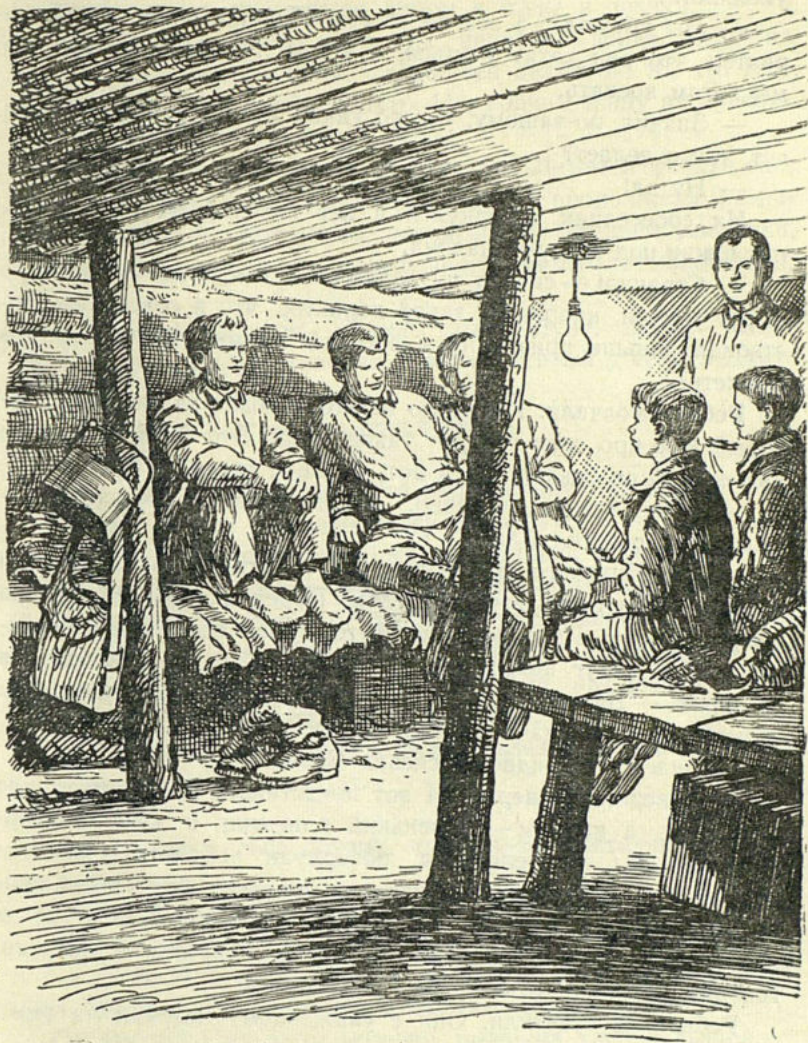
— Ну! Начинайте диспут, — сказал кто-то.

— Очень просто! — вдруг ответил Миша. — Этого вовсе не может быть.

— То-есть чего не может быть?

— Чтоб все ребята ушли на фронт.

— Почему же? Все ребята ненавидят фашистов. Вы вот убежали?

— Мы убежали, а все не убегут. У одних ребят такой характер, что они хотят учиться, а у нас такой характер, что мы хотим воевать.

— Значит, по-вашему, у кого какой характер, кто чего хочет, так и делает?

— Ну да!

Их собеседник повернулся и лег головой на противогаз, подложив под затылок ладони.

— Странно! — сказал он задумчиво, глядя на потолок. — А вот у меня, например, такой характер, что я совсем не чувствовал раньше призвания к военной жизни. Что вы на это скажете?

Ребята молчали. Им стало как-то неловко за человека, который сам про себя говорит такие вещи. Это было все равно как если б он сказал: «А я вот, братцы, трус».

— Н-не знаю... Конечно, всякие бывают характеры, — уклончиво ответил Слава.

— Да. Никакого призвания. Я с детства только и мечтал о том, чтобы стать изобретателем. Перед войной работал на заводе, учился в заочном институте, думал сделаться инженером. — Он вдруг повернулся к ребятам и снова приподнялся на локте. — Вы знаете, чем я хотел заниматься? Слышали что-нибудь о передаче энергии на расстояние?

— Знаем. По радио, — сказал Слава.

— Совершенно верно. И вот представьте себе: есть у вас велосипед, а на нем — маленький приемник и электромоторчик. Сели вы на велосипед, повернули рычажок — и едете хоть до самой Москвы, без всякого горючего, без всяких проводов. Неплохо? Да? Ну, а теперь пришла война, и я вот не изобретаю таких велосипедов, а служу в армии, и неплохо, говорят, служу. Что вы на это скажете?

Ребята не ответили. Они с уважением смотрели на этого странного человека.

— Колы б мы не воювали, фашист от таким хлопцам жизни бы не дал, — заметил Очередыко.

Изобретатель повернулся лицом к стене и зевнул.

— По-моему, ребята, если уж началась война, если на твою Родину нападают, ты уж должен делать не то, что тебе хочется, а то, что нужно делать. Ну, кончим нашу дискуссию, а то и поспать не удастся.

Красноармейцы улеглись и затихли. Легли и ребята, накрывшись чьей-то плащ-палаткой. Где-то продолжали раздаваться выстрелы. Откуда-то, вероятно из соседней землянки, то и дело доносился писк телефонного зуммера и монотонный голос:

— Калуга слушает... Чего?.. Даю Луну. Алло! Марс! Алло, Марс!.. Калуга говорит. Двести десятый у себя?.. Дайте его.

— Слава! Слав! — прошептал Миша.

— Что?

— Слава, вот бы нам такой велосипедик! Правда?

— Ага! А еще лучше — лодку моторную.

Ребята повернулись друг к другу спиной и больше не говорили, но долго еще не могли заснуть. Впервые Славе ясно представились его мама с бабушкой, растерянные, плачущие, в переполненном темном вагоне, а Мише вспомнилась его мама, одинокая, без папы, который уехал на фронт, и вот теперь без Миши, ее единственного сына.

Миша часто задышал, сдерживая слезы. Слава услышал это и притворился, что спит.

Ребята проснулись потому, что кто-то расталкивал их и покрикивал:

— Эй! Друзья! Подымайтесь!

Над ними стоял красноармеец в шинели, с винтовкой.

— Лейтенант приказал вам одеться и быть наготове. Никуда без приказа не выходить. Вот. Завтракайте.

Он поставил на нары котелки, положил хлеб и вышел.

Мальчики сели, моргая заспанными глазами. Только через некоторое время они проснулись окончательно и вспомнили, где находятся.

Землянка была почти пуста. Лишь незнакомый боец, которого мальчики ночью не видели, спал, не сняв шинели, не расстегнув ремня с подсумком. Тяжелый, почти непрерывный гул шел, казалось, откуда-то из-под земли. Доски на нарах вздрагивали. Временами за дверью слышались торопливые шаги, редкие, отрывистые голоса.

Мальчикам стало тревожно и вместе с тем весело. Натягивая еще не просохший бушлатик, Слава проговорил:

— Что-то там, наверху, делается особенное. Да, Мишка?

— Знаешь чего делается, Слава? Наверное, бой идет.

Они оделись и сели рядом: один — с мешочком за спиной, другой — с портфелем в руках. Голоса и шаги в проходе затихли. Только голос телефониста, быстрый, напряженный, четкий, продолжал доноситься в землянку:

— Марс! Марс!.. Алло, Марс! Дайте сто четырнадцать!.. Калуга слушает! Есть, товарищ лейтенант... Марс! Алло, Марс!..

Слава спрыгнул на пол, чуть приоткрыл дверь, прислушался и снова закрыл ее.

— Никого нет, — сказал он.

Миша пристально посмотрел на него:

— Слава... Как ты думаешь, зачем нам велели одеться и быть наготове?

— Откуда я знаю зачем!

— Слава! А вдруг нам задание хотят дать?

— Какое еще задание?

— Ну... ну, донесение какое-нибудь отнести.

— Держи карман! Так и дадут донесение незнакомому человеку!

Они замолчали. Томительно ползли минуты, десятки минут, а за ребятами никто не приходил. Гул снаружи усилился. Иногда землянка содрогалась так, что лампочка, висевшая

под потолком, начинала покачиваться. Славший красноармеец вдруг сел на нарах, прислушался и вышел за дверь, даже не взглянув на ребят.

Приподнятое настроение у мальчиков прошло. Им стало тоскливо и немного страшно. Что делается там, наверху? Почему все так возбуждены? Почему никто не обращает на них внимания, как будто все забыли о них?

И тут ребята заметили, что телефонист тревожно, громко уже несколько минут повторяет один и тот же призыв:

— Марс! Алло, Марс!.. Марс! Марс!.. Марс!! Алло! Марс!..

Наступила пауза. Потом негромко прозвучали слова:

— Марс не отвечает, товарищ лейтенант... Да, похоже, что перебита, товарищ лейтенант... Есть, товарищ лейтенант!

— Слава! А, Слава! — сказал Миша.

— Чего?

— Слава, что такое «Марс»?

— Планета, конечно.

— Я не про то. Здесь что такое «Марс»?

— Здесь? — Слава подумал. — Название какое-нибудь секретное. Может, штаб так называется.

— И он теперь не отвечает?

— Не отвечает.

Ребята придвинулись друг к другу поближе.

— Слава, а вдруг... вдруг оттого, что он не отвечает, все пропало?

Слава угрюмо смотрел на носки своих калош.

— И очень даже может быть, — сказал он медленно.

— И, может быть, фашисты ворвутся сюда?

— Может, и ворвутся. Может, нас и перебыют здесь всех через полчаса.

После этого они долго сидели, почти не разговаривая, неподвижные, настороженные, прислушиваясь к голосу телефониста, напрасно стараясь уловить в его отрывочных фразах что-нибудь утешительное.

Так прошло часа два, а может быть, три. И тут новая неожиданность обрушилась на ребят: электрическая лампочка, горевшая все время не мигая, вдруг погасла, и в землянке наступил кромешный мрак. В первую минуту приятели не двинулись, не шелохнулись. Потом Слава прерывающимся голосом позвал:

— Мишка! Мишка! Ты... здесь?

— Слава, я здесь... Слава, знаешь чего? Слава, пойдем отсюда... А, Слава?

Слава не ответил.

— Слава, пойдем знаешь куда? Ну, хоть к лейтенанту пойдем. Скажем ему что-нибудь... Пусть он нам хоть задание какое-нибудь даст... Слава, уж лучше там, наверху, погибать, чем здесь, как мыши. Пойдем, Слава!

По проходу кто-то пробежал. Слава дотронулся до Мишиной руки:

— Тихо! Слышишь?.. Может, за нами.

Оба затихли.

Открылась дверь. Взволнованный голос крикнул в темноте:

— Сержант Смирнов здесь? К лейтенанту!

Обескураженные приятели молчали.

— Нет его, что ли?

Шаги удалились. Прошло минуты две. Что-то особенно тяжело грохнуло наверху. Слава спрыгнул с нар:

— Пойдем!

Несколько секунд они пыхтели, застряв в узкой двери, в которую сунулись одновременно, и наконец выскочили в ход сообщения.

Здесь было почти так же темно. Лишь где-то далеко слева пробивался слабый дневной свет. Ощупывая руками глиняные стены, Слава пошел в ту сторону. Миша двигался за ним, держась за его бушлатик.

Вскоре они заметили дверь, открыли ее и очутились в землянке лейтенанта. Там горел фонарь «летучая мышь». Лейте-

нант стоя разговаривал с двумя незнакомыми командирами. Все обернулись и посмотрели на ребят.

— Ну! Что вам здесь нужно? — резко спросил лейтенант.

Друзья молчали и не двигались. Только Миша в растерянности покачивал портфелем.

— Кто вам позволил выходить из землянки? — почти крикнул лейтенант. — Почему расхаживаете без разрешения?

Слава открыл было рот, чтобы заговорить, но тут в дверь постучали.

— Войдите! — сказал лейтенант.

Через высокий порог переступил тот самый изобретатель чудесного велосипедика, с которым познакомились этой ночью ребята.

— Сержант Смирнов, по вашему распоряжению, явился, товарищ лейтенант, — сказал он негромко, отдав честь.

Лейтенант больше не смотрел на мальчиков:

— Так. Хорошо... У нас прервана связь с Марсом. Возьмите с собой двух человек и восстановите связь.

Вытянув руки по швам, изобретатель повторил:

— Приказано взять двух человек и восстановить связь с Марсом.

— Правильно. Вы знаете, что Горчаков не дошел?

— Знаю, товарищ лейтенант.

— Идите. Исполняйте.

Снова отдав честь, изобретатель четко повернулся и вышел, слегка запнувшись на пороге.

Лейтенант опять обратился к ребятам:

— Марш в землянку! И не шататься у меня! Ясно?

Ребята поспешно выбрались за дверь и вернулись в свою землянку. Там было попрежнему темно, однако мальчики уже успокоились.

По спокойным лицам военных в землянке у лейтенанта они поняли, что сражение идет где-то далеко и нечего бояться, что враги вот-вот ворвутся в их подземное жилище.

Мальчики еще долго болтали, сидя в потемках, и наконец

почувствовали, что очень устали от пережитых волнений и совсем не выспались за эту ночь. Они прилегли. Через некоторое время оба посапывали спокойно и ровно.

...Слава проснулся через несколько часов. В темной землянке пахло махоркой. Было душно. На разные голоса храпели красноармейцы. Слава повернулся на другой бок и уже сквозь сон услышал голос телефониста:

— Алло! Марс! Сколько у вас времени? Мои стоят.

Мальчиков разбудил окрик:

— Вояки! Завтрак проспите!

Под потолком горела «летучая мышь». Бойцы сидели на нарах, гремя ложками в котелках. Все засмеялись, когда ребята вскочили, удивленно оглядываясь. Слава как лег, так и проспал всю ночь, не снимая бушлата и мешка. Миша спрыгнул с нар и тут же схватил свой портфель.

— Что ж это вы! Проспали фашистов. Теперь они километров за двадцать пять отсюда. Как теперь догоните? — шутили красноармейцы.

Приятели набросились на завтрак. За весь вчерашний день они почти ничего не ели. С ними пробовали шутить, расспрашивали их, но мальчики отвечали односложно, все еще переживая вчерашний день.

Миша заметил, что противоположные нары пусты, и спросил:

— А... а где он, изобретатель?

Сразу в землянке стало тихо. Лица бойцов сделались серьезными.

— В отпуск ушел, — не глядя на ребят, сказал один красноармеец.

— В бессрочный, — добавил другой. Лоб его был перевязан свежим бинтом.

Ребята почувствовали недоброе и замолчали. Молчали и красноармейцы. Один только Очередько пробормотал:

— Добрые были хлопцы!

Мальчишки поняли, что изобретатель погиб, и погиб, быть может, исполняя приказ лейтенанта. Они отложили ложки. Есть больше не хотелось. Красноармейцы вскоре ушли, а они еще долго сидели молча, глядя на пустые нары, где лежали две потрепанные книжки и забытая жестянка с табаком.

— Никогда теперь не сделает велосипедика, — проговорил наконец Миша.

— Погиб, а связь восстановил, — сказал Слава.

Когда-то в кино ребята видели черные столбы дыма и земли от рвущихся снарядов. Недавно они слышали грохот разрывов настоящих снарядов и авиабомб и видели развороченные фугасками дома.

И сейчас они думали об этом странном человеке, который так спокойно ушел, по приказу командира, куда-то туда, где вздымаются эти черные столбы, взлетают на воздух раздробленные камни, валяются огромные деревья. Они вспоминали каждое его слово, каждое движение.

— Слава... А помнишь, как лейтенант сказал ему: «Горчаков не дошел». Наверное, Горчакова этого тоже убили.

— Ага! И, значит, он знал, что, может быть, сам погибнет.

— Слава!.. И он даже глазом не моргнул. Приказал командир — он отдал честь и ушел.

— Да. А еще говорил, что у него призвания нет воевать! Ребята помолчали немного. Вдруг Слава спрыгнул на пол:

— Мишка!

Миша подбежал к нему.

— Мишка! Дай честное слово... дай самое страшное честное слово: что бы ни случилось, мы до конца войны с фронта не уйдем!

— Слава, даю честное слово! И знаешь что, Слава? Давай будем мстить фашистам за изобретателя.

— Давай! Пусть мы погибнем, пусть! Все равно мы из армии не уйдем.

— Не уйдем. Слава, пошли опять к лейтенанту! Пускай он

нам даст какое хочет задание. А не даст — пойдем дальше, на самый передний край!

Слава задумался.

— Нет, не надо, — сказал он, — нужно дисциплину соблюдать. Он сам нас вызовет. Что нас, даром, что ли, будут кормить!..

Когда в землянку пришли красноармейцы на обед, Слава спросил одного из них, не может ли он сходить к лейтенанту, сказать, что им надоело сидеть без дела, что они хотят получить какое-нибудь задание.

— Э-э! — протянул тот. — Вы насчет этого не опасайтесь, ребята. Лейтенант про вас не забудет. Он только еще не решил: то ли роту вам дать, то ли батальон.

Слава уныло отошел от него. Миша прошептал:

— Лучше не говорить. Только и знают, что смеются!..

Очень долго тянулось время. Даже вчера они не так томились, как сегодня. При каждом шуме за дверью они вскакивали, думая, что это идут за ними. Но подошел ужин, а никто их не звал.

— Шо? Еще не получили задания? — удивился Очередыкко, входя с товарищами в землянку. — Як же так! Лейтенант мне казав, шо гадае вас в разведку назначить.

Ребята промолчали. Сердца их сжались. Правду говорит этот Очередыкко или опять шутки шутит?..

Поужинали. Бойцы поиграли в шашки, поболтали и улеглись. Легли и ребята, надеясь, что хоть завтра кончится их ожидание. Они закрыли глаза и лежали совсем тихо, стараясь поскорее заснуть.

Но тут скрипнула дверь, вошел бравый старшина и сказал громко и весело:

— Ну! Герои здесь?.. К лейтенанту. Живо!

Как подброшенные, вскочили приятели.

Лихорадочно оправляя рубашку, Слава спросил:

— Зачем? Не знаете, зачем?

— Не знаю. Видно, задание какое боевое.

Бойцы проснулись.

— Скорей, скорей, ребята! — кричали они. — Пояса подтяните, чтоб заправочка была!

— Вы знаете чего? Вы как войдете, так руку к головному убору, станьте в положение «смирно» и скажите: «Товарищ лейтенант, по вашему приказанию, боец такой-то прибыл». Поняли? Во! Наш лейтенант дисциплину любит.

Ребята вышли за дверь.

— Эй! Эй! Кепки-то забыли! К пустой голове руку не прикладывают!

Мальчики вернулись, схватили кепку и шапку. Шагая по темному ходу за старшиной, Миша взволнованно прошептал:

— Слава! Знаешь чего? Давай станем на то самое место, где вчера изобретатель стоял. Хорошо?

— Хорошо!

Они вошли в землянку. Там, кроме лейтенанта, был еще один военный. Миша покосился и стал на то место, где вчера стоял сержант Смирнов.

— Товарищ... товарищ лейтенант... по вашему приказанию, боец Розанов явился, — тонким, дрожащим голосом проговорил Слава.

— Боец Снегирев явился, — пролепетал за ним Миша.

Лейтенант, сидевший за столом, улыбнулся и переглянулся с товарищем.

— Отправляешь? — негромко спросил тот.

— Отправляю.

— Здорово нагорело?

— Хватает. — Лейтенант просмотрел какую-то бумажку. — Так вот, друзья. Мы навели справки: ваши родители сошли на станции Гремихино и разыскивают вас. Сегодня туда идет наша машина. Оденьтесь, соберите вещи. Шофер за вами зайдет.

Приятели остолбенели.

— Товарищ... командир... мы... мы хотим в армии служить, — еле выдавил Слава.

— Мы на фронт... — начал было Миша.

Лейтенант вдруг поднялся.

— Вы хотите в армии служить? — сказал он громко.

— Да. Мы хотим, чтоб...

— Вы меня называете командиром. Так?

— Да. Мы...

— А знакома вам воинская дисциплина?

— Мы... Нам знакома.

— А вам известно, что приказ командира — в армии закон?

— Известно, — еле слышно сказал Слава.

— В таком случае, смирно!

Лейтенант выпрямился. Ребята вздрогнули и застыли, вытянув руки по швам. Пристально глядя на них, лейтенант заговорил медленно и отчетливо:

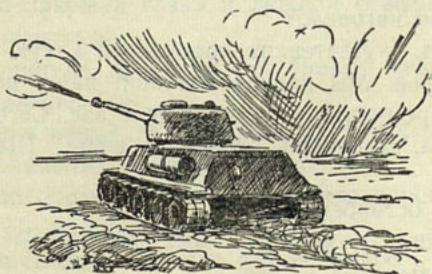
— Приказываю вам собрать вещи к двадцати трем часам ноль-ноль и ехать к мамам. Повторите приказание!

— Собрать вещи... и ехать к мамам, — тихо сказал Слава.

— Вещи... и ехать к мамам, — почти прошептал Миша.

— Кру-гом!

Секунды три приятели стояли неподвижно на том самом месте, где стоял вчера сержант Смирнов. Потом они вздохнули, посмотрели друг на друга, повернулись кругом и оба молча зашагали к двери.

ПРО НАШИ ДЕЛА

Как только организовался наш КВШ, Оська велел мне подробно записывать все школьные дела.

— Ты будешь у нас летописцем, вроде старинных иноков, — сказал он. — Не так уж часто ребятам приходится делать то, что делаем мы. Лет через пятьдесят твои записки будут просто кладом для историков.

Я согласился и даже выменял у одного мальчика толстую тетрадь за немецкий шлем, пробитый пулей, но в течение многих месяцев не написал ни одной строчки. Старинные иноки сидели себе преспокойно в кельях или в обозах княжеских дружин да записывали все, что делается вокруг. У меня же с этим КВШ было столько дел и всяких неприятностей, что я пить-есть забывал, не то что думать о каких-то записках.

Только теперь, через полгода, у меня нашлось время, чтобы рассказать всю эту историю.

ТАИНСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Дело было весной 1943 года. Я сидел на подоконнике, зашивая порванный ботинок. В голове у меня были очень мрачные мысли.

За неделю до этого мы с мамой вернулись из эвакуации в родной городок. Я, конечно, успел уже обегать всех знакомых ребят, наслушался рассказов о происходивших осенью боях на подступах к городу и не раз осмотрел то, что осталось от нашей школы.

А остались от нее лишь закоптелые кирпичные стены.

Фашисты не смогли ворваться в город. Но они два дня обстреливали его из орудий и разрушили целый район — Осетровую слободку. Просто чудом кажется, что школа, стоявшая на самом краю городка, только сгорела, а не превратилась в груды битого кирпича.

Теперь ребята часто собирались на пожарище. Бродили по классам, в которых не было полов, а вместо потолка синело небо; вспоминали, где чья парта стояла, и говорили о тех днях, когда школу восстановят. Все ребята были твердо уверены, что ее восстановят к осени. Говорили даже, что будет надстроен второй этаж. Все мы, ученики, только и ждали, когда начнется строительство, чтобы самим взяться помогать рабочим.

Но вот однажды в помещении десятилетки, расположенной на другом конце города, состоялось общее собрание учеников нашей школы. Мы подняли страшный шум, когда на эстраду взошел наш старенький преподаватель литературы Платон Иванович. Все мы часто встречали его на улицах, разговаривали с ним, но сейчас так хлопали в ладоши, так кричали, словно увидели его в первый раз после начала войны.

Он стоял перед нами в той же черной суконной толстовке, в которой бывал на уроках, точно так же, как раньше, проти-

рал носовым платком пенсне, но курчавые волосы его и торчащая вперед борода стали еще белее за этот год.

Когда мы утомонились, Платон Иванович надел пенсне, оперся ладонями о стол перед собой и заговорил негромко и медленно:

— Ну вот... Вот мы и встретились с вами опять в школьной обстановке.

Мы вскочили на ноги и снова захлопали и закричали, а Платон Иванович стоял неподвижно, слегка улыбался и смотрел на нас, не замечая, что пенсне свалилось с носа и повисло на черной тесемочке. Потом он продолжал:

— Так вот, товарищи дорогие! На мою долю выпала очень приятная задача, о которой каждый из вас, повидимому, догадывается. Мне поручено сообщить вам, ученикам семилетки, о том, что с первого сентября этого года в нашем городе возобновляются школьные занятия. (Тут снова кто-то захлопал. На него зашикали.) Но, дорогие мои, прежде чем начать заниматься, в школе нужно произвести необходимый ремонт. И я полагаю, что все мы, собравшиеся здесь, обязаны внести свою трудовую лепту в это дело.

Тимошка Садиков вскочил и закричал, колотя себя кулаками в грудь:

— Платон Иванович! Честное пионерское! От имени всех говорю: день и ночь напролет будем работать! Честное пионерское!..

— Садись, Тимофей, — сказал Платон Иванович. — Я вполне уверен, что Тимофей Садиков выражает общее мнение, и другого ответа не ждал. Собственно говоря, днем и ночью работать не нужно. Ремонт настолько незначителен, а нас так много, что каждому придется уделить лишь несколько часов своего времени.

Мы притихли, ничего не понимая. Одна девочка спросила:

— Как же так, Платон Иванович?!

Платон Иванович надел пенсне и посмотрел на нее:

— Позволь! Что именно «как же так»?

— Ну как же так «ремонт незначителен», когда от школы одни стены остались?

Платон Иванович помолчал.

— Виноват! Тут, видно, какое-то недоразумение. Ты о какой школе говоришь?

— Ну, о нашей, сгоревшей, конечно.

— Гм!.. Да-а! Тут недоразумение. Это... это... конечно, моя оплошность. Я полагал, вы уже знаете о том, что этот год мы будем заниматься в три смены в помещении десятилетки.

— У-у! — протянул кто-то.

— Да, дружок! Весьма и весьма прискорбно, но что же поделаешь! В районе поднимали вопрос о восстановлении нашей школы, но пришли к убеждению, что за лето не успеем, нехватит материалов и рабочих рук... Заниматься нормально вы будете и в этой школе. Здесь, как я уже сказал, помещение требует пустякового ремонта: побелить стены да починить несколько парт. Ученики десятилетки легко справились бы с такой задачей сами, но я уверен, что никто из вас не захочет явиться на готовенькое.

Конечно, мы сказали, что будем работать, что можем и без десятилетчиков три раза выбелить школу и починить сколько угодно парт, но настроение у всех было испорчено. Весь день удрученные ребята бродили вокруг своей школы, а девочки даже плакали там.

Все же на следующий день несколько наших ребят отправились домой к Платону Ивановичу, чтобы поговорить с ним о работе в десятилетке. Но он, оказывается, заболел гриппом и не велел пускать к себе учеников. Больше педагогов из семилетки в нашем городе в то время не было. Директор и физик ушли добровольцами на фронт, математичка Ирина Игнатьевна погибла во время артиллерийского обстрела, а остальные или еще не вернулись из эвакуации, или уехали в областной центр на конференцию учителей.

Тошно мне было все эти дни.

Сегодня уже часа три я сидел на подоконнике и чинил

ботинок, у которого чуть-чуть оторвалась подошва. Ковырну разок шилом и задумаюсь.

За этим делом и застал меня Андрей Чижев. Он появился перед окном, словно из-под земли вырос. Маленький, с круглой, стриженной под машинку головой, он выглядел очень озабоченным. Он тихо спросил:

— Ты один?

— Один.

— Дай-ка руку.

Я протянул руку. Андрюшка влез на подоконник, соскочил в комнату и уставился на меня, нахмутив брови, которых у него почти не было.

— Ну? — сказал я.

— Понимаешь... — зашептал Андрей. — Я сегодня получил какую-то странную записку.

Он дал мне смятый листок. Я развернул его и прочел:

«Приходи сегодня, четырнадцатого мая 1943 года, в десять часов вечера к сгоревшей школе.

ИКС».

— И всё?

— Всё.

— Странно! Где ты ее нашел?

— У себя в комнате, на полу.

— Кто-то что-то затевает, — сказал я.

Андрей нагнулся и зачем-то заглянул под стол.

— Как ты думаешь... — зашептал он. — Как ты думаешь: а что, если тут что-нибудь такое?.. А?

— Ну, например?

— Ловушка, например, какая-нибудь!

— Какая там ловушка! Грабить, что ли, тебя собрались?

— Зачем «грабить»? Что, я сам не понимаю!.. А вот что я тебе скажу: мой отец-то ведь военврач, он в госпитале работает...

— Ну и что же?

— Вдруг кто-нибудь хочет выведать его расположение.

— Чье расположение?

— Госпиталя. Я ведь там бывал у папы.

— Глупый ты! — сказал я. — Ты думаешь, что это тебя диверсанты заманивают? Очень нужен ты им!

— Ладно! — сказал Андрюшка. — Что же все это значит?

Кто-то забарабанил в дверь. Я побежал открывать. На пороге стояла Галина.

— Вот уж прямо, действительно, кому-то совершенно нечего делать! — заговорила она, входя в комнату. — Вот уж, действительно, кто-то прямо только тем и занимается, что выдумывает всякие глупости!

— А что такое?

— А то, что мы сидим обедаем... Вдруг в окно влетает камень, обернутый в записку. Хорошо! Прочла, пообедала, иду к тебе, а на двери твоего дома вот эта бумажка.

Она дала мне записки и принялась поправлять волосы.

В обеих записках я прочел одно и то же:

«Приходи сегодня, четырнадцатого мая 1943 года, в десять часов вечера к сгоревшей школе.

ИКС».

— Кто-то что-то затевает, — сказал я опять.

— Ты пойдешь?

— Надо пойти. Наверное, кто-то разыгрывает нас, но все-таки интересно.

— Глупости! — сказала Галка. — Никуда я не пойду.

Мы ничего не ответили. Мы знали, что она первая прибежит к школе.

Глава II

НОЧЬЮ У ШКОЛЫ

Я часто думаю: какой все-таки странный у меня характер! Я был уверен, что все эти записки — чьи-нибудь шуточки. Но чем ближе время подходило к вечеру, тем больше меня разбирало любопытство. Уже в девять часов я выскочил из дому

и побежал к водопроводной колонке, возле которой условился встретиться с Андреем. Он был уже там.

Мы отправились к школе, стоявшей у реки, на самом краю городка. Сначала мы громко болтали, идя по немощеным улочкам, где над заборами свешивалась сирень, а за сиренью стояли домики с темными окнами. Но, проходя Осетровую слободку, оба притихли. По обеим сторонам дороги здесь торчали печные трубы, освещенные луной, валялись кирпичи да обгорелые бревна, из-под которых виднелись спинки железных кроватей. Андрюшка боязливо косился на них, да и мне было не по себе.

В конце слободки виднелся холм, на котором стояла школа. Подойдя поближе и всмотревшись как следует, мы ахнули от удивления: там, на холме, на площадке возле школы, уже толпилось по крайней мере человек сорок мальчишек и девчонок.

Когда мы поднялись к ним, они закричали:

— Во! Еще двое!

— Это вы писали?

— Вы что-нибудь знаете?

— Где вы нашли записки?

Мы сказали, что знаем не больше других. Тогда все принялись гадать и строить всякие предположения.

— Глупости, и больше ничего! — сказала Галина (она уже стояла здесь, накинув на плечи вязаную кофточку). — Тот, кто написал записки, наверное спит себе преспокойным сном, а мы тут лясаем зубами от холода.

— Нет, — возражали ей, — уж коли написал, значит придет, хотя бы посмотреть, что из этого вышло.

— Вот бы вздуть его! Да, ребята?

Тимошка Садиков выскочил вперед, поправил кепку, съехавшую на нос, и заговорил быстро и отрывисто:

— Нет, ребята! Погодите! Знаете что? Вдруг это Оська Димин вернулся!.. А?

Все призадумались. Оська был моим близким другом.

Я подумал было, что Тимофей, может быть, и прав, потому что Димин любил всякие таинственные затеи. Но тут выступил вперед Миша Морозов. Он сказал:

— Зачем зря говорить чепуху? Всем прекрасно известно, что Оська бежал из Свердловска на фронт и погиб, взорвав фашистский танк.

— Браки! — сказал кто-то. — Он утонул при обороне Севастополя.

Все стали спорить о том, как погиб Оська Димин, и спорили до тех пор, пока не раздался крик:

— Смотрите! Еще двое!

Все повернулись в одну сторону и затихли.

По дорожке на холм поднимались двое ребят: один — здоровенный, широкоплечий, одетый во все темное; другой — маленький, тоненький, в белой рубашке, в черных брюках. Мне показалось, что большой — это мой сосед Яша Кривохижа. Мы все притихли. Тимоша шлепнул себя ладонью по голове и, глядя на маленького, прошептал:

— Ну, чтоб мне лопнуть, если это не Оська!

— Какой тебе там Оська!

Все опять помолчали.

— А походка-то вроде Оськиной. Подпрыгивает.

— Нет! Не может быть!

— Ой, девочки, и правда это, кажется, Оська!

— Ну да, Оська!

— Оська! — закричали вдруг все.

Это и в самом деле был Оська Димин.

Мы бросились к нему, окружили его. Все кричали, смеялись, хлопали в ладоши. Тимошка от восторга бил себя кулаками по плечам и лягал ногами товарищей. Яшка ухмылялся, гордый и счастливый, как будто весь этот шум поднялся не из-за Оськи, а из-за него.

И только один человек остался невозмутимым среди всей этой сутолоки: это был сам Оська.

Он немножко вырос за этот год, но все же так и не пере-

рос никого из ребят нашего класса. Он спокойно улыбался, поворачивал голову то в одну сторону, то в другую и коротко отвечал на бесчисленные вопросы.

— Когда ты приехал? Вчера? Сегодня?

— Приехал вчера, в девять вечера.

— И до сих пор ни к кому из ребят не зашел!

— Да. По одной причине.

— Правда, что ты был на фронте?

— Ты за Севастополь сражался, да? На фронт убегал?

— На фронт убегал, но не доехал.

— Поймали?

— Да. На сто четырнадцать километре.

Не знаю, сколько времени мы его расспрашивали. Наверное, очень долго. Наконец Галина сказала:

— Ну, теперь сознавайся: ты подбросил записки?

— Нет. Подбросил их Яша, а написал я.

— Ну да! Они решили устроить сюрприз.

Тут Оська перестал улыбаться.

— Нет, — сказал он очень серьезно, — это не сюрприз. Мне просто нужно было собрать вас по очень важному делу.

Мы сначала притихли, когда Оська сказал «по важному делу», потом наперебой стали расспрашивать, что это за дело. Но Оська сказал:

— Погодите. Так ничего не получится. Садитесь вот здесь на траве, и мы организованно проведем собрание.

Мы расселись. Оська поднялся с Яшкой на каменное крыльцо и стал рыться в полевой сумке, висевшей у него через плечо.

— Посвети мне, — сказал он.

У Якова на груди висел деревянный ящик, в котором находился телефонный индуктор. Яшка завертел, как у шарманки, ручку, индуктор зажужжал, и на ящике зажглась небольшая лампочка. Оська долго просматривал какие-то бумажки, а мы глядели на него, сидя на мокрой от росы траве.

— Спасибо!

Яшка перестал вертеть. Наше историческое совещание началось.

— Вот, — сказал Оська, — я приехал вчера вечером и успел повидаться только с Яковом Кривохижа. Он сообщил мне, что школу в этом году не восстановят и мы будем учиться в десятилетке.

— Верно! — сказал кто-то.

— Вот. И я просто удивляюсь, как вы можете это терпеть и только охать и ахать.

— А что же нам еще делать?

— Мы должны сами восстановить школу. И всё!

— Что-о?

— Как так «сами»?

— Так. Очень просто. Сделать крышу, вставить оконные рамы, навесить двери...

— И всё сами?

— Сами.

— Ребята, он с ума сошел!

Все зашумели, но Яша крикнул: «Тише!», и шум прекратился.

— И не думаю сходить с ума, — сказал Оська. — Всегда, если кто-нибудь предлагает очень грандиозный проект, находятся люди, которые не сразу верят. Я думал об этом всю ночь, сегодня утром совещался с Яковом, и он со мной согласен.

— Глупости ты выдумываешь, Оська! — пробурчала Галина. — И Яшка тоже. Все это выдумки одни.

— Прекрасно! Я вам с цифрами в руках докажу, что это не глупости. Яков, посвети!

Яшка опять завертел свою шарманку, а Оська, глядя на какую-то бумажку, продолжал:

— наших ребят в городе человек двести. В школе двадцать семь окон. Значит, на каждое окно приходится семь учеников. За время войны ребята многому научились. Ремес-

ленники, например, целые заводы обслуживают и работают на настоящих строительствах. Неужели же семь человек не сумеют сделать оконную раму?.. Теперь дальше...

И Оська перебрал все виды строительных работ, доказывая, что, дружно взявшись, мы закончим ремонт к 1 сентября, несмотря на то что многие ребята часть времени будут работать в колхозе.

— Вот. Я все сказал. Кто желает выступить?

Сначала никто не выступал, а все кричали, каждый свое. Но вот со своего места поднялась Галина. Шум утих.

— Я желаю выступить!

— Пожалуйста.

— Ты говоришь, наших ребят двести человек. Ничего не двести! Как раз самых ценных, старших ребят нет. Одни уехали в ремесленное училище, другие работают во всяких мастерских и МТС. Что ж, ты попросишь их помогать нам, когда у них и без того дела довольноно?

— Вовсе нет. И не подумаю.

— Ну то-то! А те, кто свободен сейчас, мало что смыслят в строительстве.

— Научатся, — сказал Оська.

— Кто их научит?

— Яша научит. Он все умеет делать. Он будет у нас главным инженером.

— Яша сам собирался поступить на работу.

— А теперь не поступит.

— Как хотите! Я только думаю, что с такими работниками ничего у нас не выйдет.

— Значит, у тебя тоже ничего не выйдет?

— Я о себе не говорю.

— А что ж ты думаешь, другие глупее тебя?

Ребята засмеялись.

— Садись! — сказал Яков.

Галина села.

— Кто еще просит слова?

Теперь поднялся сын зубного врача Олег Лакмусов, очень аккуратный, чистенький мальчик. Вежливо улыбаясь, он сказал:

— Меня очень интересует: почему это Осип Димин, чтоб созвать такое важное собрание, не просто известил всех ребят, а стал подкидывать какие-то таинственные записочки?

— Неужели не ясно? — спросил Оська. — Если бы я просто объявил, что созывается собрание, часть ребят не явилась бы. Какие-нибудь дела помешали. А тут я уж твердо знал, что каждый придет. Но все это к делу не относится.

— Очень извиняюсь. Теперь, значит, позвольте перейти к делу. Вот, например, Ося Димин сказал, что нужно там возвести крышу, настелить полы и все такое... А позвольте вам задать один интересный вопрос: откуда, например, Осип Димин достанет доски и гвозди, когда сейчас и настоящим строителям трудно их достать?

Он замолчал и, потирая руки, смотрел на Оську.

— Хорошо. Я тебе отвечу, — сказал тот. — Яков, посвети!

Но Яков не успел взяться за свою машину: на ноги вскочил Тимофей, запрыгал на месте, размахивая руками:

— Нет! Оська, погоди! Дай я ему отвечу!.. Вот именно, настоящие строители не будут искать по всему городу доски, а мы можем! Если каждый найдет три доски, вот тебе и шестьсот штук. А гвозди! С каждого по десятку — вот тебе две тысячи. У дяди Гриши весь сарай вот такими гвоздищами сзади утыкан. А под мостом, у Ивановой горы, я сам видел: две доски валяются, и никто их не берет.

— Ясно? — спросил Яша Олега.

— Очень даже ясно. Но позвольте мне задать еще один интересный вопрос: где достать бревна, чтоб сделать балки? Они тоже повсюду валяются?

— А вот где... — начал было Оська.

Но Тимоша опять прервал его:

— Оська, погоди! Знаете где? За девятнадцать километров вверх по реке есть завалы в лесу против танков. Здоро-

венные сосны спилены. Обрубить ветки, связать плоты и пригнать по реке.

— Ясно? — опять спросил Яша.

— Ясно. Но вот какой тут есть вопрос...

— Хватит тебе! — сказал кто-то из ребят.

Но Олег только взглянул на него и продолжал улыбаться:

— Вот какой тут есть один вопрос: где взять, например, кровельное железо для крыши?

— Собрать мешки, просмолить их — вот тебе и крыша. Зиму продержится, — сказал Яков.

— Очень даже интересно! Я что-то не слышал, чтоб крыши крылись мешками. И потом: откуда взять столько мешков?

Тут даже Галина не выдержала:

— Поехал: «откуда, откуда!».. Говорят тебе, каждый из ребят принесет!

— Прекрасно! Теперь такой вопрос...

У Оськи лопнуло терпение. Он спустился на две ступеньки ниже:

— Хочешь, я тебе сразу отвечу на все вопросы? Если бы все сидели да вроде тебя рассуждали, почему то невозможно да другое невозможно, то все оказалось бы невозможным. И не было бы в мире ни радио, ни самолетов. А вот для настоящих людей только то интересно, что сначала кажется невозможным!

Все закричали: «Правильно!», «Верно!» и захлопали в ладоши.

У меня у самого было сначала много возражений против Оськиного плана. Но когда я услышал, как Олег задает свои глупые вопросы, я решил: «Нужно хоть на части разорваться, хоть весь город вверх дном поставить, а школу отстроить!»

Пока я думал об этом, все кругом говорили, какая это будет честь и слава, если мы сами восстановим школу. А четырехклассница Нюся Ракушкина пицала, вертясь во все стороны:

— Ой, ребята! Знаете что? Фашисты сейчас отступают, отступают и думают: «Ага, а мы их школу сожгли, все-таки сожгли!» А глядь, она к осени опять как новенькая!.. А еще знаете чего? Мы все лето будем строить, строить и научимся. А в следующее лето мы сможем тогда надстроить второй этаж. Правда, девочки?

Некоторые согласились с ней и заговорили даже, что года через два можно будет выстроить еще и столярную мастерскую и маленький стадион с бассейном для плавания, но Оська сказал, что не нужно заглядывать так далеко.

По его предложению, мы тут же выбрали Комитет восстановления школы (КВШ), состоящий из пяти человек. Председателем, конечно, стал Оська, а членами — Галина, Яков, Тимоша и я. Галину сделали завхозом, Яшку — главным инженером, меня — секретарем, а Тимошу — заведующим отделом снабжения, потому что он лучше всех знает, где что в городе найти.

На этом собрание кончилось. Все толпой стали спускаться с холма. Идя рядом со мной, Оська тронул меня за руку:

— Я сегодня не выспался. Боюсь завтра проспать. Ты стукни мне в окно часиков в восемь.

— Есть стукнуть в окно!

— Мы знаешь что завтра сделаем? Пойдем к секретарю райкома комсомола.

Я опешил:

— Постой! А зачем нам идти в райком?

Оська пожал плечами:

— Странно ты рассуждаешь, Николай! Нужно действовать по всем правилам. Мы пойдем и скажем: «Так и так: учащиеся школы-семилетки проявили инициативу и сами ремонтируют школу. Просим помочь нам достать стройматериалы и инструменты.

— Шуганет нас секретарь из своего кабинета — и всё.

— Челуха! Мы не проходимцы какие-нибудь, а общественная организация.

— Ладно, пойдем! Попытка — не пытка, а спрос — не беда...

Я поздно вернулся домой. Двери и окна уже были закрыты. Пришлось стучать. Мама, держа керосиновую лампу, открыла мне дверь:

— Где ты пропадал? Час ночи уже!

— Пропадал по очень важному делу, мамочка, — ответил я торжественно. — Мы знаешь какое дело задумали!..

— Ложись спать, — сказала мама. — Вот напишу отцу на фронт, что бегаешь по ночам!

Глава III

ПОСЕЩАЕМ РАЙКОМ

Утром, как только мама ушла на работу, я надел свой самый лучший костюм и отправился будить Оську.

Подойдя к одноэтажному кирпичному домику, я вспомнил, что Оська до эвакуации спал в угловой комнате, и постучал в крайнее окно. Председатель КВШ не появлялся. Я постучал громче. Опять никакого ответа. Став ногами на выступ в стене и заглянув в окно, я увидел в конце комнаты кровать, а на ней — Оську, закрывшегося с головой одеялом. Громко звать его мне не хотелось: было еще довольно рано, и в доме, как видно, все спали. Поэтому я отворил незапертое окно, перелез через подоконник и подошел к кровати:

— Ося! Ось! Вставай!

Председатель не двинулся. Я нагнулся и потряс его за плечо:

— Оська, слышишь? Довольно спать. Подымайся!

Я затряс было его снова, но тут же отдернул руку. Только теперь я заметил, что «Оська», спавший под одеялом, раза в полтора длиннее нашего председателя. Мне стало не по себе... Я оглянулся, заметил на стуле рядом с кроватью пепельницу и пачку папирос и окончательно убедился, что передо мной не Оська. Еле двигая ослабевшими ногами, я осторожно шагнул

к двери, остановился, шагнул еще раз... Поздно! Одеяло зашевелилось, откинулось, и худощавый пожилой человек сел на кровати.

— М-да! Что? — сказал он спросонок, глядя куда-то в угол. Потом медленно всем туловищем повернулся и уставился на меня.

У него были серые усы, густые растрепанные брови и почти лысая голова. Он смотрел на меня так долго, что я наконец собрался с духом и залопотал:

— Простите, товарищ... очень извиняюсь! Я думал, что здесь Ося... Здесь жил такой мальчик Ося, так я думал...

Лицо человека стало краснеть и глаза сделались очень сердитыми. Я ждал, что он закричит, но он сдержался и только негромко пробасил:

— Гм! Однако... Это, знаете ли, безобразие!

На веранде, куда я выскочил не помня себя, стояли Оська и его мама — низенькая полная женщина в кожаном пальто. Роясь в портфеле, она давала какие-то наставления Оське.

— О-о! — протянула она, увидев меня. — Если не ошибаюсь, это Николай. Ну-ка, ну-ка, дай на тебя посмотреть! — Она взяла меня за голову и повернула лицом к свету. — Молодец! Вытянулся, возмужал. Ну, здравствуй. Что ты делал в такую рань у соседа? Как мама? Здорова?

— Здравствуйте, Анна Федоровна!.. Так... заходил... По делу заходил...

— И загореть даже успел... По какому же это делу? Товарищ, говорят, третьего дня приехал. С нашим же поездом.

— Так... Есть одно дело такое... обыкновенное, знаете, дело.

Я чувствовал, что мелю чепуху. Оська внимательно поглядывал на меня, понимая, что здесь что-то неладно. Наконец Анна Федоровна ушла, попросив передать моей маме, что зайдет к нам сегодня вечером.

Оська провел меня в свою комнату (конечно, он жил теперь не в угловой).

— Ну, выкладывай, что случилось.

Я рассказал свое приключение. Выслушав меня, председатель заложил руки назад и заходил по комнате:

— Неприятно! Ты и не знаешь, как это неприятно, — сказал он.

— А что?

— А то, что я имел на этого человека виды.

— Виды?

— Ага! Хотел привлечь его к строительству. Он инженер.

— Ну и привлекай себе! Если хочешь, я еще раз извинюсь. Только я не знаю, как ты его привлечешь.

— Вот в том-то и дело, что это вообще очень неприятный тип. Тетя Маша еще настроила его против меня, а тут и ты добавил...

Я спросил, как тетя Маша могла настроить инженера против Оськи и почему инженер неприятный тип.

— Бука он какой-то... Он приехал в тот же день, что и мы, а сюда пришел первым. Ему временно одну нашу комнату дали. Поставил чемодан в коридоре и спрашивает: «Детей нет?» А тетя Маша ему говорит: «Нет. Сейчас тихо. Правда, скоро вернется сестра с сыном. Это, я вам доложу, мальчишка! Круглые сутки в доме дым жоромыслом». А мы с мамой тут как тут.

— А он что?

— Ничего. Сердито посмотрел и ушел в свою комнату...

Оська оделся, так же как и я, во все лучшее, и мы отправились в райком.

Было девять часов утра. Пригревало солнце. По мостовой катились грузовики и подводы с кирпичами, досками, рельсами... Здесь разбирали развалины дома, тут штукатурили стену, там рыли новый колодец. К телеграфным столбам, как дытлы к стволам деревьев, прицепились монтеры. По крыше бани ползали рабочие, грохоча молотками по железным листам.

И, шагая по этим весенним улицам, мы с Оськой увидели,

что не только ребята, бывшие вчера на собрании, но и многие другие уже знают о нашем строительстве и трудятся во-всю.

Из одного двора выбежал маленький мальчик и засеменил рядом с нами:

— Ося, гляди, сколько гвоздей достал! На!

И, разжав грязный кулак, он протянул четыре гвоздя.

— Молодец! — сказал Оська. — Неси еще.

То и дело мы встречали мальчиков и девочек, вооруженных лопатами и топорами.

— Оська! Ты куда? Мы уже идем на строительство.

— Идите. Я скоро вернусь. Мне нужно поговорить с секретарем райкома.

Оська говорил это таким тоном, словно он раз по десять в день беседовал с секретарем. Ребята останавливались на тротуаре и долго смотрели нам вслед.

Свернув в один из тихих переулков на нашей окраине, мы увидели Андрея. Он стоял, словно вросший в землю, и пристально смотрел на большого щенка, бегавшего по улице шагах в десяти от него.

— Здравствуй! — сказал Оська. — Что ты на него уставился?

— Тш-ш... — прошипел Андрей.

Оська понизил голос:

— Да в чем дело? Это твоя собака?

— В том-то и дело, что нет. Я, понимаешь, уже давно ищущую настоящую овчарку. Хочу выдрессировать и послать отцу на фронт. У меня и книжка есть про служебное собаководство, и ошейник, и свисток... А собаку ищущую, ищущую, и всё дворняги попадаются.

— А эта, думаешь, овчарка? — спросил Оська.

— Да вот в том-то и дело, что очень похожа на овчарку!

Я сказал, что едва ли овчарка будет бегать без присмотра на улице, а если и бегаёт, то у неё есть хозяин, который, наверное, где-нибудь недалеко. Оська внимательно разглядывал щенка.

— Положим, ты чепуху говоришь, — сказал он медленно. — В военное время не то что собаки, но и дети теряются. А это было бы здорово: выдрессировать — и на фронт!

— Тш-ш... — опять прошипел Андрей. — Ищет что-то.

Мы замолчали и стали наблюдать за щенком. Он повертелся некоторое время на месте, что-то вынюхивая, потом затрусил рысцей прямо по дороге.

— На след напал!

— Ага!

Мы, стараясь не шуметь, пустились за собакой. Пробежав немного прямо, щенок свернул в маленький проулок между деревянными домами. Там расхаживала серая курица. Пес остановился, удовлетворенно повилял хвостом и вдруг бросился на курицу, вытянувшись в стрелу. Та заметалась, отчаянно кудахтая. На крыльцо выскочила хозяйка:

— Пошел, проклятый!

В воздухе мелькнуло полено. Курица взлетела на крыльцо, а щенок как ни в чем не бывало выбежал из проулка и уселся среди дороги отдыхать.

Мы подошли к нему поближе, присели на корточки.

— Понимаете, какой у него нюх! — тихо говорил Андрияша. — По дороге, может быть, час назад прошла курица, а он ее выследил и нашел.

— Д-да. Похоже, что овчарка, — медленно сказал Ося. — Посмотри, как у него уши стоят!

Мы с Андреем кивнули.

Правда, стояло у щенка только одно ухо. Другое висело, так же как и высунутый на сторону язык. Вообще у пса был такой вид, будто он подмигивает нам.

Андрей протянул руку с пальцами, сложенными щепоточкой, и ласково-ласково запел:

— Песик, песик, иди сюда! Песик! На-на-на!..

Щенок встал, завилял хвостом, подошел к нам и лег на спину. Андрей погладил его по животу. Пес даже глаза закрыл от удовольствия.

— Как ты его назовешь? — спросил я.

— Не знаю еще. Может, Пират...

— Не годится, — сказал Оська. — В нашем городе каждую третью собаку Пиратом зовут. Уж лучше Корсар!

— Что ж, пожалуй, можно и Корсар. Знаете что? Я сейчас отведу его домой, а потом приду на строительство. Идет? Андрей вынул из кармана веревку, повязал ее на шею щенку и поднялся:

— Ну, Корсар, пойдём!

Я думал, что Корсар начнет вырываться, почувствовав веревку. Ничего подобного! Пока Андрюшка не скрылся за углом, мы видели, как пес весело бежит рядом с ним, теребя его за штанину или норовя схватить за рукав...

Мы пришли к двухэтажному зданию райкома партии. Здесь у подъезда стояли брички, подводы и старый «газик». В двери все время входили и выходили озабоченные люди.

Райком ВЛКСМ помещался на втором этаже. Несколько минут мы блуждали в полутемных коридорах. Оська присмирел. Он подолгу молча рассматривал таблички на дверях и старательно извинялся, когда на него кто-нибудь натыкался. Наконец, подойдя к одной из дверей, он сказал тихонько:

— Вот.

Я увидел дощечку с надписью: «Первый секретарь райкома Савченко», а пониже висела другая дощечка: «Второй секретарь райкома Белов».

Мы не сразу вошли. Сначала мы направились к большому зеркалу в глубине коридора. Оська достал расческу и зачем-то провел ею по стриженным под машинку волосам. Я оправил красный галстук. После этого мы вернулись к двери и, открыв ее, вошли в маленькую комнату, смежную с кабинетами секретарей.

У окна стучала на машинке девушка в розовой блузке. Рядом с дверью сидели на диване старичок с портфелем, молодая колхозница в шерстяном жакете и лейтенант с рукой на перевязи.

— Вам кого? — спросила девушка, не отрываясь от машинки.

Оська покашлял, немного наклонился вперед и сдавленным голосом спросил:

— Простите, можно видеть товарища секретаря райкома?

— По какому вопросу? — спросила девушка, продолжая печатать.

— По вопросу... Мы по вопросу... Мы от Комитета по восстановлению школы.

— От кого?

— От Комитета по восстановлению школы.

— Товарищ Савченко уехал в район, а товарищ Белов скоро будет.

Мы оба сказали «спасибо» и остались стоять у двери, потому что места на диванчике не было. Старичок, колхозница и лейтенант, чуть улыбаясь, смотрели на нас. От смущения я притворился, что разглядываю плакат на стене. Оська вынул из своей сумки блокнот и принялся чиркать в нем карандашом с видом очень занятого человека.

Почиркав немного, Оська задумался и минуты две покусывал кончик карандаша, уже ни на кого не обращая внимания. Вдруг он быстро взглянул на меня и вышел из комнаты. Я отправился за ним. В коридоре председатель сказал:

— Давай пока обсудим, с чего мы начнем разговор.

— С Беловым-то? Да ведь ты вчера уже придумал: «Так, мол, и так: учащиеся школы-семилетки проявили инициативу...»

— Инициативу-то инициативу... Только помнишь, ты вчера сказал: «Шуганет нас секретарь из своего кабинета...»

— Ну и что?

— Ну и вот! Я сейчас подумал над этими твоими словами, и теперь мне кажется, что, может быть, ты и прав, может быть и шуганет...

Мы вышли из коридора и остановились на крыльце, горя-

чем от солнца. Оська взял меня за кончик красного галстука и снова заговорил:

— Понимаешь... Представь себе, например, такую вещь. Какие-нибудь ребята задумали строить планер, а другие хотят отремонтировать дорогу, а третьи — еще какое-нибудь полезное дело делать. Что ж, райком должен им всем помогать? Вовсе нет! Их сначала спросят: «А вы умеете работать? А что вы уже сделали? Как вы проявили себя?..» Мы вот пришли помощи просить, а работать еще и не начинали. Почему Белов нам должен поверить?

— То-то и оно! — сказал я. — Давай-ка пойдем отсюда.

Оська покачал головой:

— Уходить тоже не надо. Что же это получится? Пионеры школу восстанавливают, а райком ничего не знает. Сейчас мы просто сообщим товарищу Белову, что восстанавливаем школу, а когда он увидит, что мы не в игрушки играем, он нам сам поможет.

Пока мы с Оськой разговаривали, к крыльцу подкатил мотоцикл с коляской. Из коляски вышел смуглый черноволосый человек. Он был одет в военную гимнастерку с орденами на груди и в черные брюки навыпуск. Когда он поднимался на крыльцо, сильно хромя и опираясь на палку, мотоциклист окликнул его:

— Значит, к пяти ноль-ноль, товарищ Белов?

— Он! Поправь галстук! — шепнул мне Оська и сделал шаг навстречу секретарю. — Здравствуйте, товарищ Белов!

Я тоже сказал «здравствуйте».

— Привет, ребята! — ответил секретарь райкома и остановился, глядя на нас и чуть-чуть улыбаясь. — Что скажете?

Оська начал было что-то говорить, но в этот момент на противоположной стороне улицы послышались громкие крики. Товарищ Белов оглянулся. Мы с Оськой тоже оглянулись, да так и обмерли.

Из ворот напротив райкома выбежал наш «отдел снабжения» — Тимошка, волоча большую доску. За ним бежала

пожилая женщина, подвязанная передником, а за ней — высокий гражданин. Оба ухватили Тимошку за руки, тот уронил доску и начал вырываться.

— Ах ты, глаза твои бесстыжие! — кричала женщина. — Я тебе покажу, как воровать!

— От горшка два вершка, а уже знает, где что плохо лежит! — говорил гражданин. — Нет, от меня, брат, не уйдешь!

— В чем дело? — спросил Белов.

— «В чем дело!» — закричала женщина. — Пошла корыто вынести, гляжу, а он доску от забора оторвал и уже тащит!

— Вовсе не оторвал! На одном гвозде висела! — кричал Тимоша, стараясь вырваться.

— Нечего оправдываться! «На одном гвозде!» Пойдем в милицию. Там тебе покажут «на одном гвозде»!

Они поволокли завснаба, а он, упираясь, сел на землю и завопил:

— Никуда я не пойду! Что я, для себя, что ли?! Я для общественного дела!.. Никуда не пойду!

Тут он увидел нас и очень обрадовался:

— Вот, вот! Смотрите! Вот наш председатель!.. Никуда не пойду! Спросите их, они скажут! Я для общественного дела... Оська! Колька! Скажите им!

Все уставились на нас.

— В чем тут дело? — спросил товарищ Белов, нахмутив брови. — Чей это мальчик?

— Это... — забормотал Оська, — это наш... Это, вообще, Тимофей Садиков...

— Я не спрашиваю, как его зовут. Я спрашиваю, почему он занимается такими делами?

Оська то быстро взглядывал на Тимошку, то опускал голову и смотрел себе на ботинки. Уши у него были темнокрасные, да и у меня они, наверное, были такие же. Они так горели, словно их намазали иодом.

— Он... он, вообще, наш завснаб, — промямлил Оська, — но мы...

— Кто?

— Завснаб... Заведующий отделом снабжения... Но мы совсем не просили его...

— Ничего не понимаю, — сказал секретарь. — Какой заведующий отделом снабжения? Чего?

Оська молчал. Я тоже молчал.

Сидя на земле, Тимошка в голос заплакал, размазывая слезы грязными кулаками.

— Ишь... нашкодил, а теперь ревет! — усмехнулась женщина и отпустила Тимошкину руку.

— «Нашкодил»!.. Я для себя, что ли? — запричитал Тимошка. — Если бы для себя, я разве бы взял!.. Мы школу ремонтируем и нам стройматериалы нужны... «Нашкодил»!

Товарищ Белов оперся обеими руками о балюстраду крыльца и сказал Тимошке, отчеканивая каждое слово:

— Знаешь что, друг любезный... Если вы так собираетесь работать, так лучше не ремонтируйте школу. Без вас обойдемся! Материалами для ремонта школа обеспечена полностью, я сам это еще вчера проверял. И если я услышу, что кто-нибудь из вас занимается подобными делами, то попрошу вашего директора принять меры. Нам такие помощники не нужны!

Товарищ Белов повернулся и ушел в райком. Женщина подняла завснаба с мостовой, слегка шлепнула его и уже совсем добродушно сказала:

— Иди! К мамке беги. Да скажи, чтобы она тебя за уши оттрепала. Снабженец!

Мы все трое отправились в школу. Настроение у всех было, конечно, очень скверное. Оська сердито стучал себя пальцем по лбу:

— Остолоп! На все дело пятно наложил! Как мы теперь в райком покажемся? С нами там и разговаривать не пожелают. Скажут: хороши восстановители! Одно чинят, другое разрушают. Понимаешь, что ты наделал?

Тимошка молчал и вздыхал.

— Ося! — вдруг сказал он.

— Что?

— А ведь нам ничего не будет. Слышал, как товарищ Белов сказал: «Материалами школа обеспечена. Сообщу вашему директору»?.. А у нас директора нет. Значит, он на десятилетку подумал. Вот им и попадет.

— Очень мило! Нашел чем утешить! Выходит, мы не только воруем, но еще и на невинных людей все сваливаем.

Я предложил вернуться и объяснить секретарю, что мы не десятилетку восстанавливаем, а семилетку. Но Оська сказал, что после такого конфуза у него язык не повернется с ним говорить.

— Придется теперь самим все материалы добыть. Хоть лопнуть, а добыть! — сказал он.

Глава IV

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЧАЛОСЬ

История с Тимошкой испортила нам настроение. Но уже на Осетровой слободке Оська повеселел:

— Смотрите, ребята! Нет, вы только посмотрите! — воскликнул он, остановившись и протянув руку в сторону холма. — Видел когда-нибудь наш город такую картину? А? Видел?

Мы тоже остановились, и Тимошка даже захохотал от восхищения.

Вся площадка на холме была усеяна множеством ребят. Они сновали туда и сюда, вбегали в двери школы, влезали в окна и выскакивали оттуда, таскали какие-то предметы. Голоса их доносились даже сюда, на Осетровую слободку, и легко можно было представить себе, какой стоял там шум.

Мы добежали до холма, бегом поднялись на вершину и... остановились в изумлении.

Со всех сторон нас окружили ребята. Все они были

вооружены захваченными из дому носилками, лопатами, ломами, а то и просто дощечками и палками. И все были совершенно черные, от пяток до макушек.

Мы долго смотрели на них, вытаращив глаза.

— В чем дело? Почему вы так закоптились? — отрывисто спросил Оська.

Вразвалку подошел Яша. Лицо его, майка, голые плечи и руки были одного цвета: черного.

— Территорию от мусора очищаем, — сказал он и добавил озабоченно: — Носилок вот нехватает!

Оказывается, строители, по его указанию, выгребали из школы сор, в котором было много пыли и сажи.

Мы успокоились.

Тимошка отобрал себе команду в пятнадцать человек и убежал с ней искать по городу материалы, предварительно дав Оське слово, что будет действовать честно. Остальные ребята снова рассыпались по всему холму.

Оська сказал мне:

— Ну что ж, пойдем и мы работать!

— А как же наши новые костюмы? Нужно сбегать переодеться.

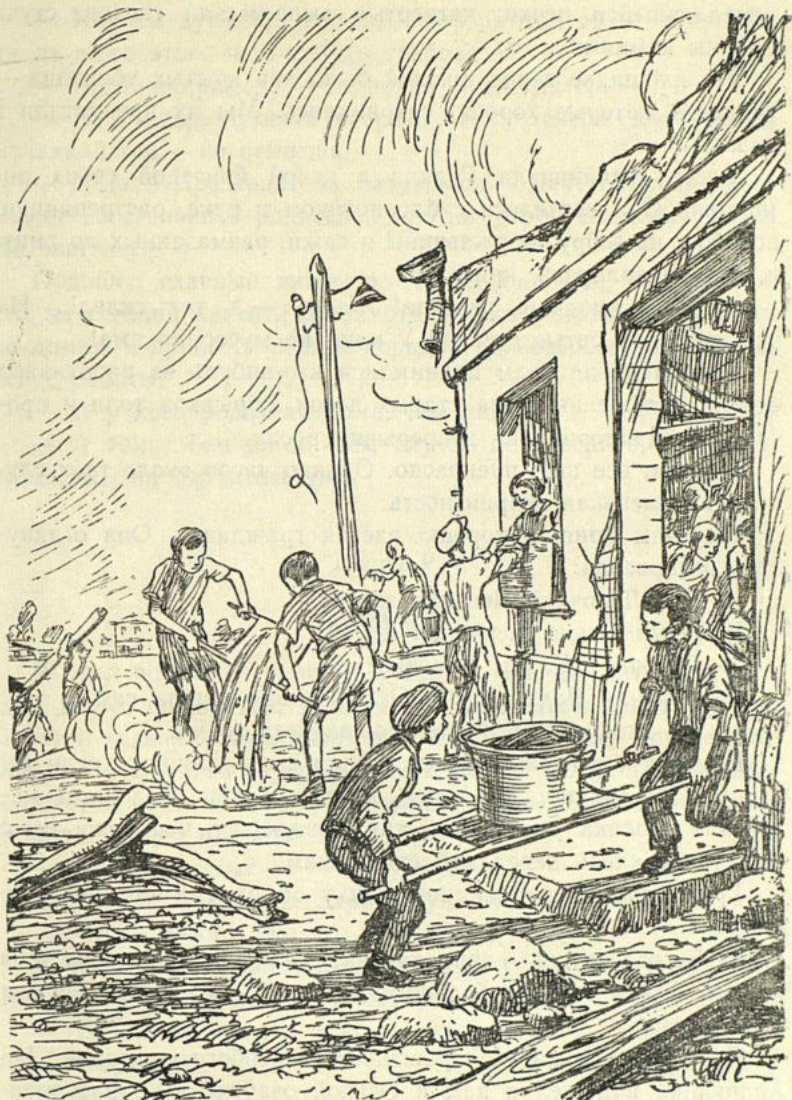
— Некогда бегать! Мы члены комитета и должны показывать пример. Снимем рубашки и положим в сторонку.

Делать нечего. Вскоре мы с Оськой уже ковыряли двумя фанерками золу, накладывая ее на носилки. Еще через две минуты мы были такие же черные, как и другие строители.

Я до сих пор жалею, что у меня не было в этот день фотоаппарата, чтобы заснять нашу работу и послать снимок в «Пионерскую правду».

Более семи десятков закопченных ребят бегали, копали, долбили, скребли. Одни, завывая, как сирена пожарных автомобилей, мчались с носилками и, добежав до воронки от тяжелого снаряда, сбрасывали в нее мусор; другие под команду «Раз, два — взяли!» выдергивали из-под хлама ржавые куски железа; третьи семенили, прижав к груди кирпичи от

развалившейся печки; четвертые выпрямляли гвозди, стуча по ним камнями...

На площадке перед школой было два крытых убежища — траншеи, которые хорошо сохранились. Мы их превратили в склады.

Здесь хозяйничала Галина с целой бригадой своих помощниц. Она вертелась с блокнотиком в руке, растрепанная, похожая на зебру от ржавчины и сажи, размазанных по лицу, и, сильно волнуясь, кричала:

— Куда кладешь, растяпа! Железо — в тот склад!.. На что мне твои битые стекла? У меня не мусорная яма!

То и дело на холм поднимался кто-нибудь из работников отдела снабжения. Гора старых досок, обрывков толя и прочих «стройматериалов» непрерывно росла.

Словом, все шло прекрасно. Однако часов около трех случилась маленькая неприятность.

На холм пришла хорошо одетая гражданка. Она оглянулась и спросила:

— Где Леночка? Леночка здесь?

Чумазый Оська подбежал к ней:

— Леночка? Какая Леночка?

— Леночка Радзиевская. Она недавно пошла сюда.

— Не знаю. Посмотрите, пожалуйста, сами.

Никогда бы гражданка не нашла свою Леночку, если бы та сама не запищала: «Мама, я здесь!» Как назло, эта маленькая девочка умудрилась так вывозиться, что даже мы с Оськой казались перед ней снежинками.

Гражданка схватила свою дочку за руку и потащила ее с холма.

— Бессовестная! — кричала она. — Ведь только вчера тебя мыла!.. А вам стыдно, большим детям, учить ребенка всяким глупостям!

Я не обратил на это происшествие особого внимания. Но Андрюшка подошел к нам с Оськой озабоченный, насупленный.

— Как вы думаете, ребята, — забормотал он, — не выйдет ли из всего этого чего-нибудь такого? А?

— Чего, например? — не понял председатель.

— Ну... неприятностей всяких... Нас теперь две недели мочалкой три — не отмоешь.

— Д-да! — Председатель задумался. — Действительно... Это может восстановить родителей против строительства... Яков! На минутку!

Подошел главный инженер. Посовещавшись, мы решили, что на сегодня хватит. Оська отдал распоряжение всем итти по домам и привести себя в порядок до возвращения родителей с работы.

— А у кого родители дома, тем как?

— А тем... Тем ни в коем случае не говорить, что перепачкались на строительстве!

Глава V

С МАМОЙ

Я брел по нашей улице и думал о том, как бы выстирать свои новые брюки так, чтобы они опять стали светлосерыми. Вдруг я услышал знакомые шаги. Это шла мама, забежавшая домой в обеденный перерыв. Свернуть в сторону было поздно. Я опустил глаза и попытался пройти мимо, надеясь, что мама не узнает меня в таком виде.

— Коля, это ты?

— А?.. Я, мамочка... Здравствуй, мамочка!

— Что с тобой? Что это за вид?

Я только вздохнул. Мама стояла, сунув руки в карманы распахнутого макинтоша, и смотрела мне на ноги.

— Новые брюки... — сказала она медленно. — Где же ты это постарался?

Я молчал.

— Я тебя спрашиваю, Николай!

Я поднял глаза, выпрямился и сказал негромко, но как можно тверже:

— Мамочка, ни о чем меня не спрашивай! Потому что врать я тебе не хочу, а правду сказать не могу. Это чужая тайна.

Мама долго смотрела на меня.

— Так, так!.. Ну, спасибо тебе... Суп — на плите, каша — в шкафу.

Больше она ничего не сказала и ушла.

Я знал, каких трудов стоило маме купить эти брюки в тяжелое военное время. Придя домой, я несколько часов подряд мылил брюки, тер их о стиральную доску, пока не протер две дыры. Их мама тоже заметила, вернувшись вечером с работы.

Считается, что бить детей некультурно. А всякий мальчишка знает: лучше, чтоб тебя выдрали за провинность, как сидорову козу, чем если тебя не бранят, не наказывают, а только молчат.

Чего я только не переделал, после того как убрал корыто и вытер лужу на полу! Начистил картошки для ужина, заправил и зажег керосиновую лампу, наколот дров на целую неделю... Мама продолжала молчать. Я принялся чистить кастрюли, ножи, вилки, навел на них блеск, какого они и в магазине не имели.

Мама штопала чулок с таким видом, словно я на свет не рождался. Лишь когда закипела вода в чайнике и сварилась картошка, она сказала два слова:

— Иди ужинать.

Это был не ужин, а одно мучение. Мама сидела напротив меня с усталым, грустным лицом, подперев голову рукой. Тонкая прядка волос отделилась от ее прически и повисла над тарелкой.

И вдруг я чуть не подавился картошкой: за окном раздался свист. Свистели так, словно подзывали собаку. А мы с ребятами только сегодня уговорились: для того чтобы срочно

вызвать кого-нибудь из дому, нужно посвистеть и закричать «Бобик, Бобик!»

Мама подняла от тарелки глаза и наконец проговорила: — Да, Николай!.. Не знала я, что у меня такой сын.

— Бобик, Бобик, Бобик! — закричал на улице голос, похожий на Тимошкин.

— И тебе не стыдно, Николай?.. Не ерзай на стуле!.. Тебе не стыдно вести себя, как трехлетний ребенок?

— Я нечаянно, мамочка... — пробормотал я.

— Бобик, Бобик, Бобик, Бобик! — надсаживался за окном Тимофей.

— Прожуй сначала, потом говори... Отец, уезжая на фронт, думал, что ты будешь помощником для своей матери, ее опорой. А ты все, решительно все делаешь для того, чтобы ее огорчить!

Теперь уж мне стало обидно. Я всегда помогал маме по хозяйству, хорошо учился. Я выпрямился на стуле и сказал:

— Если бы ты знала, мамочка, где и почему я испортил брюки, ты бы не стала так говорить!

— По-твоему, портить брюки ради глупой игры — это...

Я еще больше обиделся:

— Глупая игра, да? Это глупая игра, да? А ты знаешь, что мы там делаем, знаешь?

— Еще не имела удовольствия узнать. Что же именно?

— Школу восстанавливаем! — сказал я громко, в упор глядя на маму. — Сами! Собственными силами!

Мама перестала есть, положила вилку на тарелку и уставилась на меня.

— Что? — спросила она тихо. Вся строгость ее куда-то исчезла. У нее был такой вид, словно она вот-вот расхохочется.

— Смейся, пожалуйста, смейся! Посмотрим, что ты в сентябре скажешь.

Мама низко наклонилась над тарелкой и стала очень быстро есть картошку.

— Я... я и не думаю смеяться, — пробормотала она запинаясь. — Кто же это придумал — самим восстанавливать школу? Должно быть, Ося Димин? Говорят, он приехал.

— Оська Димин. А мы все подхватили его призыв.

С минуту мама молчала, глядя в тарелку и покусывая губы. Потом она не выдержала, подняла голову и засмеялась так, что глаза ее заблестели от слез, а щеки порозовели.

— Как же вы ее восстанавливаете? — спросила она наконец.

— Зачем я тебе буду рассказывать? Я и так уговор нарушил, что тебе сказал, а ты еще смеешься!

— Глупый ты! Я же не над вами смеюсь. Просто, очень уж это неожиданно. Ну, как же вы восстанавливаете?

Я молчал. Я очень злился на себя за то, что проболтался. Я был уверен, что мама отнесется к нашему делу, как к самой пустой затее.

— Ну! — сказала мама и сделала серьезное лицо. — Я ведь все-таки член школьного совета, Николай. Могу я узнать, что делается в нашей школе?

— Бобик, Бобик, Бобик! — снова послышалось за окном.

— Это, наверное, тебя кто-нибудь из ваших конспираторов зовет, — сказала мама. — Выйди к ним и предупреди, что ты будешь сидеть дома, пока не расскажешь.

Я пошел в переднюю и открыл дверь.

— Чего ты так долго не открываешь! — набросился на меня Тимошка. — Приказ: явиться через час на строительство. Страшно важное дело! Ужасно важное дело!

— Какое дело? Говори толком, — сказал я.

Но Тимошка уже мчался прочь от нашего дома.

Я вернулся в комнату. Мама разлила чай, мелко-мелко наколола щипцами два кусочка сахара и положила их на блюдечки от варенья.

— Ну, рассказывай, довольно скрывать! — проговорила она уже совершенно серьезно. — Уж не такие мы разные люди, что не сможем понять друг друга.

Я не стал больше запираяться. Я рассказал маме о вчерашнем собрании, и об организации КВШ, и о том, как мы сегодня работали. Мама слушала меня очень внимательно и уже не смеялась, а чуть-чуть только улыбалась. Она так заинтересовалась моим рассказом, что то и дело переспрашивала:

— Постой! Значит, Осип у вас председатель, а Яша кто?.. Главный инженер? Осуществляет техническое руководство, так?.. А Тимошка?.. Ах, да! Забыла! Завснаб... Ну, дальше!

Видя, что мама слушает так внимательно, я разошелся и рассказал даже о нашем посещении райкома и об истории с Тимошкой. Тут уж мама снова рассмеялась, но я не обиделся: теперь эта история мне самому казалась довольно смешной. Когда я кончил рассказывать, мама спросила:

— Ну, а Платон Иванович знает про все это?

— Нет. Не знает еще.

— Что же это вы? Кому-кому, а ему-то уж нужно было бы сообщить!

— Он гриппом болен и не пускает к себе ребят.

Мама приумолкла, глядя на меня, по привычке помешивая ложкой в стакане, хотя мы уже два года пили чай вприкуску. Губы ее улыбались, а глаза были задумчивые и очень ласковые.

— Ты папе напиши о вашем Ка-ве-ша. Пусть он знает, какие у нас в семье общественные деятели растут!

— Зачем я ему сейчас буду писать? Отстроим школу, тогда напишу.

— А ты уверен, что вы сможете построить?

— А ты не уверена?

— Честно тебе ответить? — спросила, в свою очередь, мама.

— Ну конечно, честно!

— Совсем не уверена. Наоборот, уверена, что вы не отремонтируете школу. По крайней мере, сами.

— Почему? Скажешь, потому, что мы маленькие!

— Да. И до сих пор еще никто не видел, чтобы дети сами восстанавливали здания.

— А теперь увидят! Теперь дети не то что раньше. Теперь дети сами танки строят! Ремесленники, например.

— Не сами, а под руководством взрослых — инженеров и техников и вместе со взрослыми квалифицированными рабочими.

— А мы все-таки восстановим! — сказал я.

Мама пожала плечами и усмехнулась:

— Ну что ж! Это будет большим открытием для человечества. Тысячи людей подолгу учились, чтобы стать каменщиками, плотниками и малярами, а тут окажется, что учиться вовсе и не нужно, что люди так сразу и родятся опытными специалистами-строителями. Знаешь, вроде бобров или муравьев.

У меня стало тяжело на душе. В самом деле, ведь не зря же люди учатся, чтобы овладеть специальностями! Я вспомнил, как мы спорили вчера с Олегом Лакмусовым: «Чем вы будете крышу крыть?» — «Соберем мешки, просмолим их — вот тебе и крыша!..» Ладно! Предположим, что и соберем и просмолим, но ведь до этого нужно еще стропила построить... Как их строить, чтобы они не завалились? Этого, пожалуй, и Яшка не знает. Предположим, что построим неправильно, перделаем, потом еще перделаем, пока не добьемся своего. А сколько лет уйдет на эти переделки?..

Мама протянула руку через стол и потрогала меня за подбородок.

— Загрустил? Огорчила я тебя? — сказала она ласково. — Так горячо взялись за дело, такую интересную организацию создали... а тут...

В этот момент в передней раздался звонок. Я пошел открыть. На крыльце стояла маленькая полная женщина в кожаном пальто.

— Здравствуй, строитель! Мама дома? — заговорила она. — Что же это ты здесь сидишь? У вас там какое-то экстренное

собрание или что-то вроде этого. Мой Осип уже час как убежал. Скоро, я так полагаю, вообще ночевать дома не будет. Этакую ответственность на плечи взвалил!

Анна Федоровна и мама очень дружили между собой и не виделись с отъезда в эвакуацию. Они крепко расцеловались, а потом минут пять шел обычный в таких случаях разговор: как доехала, да как устроилась, да что поделявают такие-то, да как жилось в эвакуации, да что пишут такие-то... Потом Анна Федоровна села на диван, закурила папироску и, кивнув на меня, сказала:

— Ну, а как тебе нравятся? Строители-то наши!.. Ты представляешь: прихожу я домой — бензином воняет, ну что твой гараж! Оказывается, это Осип брюки, видишь ли, чистит. Не только брюки испортил, но и весь бензин извел. Нечего в зажигалку налить.

Мама засмеялась и начала рассказывать о том, как мы спорили, возможно ли отремонтировать школу своими силами или нет.

Анна Федоровна сначала слушала очень внимательно, но вдруг перебила ее и обратилась ко мне:

— Ну, что ж ты дома сидишь? Люди ждут, наверное, его, а он и в ус не дует! Ты ведь этот... Как там твоя должность называется?.. Секретарь, ответственное лицо! — Все это Анна Федоровна проговорила шутливым тоном. Затем она помолчала и добавила уже совсем серьезно: — Ступай, ступай! Нам с мамой нужно кое о чем потолковать.

— О чем потолковать? О нашем КВШ? — спросил я.

— Ну да еще! Будем мы о всякой ерунде разговоры разговаривать!.. Ступай!

— Подожди! — сказала мама. — Идем сюда.

Я пошел за ней на кухню. Там она достала из чулана старые-престарые брюки, из которых я давно вырос, и такую же куртку.

— Вот тебе спецодежда. Изволь всякий раз надевать ее, когда идешь на ваше строительство. Если я хоть раз увижу,

что ты ходишь там в чем-нибудь другом, то больше ты туда и носа не покажешь!

Я кое-как влез в куцые и узенькие брючки, натянул на себя курточку, которая тут же треснула подмышками, простился с Анной Федоровной и вышел из дому.

Глава VI

ПО СЛЕДУ

Возле школы уже собрались все члены комитета, Андрей со своим Корсаром, Нюся Ракушкина и маленький Саша Ивушкин.

Все они стояли кучкой на дороге, уходящей вниз с холма. Галина крутила ручку Яшкиного прожектора, который жужжал, бросая светлое пятно на землю, а в этом пятне ползал на четвереньках завснаб.

— Во! Смотрите! — сказал он вдруг. — Вот след! Что я говорил! А?

Все, кроме Галины и меня, опустились на колени и приблизили носы к земле.

— Факт. Телега! — проворчал Яков.

— В чем дело? Что тут случилось? — спросил я, когда ребята поднялись.

— А то случилось, что у нас половину кирпичей украли!

— Как так «украли»? Когда?

Мне рассказали следующее: Тимошка забыл на строительстве топор и прибежал сюда за ним часов в восемь вечера. Топор он нашел, но зато увидел, что часть кирпичей, которые были собраны сегодня, исчезла. Когда Тимошка побежал с холма сзывать строителей, он наткнулся на лошадиную подкову. А сейчас, обследовав дорогу, ребята обнаружили следы колес.

— Вот мы и собираемся расследовать это дело и принять меры, — сказал Андрюшка.

Настроение у меня было довольно унылое. После разгово-

ра с мамой я вовсе не был уверен, что из нашей возни на развалинах выйдет что-нибудь путное. Поэтому я возразил:

— Расследовать — дело хорошее. Но почему именно сегодня? Ведь сейчас ночь.

Оська услышал это и подошел ко мне:

— Странно ты рассуждаешь, Николай! «Почему сегодня!» Всегда нужно искать воров по горячим следам.

— И из-за этого ночь не спать?

— Ну и что ж! Нас выбрали не для почета, а для руководства. Члены комитета всегда должны быть впереди.

— Хорошо тебе быть впереди: у твоей мамы легкий характер. А мне за это руководство так от мамы сегодня нагорело... По поводу брюк этих самых.

— Мне тоже нагорело, — сказал Оська.

— А другим... другим, думаешь, не нагорело? — вмешался Тимошка. — Знаешь какие я сегодня потрясения от дяди перенес за топор? А!..

— Ладно! Хватит! Но скажите мне: как вы думаете привлечь воров к ответственности?

Оська пожал плечами:

— Очень просто. Подадим в суд.

— Станет суд разбирать такое дело!

Тут на меня напустились и Тимошка, и Нюся, и Оська, и Андрей. Все они кричали, что, конечно, суд примет нашу сторону, потому что мы ремонтируем школу, а воры, наверное, утащили кирпичи «для каких-нибудь своих частных печек», и что нет таких законов, по которым у нас могли бы эти кирпичи взять, коли мы их своими руками собирали, и что если спускать вора таким штучкам, то скоро всю школу растащат.

— Хорошо. А как мы поймаем воров?

Оська помолчал, глядя себе на ботинки.

— Тут, понимаешь... дело довольно трудное. Пока что мы придумали только один способ. Понимаешь, Андрей предложил пустить по следам Корсара. Я, конечно, не уверен, но может быть, что-нибудь и выйдет.

— А я им полчаса твержу, что ничего не выйдет, — сказал Яша, до сих пор молчавший. — По-вашему, всякую собаку пусти — она вора из-под земли достанет!

— Зачем ты, Яша, так говоришь: «всякую»! — обиделся Андрей. — Хороша всякая! Почти совсем чистая овчарка.

— Ты знаешь, какой у него нюх? Знаешь? — закричал Тимошка. Он повернулся к Галине: — Знаешь? Вот они мне рассказывали: прошла по дороге курица...

Галка махнула рукой:

— Знаю! Сто раз слышала!

Мы заспорили было о том, сможет ли Корсар без предварительной дрессировки найти воров, но Оська сказал:

— Другого мы ничего не можем сейчас придумать. Значит, нужно использовать этот способ.

Постепенно подходили другие ребята, и вскоре вокруг нас уже стояло человек двадцать. Все они, как видно, уже знали о пропаже кирпичей и все с великим удовольствием собирались сидеть ночь в карауле и выслеживать воров. Каждый явился вооруженным: отовсюду торчали хворостины, плетки и палки от щеток. Одна девочка притащила даже санитарную сумку.

При виде такого войска я забыл про разговор с мамой и про то, что нужно возвращаться домой. Не то чтобы я поверил в таланты Корсара, а просто захотелось узнать, чем все это кончится.

Андрей стоял очень важный, хмурил брови, строго приговаривал:

— Корсар! Рядом! Рядом!..

Но Корсар не хотел выполнять команду и все обнюхивал ноги ребят и вилял хвостом или кружился вокруг нас. Андрюшка рассердился и принялся стегать его концом веревки:

— Лежать, Корсар! Лежать!..

Но пес и лежать не пожелал. Он стал бегать возле хозяина, пока не обмотал вокруг него веревку и чуть не удавился. Между тем завснад опять рассказывал кому-то из ребят:

— Понимаешь, прошла по дороге курица, и давно, наверное, прошла, а он...

Наконец Андриюшка заявил, что нужно поторапливаться.

Анатолий и Миша, взявшиеся сторожить на холме, стали было просить, чтобы им позволили сначала участвовать в поимке воров, а потом уже вернуться в школу. Но Оська сказал, что воры в любой момент могут появиться здесь:

— Вы поймите, какая на вас лежит ответственная и опасная задача! Их, может быть, целая шайка, а вас только двое.

Сторожа успокоились и согласились остаться.

— Ну-с, приступим? — сказал Оська, оглядывая ребят. — Андрей, с чего начинать?

— Ищейке нужно понюхать какую-нибудь вещь, которую оставили преступники. Есть такая вещь?

— Есть! Как же! Подкова! — закричал Тимошка. — Где та самая подкова?

Он принес подкову и дал ее Андриюшке. Тот присел на корточки и поднес подкову к носу Корсара:

— Нюхай, Корсар! Нюхай!..

Корсар охотно обнюхал железку и лизнул хозяина в щеку. Андрей поднялся и отпустил веревку во всю длину:

— Ищи, Корсар! Ищи!..

Корсар подбежал к маленькому Саше Ивушкину, встал на задние лапы и уперся ему в живот передними.

Саша смутился, заморгал длинными ресницами и заговорил было о том, что он весь вечер сидел дома и что соседи могут это подтвердить. Никто и не думал его подозревать. Андрей оттащил Корсара и снова долго заставлял его нюхать подкову, как тот ни пылся и ни отворачивал нос.

— Ищи! Как следует ищи!.. Корсар, ищи!

На этот раз Корсар обнюхал землю, сел, почесался и вдруг прямехонько направился по дороге с холма. Андрей, вытянув руку с веревкой, согнувшись, приседая на ходу, побежал за ним, а за Андреем молча затрусил рысцой наша команда с

палками и хворостинами. Только караульные остались на месте.

Корсар спокойно бежал по дороге, кренделем подняв хвост.

— Ничего он у вас не ищет! — тихо сказал Яша. — Гляди, даже носа не опустил.

— Почему ты знаешь! — прошептал Андрей. — Может, у него такой нюх, что ему и нагибаться не надо.

Корсар бежал все быстрее и быстрее, пока не пустился вскачь. Андрей, конечно, — за ним, а мы — за Андреем. Это было бы еще не так плохо, если бы мы все время мчались по дороге. Но, добежав до Осетровой слободки, пес свернул в сторону, и тут началась такая гонка при лунном свете по развалинам, какой я ввек не забуду. То и дело впереди меня или позади спотыкались и падали ребята, а я бежал и диву давался, как до сих пор не поломал себе ноги.

Но вот наконец Корсар вывел нас на широкую пустынную улицу.

— Видите? Видите? Нюхает! — говорили ребята, тяжело дыша.

Щенок и в самом деле вел теперь себя совершенно иначе. Вид у него был сосредоточенный. Он быстро ходил туда-сюда, почти касаясь носом земли.

— На след напал!

— Нет, наоборот: потерял! Раньше он как решительно бежал, а теперь сомневается.

Мы смотрели на Корсара чуть дыша. Вдруг щенок радостно тявкнул, еще ниже опустил нос и уверенно побежал к забору из планок на противоположной стороне улицы.

— Нашел! Похоже, нашел!

— Ой, девочки, нашел!

Теперь я был уверен, что Корсар идет по какому-то следу. Яков уже и не думал ворчать. Все очень волновались.

В одном месте в заборе нехватало нескольких планок. Корсар проскочил в лазейку, но Андрей споткнулся о нижнюю перекладину и упал.

— Веревку выпустил! — тихо вскрикнул он.

— Ладно, чего там! Лезь! — зашептали ребята.

Толкаясь, пыхтя, мы один за другим пролезли в дыру, прошмыгнули мимо одноэтажного дома и очутились на заднем дворе, со всех сторон обнесенном хозяйственными постройками. Здесь при лунном свете мы увидели Корсара.

Он вертелся возле крохотного дощатого сарайчика с висячим замком на двери. Пес был очень возбужден и чем-то заинтересован. Он несколько раз обошел стены сарайчика, нюхая землю под ними, остановился перед дверью... тихонько заскулил...

— Отойдите в тень, вы! Увидеть могут! — прошептал Яшка.

Все мы, сколько нас было, забились под навес для дров, справа от сарайчика, и продолжали следить за щенком. Он все еще стоял возле двери, и только хвост его слегка шевелился. Внизу к двери была прислонена доска, положенная на ребро. Корсар сделал шаг, другой, осторожно тронул доску лапой...

Держась руками за колени, Андрюшка прошептал:

— Ре-бя-та! Заметьте, тут что-то есть!

Пес опять тронул доску, на этот раз чуть повыше. Доска упала. Все увидели, что дверь гораздо короче, чем казалась. Между ней и землей была большая щель. Корсар отскочил было от сарайчика, но вскоре снова начал подкрадываться к нему, настороженно нюхая воздух. Вот он сунул голову в щель. Вот лег на живот и совсем подполз под дверь. Теперь мы видели лишь кончик его хвоста. Затем и тот исчез.

— Ой, девочки!.. Неужели нашел?

— Гм! Странно! — тихо сказал Оська. — Я думал...

Что он думал, мы так и не узнали. Дикая, отчаянный шум вдруг поднялся в сарайчике. Куриное кудахтанье, звонкий собачий лай, хлопанье крыльев заполнили весь двор. Где-то рядом заблеяли козы, завизжал поросенок...

Тимоша первый смекнул, в чем дело:

— Курятник!.. Убегайте!

Дважды повторять приказание не пришлось. Секунды не прошло, как все наши сыщики летели сломя голову к забору. Перед лазейкой началась давка. Одни лезли в дыру, другие прыгали через забор. Я сорвался с забора и ободрал себе нос.

Выбравшись на улицу, все пустились в разные стороны. Впереди меня бежал Андрей, а рядом — Оська. Андрей всегда бежал плохо, но тут мы никак не могли за ним поспеть. Наконец мы перешли на шаг.

— Хватит!.. Андрей, стой!

Андрей остановился и подождал нас.

— Ну? — сказал я, дыша, как паровоз. — Довольны вы?

— А... а вы... а вы знаете, что кирпичи, наверно, спрятаны в курятнике? — проговорил Андрей.

Оська улыбнулся:

— Не могут они там быть! Ведь Корсар должен был найти не кирпичи, а лошадь — по запаху подковы.

Я почувствовал, что кто-то теребит меня за штаны. Это был Корсар. Он имел очень довольный вид.

— Ну-с, — обратился к нам Оська, — может быть, пройдем на строительство — посмотрим, как там наши сторожа?

— Нет, с меня хватит! — сказал я. — Спокойной ночи.

Глава VII

«ПРИБЛИЖАЕТСЯ ЛОШАДЬ...»

Утром я проспал до одиннадцати часов. Конечно, на строительстве работа уже кипела во-всю.

Первое, что мне бросилось в глаза, был Саша Ивушкин, который сидел на стене, свесив ноги в серых носочках, и смотрел в старый театральный бинокль. Прямо под ним стояли Оська, Андриюша и Яков. Лица у всех были озабоченные.

— Да!.. — вздохнул председатель, ковыряя землю каблук. — Теперь пойдут репрессии.

— Что «пойдут»? — переспросил Яшка.

— Репрессии. С родителями хлопот не оберешься.

— Факт, не оберешься.

Я спросил, о чем они говорят. Андрей шагнул ко мне, нахмурив брови:

— Ты знаешь, что вчера получилось возле забора, когда от курятника бежали?

— Толкучка получилась.

— «Толкучка»? Нет, не только толкучка! У Нюси Ракушкиной оторвали карман от пальто. Сане Агапкину кто-то ботинком на нос наступил — распух весь, и у Димы Грибова вся щека ободрана.

— У меня тоже нос. Видите?

— Ну вот! А ты знаешь, что многим ребятам было от родителей за то, что они перемазались на строительстве и ободрались у забора? Шурку Симакова мать отодрала за уши. Леву...

— Понимаешь, родители узнали, что все это из-за строительства, — прервал его Оська. — И никто из них не верит, что мы сами восстановим школу. Говорят, зря только пачкаемся.

— Им ведь тоже нелегко. Правда, ребята? — сказал сосны Саша Ивушкин. — Родители работают, работают, купят нам новую рубаху, а мы ее испортим за два часа. Разве это приятно?

Председатель пожал плечами:

— Всякое большое дело требует жертв.

Я спросил, зачем Сашка сидит на стене.

— Наблюдатель... Некоторым ребятам даже запретили приходить сюда, а они все-таки пришли. Вот он и наблюдает, не идет ли кто из родителей. Увидит кого и кричит: «Приближается!» Ну, к примеру, Левкина мама: «Приближается Левкина мама!» Тогда Левка бежит скорее на речку, умывается, чистится, чтобы неприятностей не было, а если ему запретили сюда ходить — удирает кружным путем домой.

— Так. Гм!.. Кирпичей больше не украли?

— Нет. Мы сегодня с вечера поставим усиленную охрану. Человек десять. А на дороге выроем западню.

Меня уже со вчерашнего вечера одолевали сомнения насчет успеха нашего дела, а тут, услышав про всякие дозоры, охраны и западни на дорогах, я и вовсе загрустил. Однако у меня язык не повернулся говорить о своих сомнениях с ребятами. Да меня, наверное, и слушать никто не стал бы, так все были увлечены. Я взял лопату и без особой охоты принялся засыпать землей воронку от снаряда, наполненную мусором.

Все строители за эти два дня приладились к работе, не так сильно мазались, и очистка территорий подвигалась у нас гораздо быстрее, чем вчера. Целая бригада полуголых, с обожженными спинами мальчишек стучала топорами, делая из обрезков досок новые носилки, ремонтируя полуразвалившуюся тачку, готовя для строительства собственный, не взятый из дому инвентарь.

Тимоша и еще человек пять работников отдела снабжения то появлялись на холме, то снова убегали рыскать по городу. Как-то они притащили груды кирпичей, железных обручей, обрезков досок и разного другого утиля. Свалив все это в кучу, Тимоша сдвинул кепку с мокрого лба на затылок:

— Завхоз, принимай!

Галина стала перед кучей, уперев руки в бока, склонив голову в голубой косынке:

— Хлам ты все таскаешь! Вот что я тебе скажу.

— Ребята, слышите? — возмутился Тимошка. — Опять хлам!

Он вытащил из груды какую-то покрытую зеленью вещь и поднес ее к самому носу Галины:

— Гляди! Видела? Ты что-нибудь в этом понимаешь? Дверная ручка, глупая твоя голова! Ты таких ручек теперь за тысячу рублей не найдешь. А то, видишь, «хлам»! Что бы ты делала без меня? Вон, гляди! Видишь? — и Тимошка указал под холм, на Осетровую слободку.

Там среди развалин и торчащих печей копошились маленькие фигурки рабочих и стояли две лошади с подводами.

— Знаешь, что они делают? Видишь? — не отставал завснаб от Галины.

— Почему я знаю! Что у меня — не глаза, а телескопы?

— Ага, не знаешь? А мы с Толькой проходили мимо, так узнали: они на развалинах старые кирпичи собирают. По моему методу работают. А ты...

Вокруг завснаба и завхоза собралась довольно большая толпа.

— И правда, товарищи, там что-то собирают, — раздались голоса.

— Ну да, собирают! Наверное, увидели, как мы работаем, и теперь подражают. Ведь строительные материалы знаете какие сейчас дефицитные!

— Любишь ты хвастаться, Тимошка! — сказала Галина. — Уже давно по всему городу развалины разбирают, а он: «Подражают! Мне подражают!»

— Подражают или не подражают, — проговорил Яша, скрестив на груди руки и глядя вдаль, — а только похоже, что это они вчера наши кирпичи того...

Тимошка даже подпрыгнул при этих словах.

— Ой, ребята! Верно ведь — они! — закричал он так, что все остальные строители сбежались узнать, в чем дело.

Очень долго никто не работал. Все наперебой предлагали способы уличения воров, один хитрее другого.

— Взять подкову, пойти туда, к подводам, и сличить следы лошади и этой подковы. Если похожи — значит, они.

— Чудак! Все подковы у лошадей одинаковы.

— Корсара опять привести!

— Ну его, твоего Корсара!

— Нет, ребята!.. Придумал! — кричал завснаб. — Лошадь подкову потеряла? Потеряла! Значит, у нее на трех копытах старые подковы, а на одном — новая... Подкрасться к лошади и осмотреть у нее подковы!

— А она тебя ка-ак брыкнет!

Неожиданно сверху послышался спокойный, тонкий, как у девочки, голос:

— Приближается лошадь и какие-то люди. Приближается лошадь и какие-то люди...

Это говорил Саша Ивушкин, сидя на стене и глядя в половинку бинокля.

— Приближается лошадь и какие-то люди. Приближается лошадь и какие-то люди... — повторял он ровно и спокойно.

Все посмотрели на дорогу. Одна из подвод, на которые указывал Тимошка, теперь двигалась по дороге, направляясь прямехонько к нашему строительству. Наступила полная тишина. Лишь председатель тихонько пробормотал:

— Странно! Что это такое?

Никто не ответил. Все стояли молча, оторопело поглядывая то на дорогу, то друг на друга... Молчали мы и тогда, когда небольшая серая лошаденка, таща за собой телегу, стала подыматься на холм. Ее вел под уздцы старик с широкой седой бородой. Рядом с телегой шли две девушки-работницы.

Проходя мимо нас, старичок подмигнул:

— Гуляете, молодежь? То-то. Погода-то вона какая! — И он показал кнутовищем в небо.

А мы только молча повернулись на сто восемьдесят градусов и продолжали смотреть.

— Та-ак! — сказал старичок. Он остановил телегу перед нашими кирпичами, аккуратно сложенными в столбик, и вынул кисет из кармана брезентового дождевика. — Вы, девчата, которые треснутые, так те — в сторонку, те не грузите. А то бой получится.

Одна из девушек поправила рукавицы, испачканные оранжевой пылью, взяла из столбика кирпич и положила его на телегу.

Мы ахнули хором, но остались стоять словно вкопанные. Другая девушка взяла второй закопченный кирпич, посмотре-

ла на него, легко переломила пополам, отбросила половинки в сторону и ухватилась за третий кирпич.

— Подождите! Стойте! Вы не имеете права!

Красный, дрожащий от волнения, Оська выбежал вперед, и за ним, разом сорвавшись с места, бросились все строители. Крича, толкаясь, размахивая руками, мы окружили подводу, девушек, старика. Кто-то шлепал лошадь по крупу, кто-то толкал ее назад. Дед просыпал с бумажки махорку:

— Эй, не трожь лошадь! Что такое? Почему безобразите?

— Не дадим кирпичей! Это кирпичи для строительства! Не имеете права! — кричали со всех сторон.

— Постой!.. Да погоди! Какое строительство? Толком скажи! Ишь, налетели!

Стало немного тише. Тяжело дыша, Оська объяснил:

— Здесь идет строительство. Эти кирпичи заготовлены для школы. Никто не имеет права брать. Понимаете?

Старичок сплюнул и посмотрел на девушек:

— Чего ж они, дьяволы? Ишь ведь!.. А начальство-то ваше где? — спросил он Оську.

— Начальство?.. Начальство у нас... это... — Оська запнулся.

— Вот наше начальство! — с гордостью заявил десятилетний Гога Ветров, указывая на Оську. — Он у нас председатель.

— Погоди, погоди! Вы дело говорите. Кто у вас самый главный?

— Он самый главный.

— Та-ак! Стало быть, ты самый главный?

— Ну, я главный.

— Ага! Играете, стало быть.

— Ничего подобного! Вовсе не играем.

— Да играют они, дядя Кузя! — нетерпеливо проговорила одна из девушек. — Мне соседка говорила. Вчера ее Левка весь черный, как чертяка, пришел.

— Так-так! Теперь, значит, понятно.

Дядя Кузя повеселел. Борода его приподнялась, глаза прищурились и заулыбались. Он отдал Оське честь и опустил руки по швам:

— Так вот, значит, товарищ главный начальник, приехали мы к вам в отношении, так сказать, кирпичей. Стало быть, значит, в кредит купить. Бьем, значит, вам челом и просим вашего распоряжения, чтоб, значит, те самые кирпичи отпустить. Во! Так, что ли? — И он засмеялся, глядя на Оську.

— Нечего с нами, как с маленькими, разговаривать! — сказала Галина. — Кирпичи мы своими руками собирали и никому не отдадим.

— Вот и хорошо, что собирали! Пользу государству сделали.

Но мы так и не дали кирпичей. Мы окружили девушек и старика плотной толпой, подбадривая друг друга, и не подпускали их к нашим запасам. Долго старик то уговаривал, то шутил, то грозился, а девушки фыркали и бранились — ничего не помогло. Наконец дядя Кузя хлопнул себя ладонями по брезентовому плащу и стал вертеть новую козью ножку:

— Беги, девчата, в контору! Чего они, в самом деле! Скажи, мол, так и так, пускай прораб сюда идет и сам разбирается.

Девушки ушли.

— Ну и пусть кто угодно приходит! Все равно не отдадим!

— Попугают да уйдут. Не их кирпичи!

Дядя Кузя пустил густой клуб дыма:

— Нехорошо! А еще молодежь, ученики! Сами своей пользы не соблюдаете. Кирпичи-то эти для бани нужны. А вы не сознаете. Сами же мыться будете.

При слове «баня» Тимоша вздрогнул:

— Ребята, слышите? Баня!

— Ну и что ж, что баня? — спросил я.

— Как «что ж»! На восстановлении бани мой дядя прора-

бом работает. Теперь я все знаю. Это он их сюда послал. Это он за картины эти самые.

— Что-то ты мелешь непонятное! — сказала Галина. — За какие картины?

— Которые на стенах висят. У меня план — каждый день двести гвоздей собирать. А вчера ребята не донесли: сто девяносто два только. Я, чтобы прорыва не было, повыдергал из стен гвозди, на которых картины висят, и вставил щепочки.

— Ну?

— Ну, а дядя вошел, хлопнул дверью — две картины и сорвались. Стекла — вдребезги... Факт, он прислал! Это он мне лично мстит.

— Гм! Мой отец тоже в бане работает, — пробормотал Яша. — Плотником он.

— Ага! Мы с Яшей знаете что, ребята, сделаем? Мы лучше спрячемся. А то еще больше неприятностей будет. Ладно?.. А вы ничего не бойтесь и не отдавайте. Попугают, попугают и уйдут, — быстро говорил Тимошка.

Баня находилась недалеко.

— Идут обратно с Тимошиным дядей и милиционером. Идут обратно с Тимошиным дядей и милиционером, — сказал Саша Ивушкин минут через пятнадцать.

— Ну, мы пошли! Пска! — бодро заявил Тимошка. — Вы, ребята, главное, не бойтесь. Милиционер — это просто так. Для страху.

Завснаб с главным инженером вскочили на подоконник и скрылись в учительской. Мне стало не по себе: никак не ожидал, что дело так быстро дойдет до милиционера. Другие строители тоже призадумались.

— Ребята, а ведь и в самом деле милиционер!

— Д-да! Ну и что ж... Он ведь тоже... это... по закону...

В окне показалась взъерошенная голова главного инженера:

— Эй, вы, не струсьте смотрите! Если теперь возьмут, значит и всё отнимут...

Голова исчезла.

Когда работницы, прораб и девушка-милиционер поднялись на холм, у нас опять было совсем тихо.

Я бы не сказал, чтобы товарищ Садиков походил на коварного, полного жажды мести человека. Он был маленького роста, толстый, в кепке и стареньком пиджаке, надетом поверх холщевой косоворотки. Он остановился перед дядей Кузей, тяжело дыша от подъема на гору:

— В чем дело, товарищ Самоваров?

— «В чем дело!» Не дают. Балуют, — ответил дядя Кузя, дымя козьей ножкой.

Прораб вздохнул, вытер ладонью лоб:

— Товарищ милиционер, по постановлению райисполкома от двадцать четвертого прошлого месяца, все строительные и ремонтные организации обязаны широко использовать материалы с разрушенных зданий, не годных к восстановлению. Эти вот товарищи собрали здесь большое количество кирпичей для своей забавы, а когда наши рабочие прибыли, чтоб забрать их и использовать по назначению, они оказали сопротивление и вызвали простой подводы.

Девушка-милиционер спросила очень строго:

— Почему препятствуете?

Никто не ответил ей.

— Почему препятствуете? — еще строже повторила девушка.

Оська выступил вперед. Он старался казаться спокойным, но был очень бледен, и голос его дрожал:

— Понимаете, товарищ милиционер, мы очень хорошо понимаем, что баня тоже очень важное дело... Вот... Но у нас тоже важное и полезное для всего города дело... Потому что вы же сами понимаете, что восстановление школы — тоже важное и полезное дело. Вы же понимаете...

— Постой, постой! — Товарищ Садиков вытянул руку ладонью вперед. — Ты вот что скажи: кто вас уполномочивал строить школу?

— Нас?.. Нас никто не уполномочивал... Но, вот увидите, скоро уполномочат!

— Да ну! Кто же это уполномочит?

— Ну... ну хотя бы районо. Неужели вы думаете...

— Постой! — Прораб опять вытянул руку, потом оглянулся улыбаясь. — Ребята, послушайте меня! Я вам добра желаю. Вот вы взялись строить школу, хотите, значит, себе и городу пользу принести. Дело хорошее. Но ведь дома-то не всякий строить может. Тут знания, опыт нужны, а не только топором стучать. Хотите полезную работу делать — поступите на строительство, хотя бы к нам в баню. Там у нас опытные плотники, каменщики, столяры. Под их руководством и делу научитесь и пользу принесете. Старших ребят с удовольствием примем. Зарплату дадим. А насчет школы — никто вас не уполномочивал и никто не уполномочит. Хоть вы в лепешку разбейтесь! Потому что строить дома...

— Лучше вы к нам поступайте руководить! — пропищала Нюся Ракушкина. — Мы вам тоже жалованье назначим. Вскладчину.

Прораб, старик и девушки только засмеялись в ответ.

— Грузите! — сказала милиционер. — А вы, ребята, не балуйте!

Девушки снова подошли к кирпичам.

— Не имеете права!.. Не дадим!.. Это наши кирпичи!.. — слышалось то здесь, то там, но никто уже не двинулся с места.

Оська поднял руку.

— Пусть! — сказал он. — Пусть! Все равно, если нас не признают, подадим в суд — и тогда посмотрим.

Подвода, груженная нашими кирпичами, удалилась. Ушли и прораб с милиционером. Из окна учительской выпрыгнули завснаб и главный инженер.

Нижняя губа у Яши отвисла, красное лицо перекосилось, глаза блестели. Он посмотрел на ребят, на Оську, как-то особенно дергая головой:

— Не могли... не могли отстоять! — Он сел на недостроенную тачку и отвернулся от всех.

— Ой, дураки! Ну совсем как маленькие! — почти плакал Тимоша. — Милиционера испугались! Да знаете, кто этот милиционер? Знаете? Моего старшего брата жена! Маруся ее зовут. Она сегодня у нас выходной проводит, а дядя, наверное, ее и позвал, чтоб вас напугать. Эх, вы!

— Ты уж молчи! — сказала Галина. — Небось, сам, когда кирпичи отнимали, сидел тихо, как мышь!

— А что, я для своего спасения сидел? Я для общей пользы сидел! Если бы я дяде на глаза показался, так он бы не только кирпичи, но даже всё забрал!

Миша Арбузов лег животом на землю и запустил пальцы в черные всклокоченные волосы:

— Что теперь говорить! Раз кирпичи взяли, значит всё теперь возьмут. Пропало теперь наше дело!

Повернувшись на бок, он положил голову на протянутую руку и закрыл глаза.

Никто не работал. Одни лежали на усеянной щепками траве, другие слонялись туда и сюда, вялые, словно невыспавшиеся. Подперев подбородок кулаками, сидела на крыльце Галина и смотрела вдаль злыми глазами. Опустив руки, поникший, печальный, стоял на краю площадки завснаб. Оська грыз какую-то палочку, то хмурил, то подымал брови, о чем-то сосредоточенно думая.

Высокая тонконогая Соня Феофонтова стала недалеко от председателя, оглянулась кругом и заговорила скучным голосом:

— Вы, ребята, как хотите, а я люблю говорить правду в глаза. Десятилетчики уже, наверное, к ремонту приступили, а мы тут ничего не добьемся и к ним на готовенькое придем.

Ей никто не ответил, но сидевшие и лежавшие повернули головы, а те, кто был на ногах, подошли поближе.

— Вы, конечно, можете злиться и говорить что хотите, ребята. Но только я такой человек: если вижу что-нибудь

неладное, так прямо и говорю. Взрослые правы: без руководителя мы ничего не добьемся.

Оська попытался презрительно улыбнуться:

— Спасовала уже? Пожалуйста, уходи! Мы нытиков не держим.

Но тут уже несколько человек сразу заговорили:

— Хватит тебе, Оська: «спасовала» да «спасовала»!

— Если б все могли сами дома строить, так незачем было бы на инженеров учиться.

— Захотят — у нас всю школу по кирпичику растащат, а мы и пикнуть не посмеем.

— Провозились тут зря, а потом попробуй посмотри Платону Ивановичу в глаза!

— Правильно!

— Хватит!

— Чепуху мы затеяли!

Я понял, что сейчас развалится все наше строительство. Я был согласен с Соней и с другими ребятами, и все-таки на душе у меня было грустно. Тимошка готов был заплакать... Трудно добиваться своей цели, если у тебя что-нибудь не клеится, но еще труднее бросить дело, которое любишь!

Глава VIII

ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВНА

— Приближается какая-то тетенька. Приближается какая-то тетенька, — сказал Саша Ивушкин, который так и не покинул своего поста на стене.

Некоторые ребята уже собирали пилы, топоры и молотки, готовясь уходить домой; другие чистились, хлопая себя кепками по штанам. Остальные валялись на траве или слонялись с места на место, ничего не делая. Никто не обратил внимания на слова Ивушкина. Только Галина, сидя на крыльце, проворчала себе под нос:

— Ну и пусть приближается!

Когда «тетенька» поднялась к нам на площадку, я увидел, что ей не больше двадцати лет. Скорее всего, лет девятнадцать или даже восемнадцать. Вид у нее был какой-то очень подтянутый и решительный. Одета она была по-спортивному — в широкую темную юбку и в шелковую синюю майку с белой полосой на груди; голову она держала высоко, глаза у нее были большие, темные и серьезные, нос короткий, но не курносый; волосы, густые, с рыжинкой, были туго зачесаны назад и уложены на затылке.

Быстро поднявшись на площадку, она остановилась, посмотрела направо, налево и сказала громко и деловито:

— Здравствуйте, ребята!

Кое-кто из ребят неохотно ответил ей: «Здравствуйте». Оська промолчал, но я заметил, что он вдруг весь как-то подобрался и насторожился.

— Перерыв? Отдыхаете? — быстро спросила девушка.

Оська бесшумно, словно крадучись, подошел к девушке и остановился перед ней, глядя прямо ей в лицо.

— Пере-рыв, — ответил он негромко, с расстановкой. — А вы... А вам кого?

— Ты не Ося Димин?

— Да... Димин... — сказал Оська и побледнел.

— Пойдем поговорим. Я из райкома комсомола.

Девушка направилась к крыльцу, на котором сидела Галина и возле которого стоял я. Оська последовал за ней все теми же бесшумными, крадущимися шажками. Проходя мимо меня, он переглянулся со мной. Ну и лицо же у него было! Мне показалось, что он вот-вот лишится чувств от волнения.

Услышав слово «райком», Яшка медленно поднялся с тачки, ближайшие ребята вскочили с земли и стали махать руками тем, кто находился на другом конце площадки.

Галина поднялась с верхней ступеньки крыльца, на которой до этого сидела, и, волнуясь, заговорила:

— Садитесь, пожалуйста!.. Хотя... тут грязно... Пыль...

Сейчас!.. Дайте что-нибудь подстелить! Колька, ну чего ты стоишь!.. Тут грязно. Сейчас... Одну минуту!

Девушка из райкома поднялась с Оськой на крыльцо, наклонилась над верхней ступенькой и стала дуть на нее. А вокруг крыльца собралась уже такая толпа, что меня сжали со всех сторон.

— Кто это? — говорили вполголоса ребята.

— Из райкома!

— Кто?

— Тише, вам говорят!

— Там грязно! Пыль!

— Подстелить что-нибудь!

— Разойдись! Дай дорогу! Дай дорогу, говорю! — Яшка, расталкивая ребят, пробрался через толпу. Он нес обрезок чистой доски длиной метра в полтора.

За конец этой доски, словно помогая главному инженеру нести ее, уцепился Тимошка. Яшка втопил доску вместе с Тимошкой на крыльцо и положил ее на верхнюю ступеньку:

— Пожалуйста! Вот! Чистая.

Затем они с завснабом сошли с крыльца, а девушка с нашим председателем сели на доску. У девушки была полевая сумка, почти такая же, как у Оськи. Она достала оттуда блокнот и карандаш.

— Я почему-то сразу догадалась, что ты Ося Димин, — сказала она, застегивая сумку.

Оська потер руками колени и слегка улыбнулся.

Девушка подняла голову и обратилась к толпе строителей:

— Внимание, ребята! Прежде всего нам нужно познакомиться. Меня зовут Лида... то-есть Лидия Алексеевна Волкова. Запомнили? Повторяю: Лидия Алексеевна Волкова. Меня к вам направил райком. В райкоме очень заинтересованы вашим начинанием и поручили мне подробно узнать, что вы тут делаете.

Строители зашумели:

— Зачем?

— Для чего ознакомиться?

Лидия Алексеевна положила сумку с блокнотом рядом с собой, встала на ноги и захлопала в ладоши:

— Ти-ши-на!.. Ребята! (Строители моментально утихли.) Давайте условимся: сначала я задаю вопросы, а потом вы. Согласны? Только пусть не все сразу, а кто-нибудь один мне отвечает.

— Председатель пусть отвечает!

— Пускай Ося отвечает! Он у нас председатель.

Лидия Алексеевна снова села и стала расспрашивать Оську о том, как и когда организовался наш КВШ, сколько ребят принимают участие в нашей работе, какого они возраста, что мы делаем на строительстве и что уже нами сделано. Оська отвечал очень подробно. Все, что он рассказывал, Лидия Алексеевна быстро записывала. Мы старались не шуметь и только изредка поправляли Оську, если он что-нибудь забывал.

Обо всем расспросив и все записав, Лидия Алексеевна встала и спрятала в сумку блокнот:

— Пошли! Покажете мне, что тут и как.

Мы повели ее по строительству. Лидия Алексеевна осмотрела все воронки, которые мы успели наполнить мусором, и сказала коротко:

— Молодцы!

Потом она спустилась в полутемные траншеи, превращенные Галиной в склады, и, увидев там груды испорченных оконных шпингалетов, дверных ручек и ржавых гвоздей, очень удивилась:

— А этот хлам зачем вы собираете?

Галина ехидно посмотрела на Тимошку:

— Ага! Что я тебе говорила? А?

Тимошка смутился:

— Я думал, пригодится. Строительные материалы... Они знаете какие теперь дефицитные!..

— По-твоему, у государства гвоздей не найдется для школы?.. На что они нужны, такие гвозди: кривые да ржавые!

— А кирпичи собирать?

— Кирпичи?.. — Лидия Алексеевна помолчала, болтая висящей на руке сумкой. — Кирпичи, я думаю, стоит собирать. Если они целые только. Пошли дальше!

Затем Лидия Алексеевна обследовала самую школу. На ней недаром была спортивная майка: она вскакивала на высокие подоконники и ходила по железным балкам, висящим над подвалом, из которого мы выгребали мусор. Мы, конечно, толкаясь и мешая друг другу, всюду следовали за ней. Вид у Лидии Алексеевны был серьезный, но мне казалось, что она прыгает и лазит по развалинам не потому, что ей нужно что-то осмотреть, а потому, что ей просто хочется попрыгать да полазить. В общем, она нам очень понравилась.

Когда она все обследовала, мы снова окружили ее, и Оська спросил:

— Лидия Алексеевна, теперь можно задавать вопросы?

Лидия Алексеевна пристально посмотрела на него большими карими глазами, немножко сдвинула брови и ответила довольно неохотно:

— Н-ну... Пожалуйста!

Оська загнул на левой руке палец:

— Первый вопрос: одобряют в райкоме, что мы взялись восстанавливать школу?

Лидия Алексеевна секунду подумала.

— Вообще одобряют.

— Оська, подожди! — вмешался я. — Позвольте мне теперь спросить. А верят в райкоме, что мы сможем сами ее отстроить?

— Сами? Без помощи взрослых?.. Конечно, не верят, ребята!

— А я думаю, все-таки смогли бы, — пробормотал Оська и загнул второй палец. — Лидия Алексеевна... теперь такой

вопрос: как вы думаете, райком нам не поможет? Зачем вас к нам послали?

Держа обеими руками ремешок от полевой сумки, Лидия Алексеевна тихо покачивала ее у себя перед коленями.

— Вот что, ребята! — заговорила она медленно и очень серьезно. — Вы не маленькие. Правда ведь? И вы сами должны понимать, что в один день такие дела не решаются. Так?

— Так-то так, — начал было Тимошка, — а все-таки, если бы нам дали материалов...

— Тут не в материалах дело, а в людях, — перебила его Лидия Алексеевна. — Поймите вы, что в одном только нашем районе разрушены сотни домов и зданий. Каждый рабочий, каждый инженер сейчас на учете. Понятно вам? Ну вот! Поэтому я вам сегодня ничего не скажу. Вернее, скажу только одно: продолжайте вашу работу по очистке. Когда бы школу ни восстановили, такая работа даром не пропадет, и вам всегда скажут спасибо. Ясно? А пока до свидания. Только не отдирайте досок от чужих заборов!.. Я завтра под вечер опять загляну.

Мы расступились, закричали на разные голоса: «До свидания, Лидия Алексеевна! До завтра!» — и Лидия Алексеевна выбралась из толпы. Спускаясь с холма, она обернулась и крикнула:

— Может быть, меня к вам вожатой назначат.

Яшка слегка присел, поднял руки и вполголоса скомандовал:

— «Ура» давайте! Ну!.. Три-четыре!

— Ура-а-а!

— Три-четыре!

— Ура-а-а!

— Три-четыре!

— Ура-а-а!

Лидия Алексеевна еще раз оглянулась на ходу, подняла над головой полевую сумку и помахала нам ею.

Нечего и говорить, как поднялось у нас настроение! Наверное, минут пятнадцать после ухода вожатой мы кричали и веселились во-всю.

— Это она так просто говорит, что ничего еще не знает,— волновался Тимошка. — Как же! Стал бы райком зря человека присылать!

— Конечно, там уже что-то решили!

— Теперь пусть попробуют отнять кирпичи! Пусть попробуют!

Пока все кричали, Оська о чем-то шептался с Яковом. Потом они оба поднялись на крыльцо, и главный инженер несколько раз крикнул: «Тише!» Когда шум утих, Оська стал говорить речь. Он сказал, что мы должны теперь особенно напряженно работать, чтобы в райкоме поняли, на что мы способны. И он сказал, что завтра с утра нужно отправить экспедицию в лес, на противотанковый завал.

— Понимаете, как это будет здорово! — сказал он. — Лидия Алексеевна завтра придет, а у нас уже вот такие бревна заготовлены и пригнаны по реке. Это раз! А что касается инженера для руководства строительством, то я попытаюсь сагитировать одного соседа по квартире. Он работает на восстановлении Дворца культуры. У него, правда, характер довольно тяжелый, но я с ним попробую поговорить.

Все согласились с председателем. В экспедицию назначили девятерых мальчиков, в том числе Оську, Якова, Тимофея, Андриюшку и меня. Руководство работами на завтрашний день поручили Галине.

После этого мы разошлись на обеденный перерыв, а после перерыва работали еще часа три.

Мама в этот вечер вернулась домой поздно, когда я уже спал. Я проснулся, поднял голову с подушки и сказал:

— Мама, а ты знаешь что? Нашим строительством сам райком комсомола заинтересовался!

Мама сказала:

— Да ну? Серьезно?

И мне показалось, что она не очень удивилась.

Я решил не говорить маме о том, что еду в экспедицию.
«Вдруг не отпустит?!»

Глава IX

ЭКСПЕДИЦИЯ

Проснувшись пораньше, я сбегал за хлебом, взял топор, провизии в рюкзак и ушел из дому, не разбудив маму. Я только оставил ей записку: «Мамочка, не волнуйся и не сердись. Ушел по важному делу. Вечером вернусь».

Часа через полтора наша экспедиция высадилась из поезда на маленькой платформе Раздолье.

Хотя мы и собирались к вечеру вернуться домой, но каждый из нас снаряжился на славу: каждый нес топор, или пилу, или веревку для вязки плотов; у каждого за спиной был мешок с засунутым туда пальто и однодневным запасом провизии. Яков захватил свой фонарь, Оська — компас, а Саша Ивушкин — бинокль.

Мы шли гуськом вслед за Тимошкой по тропинке между картофельными полями.

Завснаб то и дело оглядывался и даже пятился задом, чтоб удобней было говорить:

— Ребята! Мы вроде экспедиции, которая ищет эти... как их... Ну, железо там, нефть...

— Разведчики полезных ископаемых, — подсказал Анатолий.

— Ага! Будто нас послали найти такое полезное ископаемое, которое имеет огромное значение для страны.

— Нет, товарищи! — сказал Оська. — А знаете, какое еще значение имеет наша экспедиция? Не только строительное, а еще и научное. Помните, когда-то «Пионерская правда» писала, что ребята исследовали малые реки?.. Сколько раз мы бывали в этих местах! Разные пионерпоходы и все такое... А кто

из нас хоть раз исследовал, как течет река Уклейка от этих мест до города? Никто.

Скоро мы вошли в лес и зашагали по краю дороги.

До войны я часто бывал здесь с ребятами. Тогда это был веселый, спокойный лесок, такой уютный и знакомый, как комната в своем доме. Здесь среди густых неподвижных елей было много полянок, где мы строили шалаши, играя в следопытов; здесь были заросли молодых березок, которые даже в дождь казались освещенными солнцем, и здесь всюду была такая густая, мягкая трава, что на ней мы кувыркались и бо-ролись, как на матраце.

А теперь я шел и не узнавал леса. Вместо молодых березок торчали над землей какие-то колья без веток, без листьев — их начисто срезали снаряды и пулеметный огонь. Одни елки лежали на земле с бурой хвоей, с перебитыми стволами; другие, такие же бурые, навалились на соседей. А те, что не упали, стояли теперь изуродованные, с надломленными ветками, висящими беспомощно, словно отсохшие руки. Всяду земля была изрыта воронками, вокруг которых валялись комья глины и масса развороченных корней. Часто мы видели в траве то оторванный немецкий погон, то какой-то ремешок, то консервную банку, то стреляные гильзы.

У меня стало грустно и тревожно на душе. Притихли и остальные ребята, хмуро поглядывая по сторонам.

Так шли мы около часа. Наконец Тимоша остановился и сказал:

— Здесь!

Мы огляделись. Прямо перед нами была тихая узкая речка, в которой отражались облака и верхушки сосен. Дорога уходила вдоль берега вправо. Слева, метрах в пятидесяти от дороги, громоздился противотанковый завал. Большие сосны были надпилены на высоте метров трех от земли и свалены в одну сторону верхушками. Их огромные засохшие ветки придавили кусты и молодые деревца, и те росли вкривь и вкось, помятые, согнутые, но все же зеленые, живые. Над

всей этой мешаниной из веток, стволов и засохших игл высились редкие неспиленные сосны.

Тимоша вертелся перед нами, очень довольный:

— Ну, что я вам говорил! А? Хватит здесь бревен? А? Хватит?

— М-да, — сказал Оська. — Это, кажется, то, что нам нужно.

Все хвалили завснаба. Только Яша, жуя травинку, проворчал:

— Семь потов сойдет, пока мы хоть одну лесину отсюда вытащим.

— Что ж, что семь потов! — сказал Оська. — На то и трудности, чтоб их преодолевать. Пошли!

Мы шагнули было к завалу, но вдруг Андрей закричал:

— Стойте! Послушайте!..

Все остановились. Андрей заговорил почему-то шопотом, все время озираясь по сторонам:

— Ребята! А знаете, что я вам скажу? А что, если перед завалом еще остались мины? А?.. Что тогда?

Яша почесал затылок.

— Чорт! Верно!.. — Он посмотрел на Тимошку. — Эй, завснаб! Ты, говоришь, здесь бывал?

— Нет, ребята! Не бойтесь. Я здесь с дядей Мишей проезжал и видел, как люди какие-то ходили.

— Военные? Гражданские?

— Не разглядел. Темно было. Только знаю, что ходили.

Мы задумались. Мы знали, что завалы почти всегда бывают минированы.

— Не бойтесь, ребята! — успокаивал Тимошка. — Если гражданские ходили, значит уже разминировано было. А если военные, саперы, значит тоже все уже разминировали.

— Может, все разминировали, а может, и не успели еще, — сказал Толя.

— Тут и бревен не захочешь! — сказал Мишка Арбузов. — Руки-ноги дороже.

Оська рассердился:

— Что ж, по-твоему, бросить все и бежать домой?

— Бросить не бросить, а лететь вверх тормашками тоже не очень приятно.

Мы долго топтались на дороге. Оська в раздумье прохаживался вперед и назад. Вдруг Тимошка сказал:

— Ося! Знаешь, что я предлагаю? Давай я вперед пойду. А вы — по моим следам. Взорвусь — значит, погиб за общественное дело, а не взорвусь — значит, все в порядке.

— Нет, — сказал Оська, — я придумал простой и прекрасный выход: мы бросим жребий, кому итти вперед.

Я заикнулся было о том, что не стоит никому рисковать, что лучше поискать бревен в другом месте, но Оська презрительно фыркнул:

— Чудак ты, Николай! Готовых бревен тебе никто не даст, а пилить живые деревья тоже нельзя. А потом, вы только подумайте, товарищи, как это здорово получается! Идет строительство школы. Нет бревен. И вот экспедиция смело пускается в путь сквозь дремучие леса, чтобы во что бы то ни стало достать бревна. Вдруг перед ними преграда: минное поле. Но ничто их не может остановить. Бросают жребий, и один, не говоря ни слова, идет вперед, прокладывая путь товарищам.

— Ага! — подхватил Тимоша. — И вдруг он взрывается, и тогда другой, ни слова не говоря, становится на его место и идет вперед — почти на верную смерть. Да, ребята, а?

— Да, — сказал Яков, — так они все по очереди взрываются, и к вечеру — ни людей, ни бревен.

Но всем уже захотелось совершить подвиг в этом самом лесу, где недавно гремела канонада и тысячи бойцов шли на врага. Яшке закричали, что смеяться, конечно, легче, чем совершить что-нибудь героическое. Он сказал:

— Ладно! Пусть будет жребий. Авось не повсюду мины натканы.

Ося присел на пень, вынул из сумки лист бумаги, разорвал его на одинаковые кусочки и что-то начертил на одном

из них. Свернув билетики, он положил их в тубетейку и поднялся:

— Кто вынет пустышку — идет сзади. Кто вынет стрелу — идет впереди.

В молчании, с серьезными лицами, мы разобрали билетики. У меня даже сердце екнуло, когда я развертывал свой. Но мне досталась пустышка. Оська взял последний билет, развернул его и спросил:

— Ну? У кого стрела?

Никто не ответил.

— Я спрашиваю: у кого стрела?

Курчавый маленький Саша Ивушкин сказал чуть слышно:

— У... у меня стрела...

Все посмотрели на него. Он стоял бледный, как бумага, и моргал длинными ресницами, точно в них попала соринка.

— Так, — сказал Оська. — Ну, ты иди вперед, а мы — шагах в двадцати, след в след.

Саша не двигался и продолжал моргать.

— Ну, чего ты стал? Иди! — сказал Толя.

— Ребята, погодите! — выступил вперед Андрей. — Зачем вы его торопите? Может, человеку надо передать что-нибудь своим родителям, друзьям... Саша, если тебе нужно что-нибудь передать, давай я передам. Хочешь?

Саша открыл было рот, закрыл его, снова открыл, но не сказал ни слова.

— Ну ладно! Тогда иди... Ребята, отойдите подальше!

Мы отошли. Саша медленно повернулся, сделал шаг в сторону от дороги левой ногой, поднял правую, чтобы шагнуть дальше, да так и остался стоять на одной ноге, как цапля.

— Эх ты, цапля! — засмеялся Яшка и добавил серьезно: — Нашли кого вперед посылать! Самого маленького.

— Верно!.. Сашка, давай назад! Ну тебя! — подхватил завснаб. — Давайте снова жребий кидать.

— Снова жребий! Он маленький! Оська, пиши снова! — закричали все хором.

Тогда Оська молча сошел с дороги и решительно зашагал к завалу. Мы пошли за ним, и ни в каких не в двадцати шагах, а почти в затылок.

Никто из нас не взорвался. Подойдя к завалу, мы забыли о минах. Только теперь мы поняли, какая работа нам предстоит: на каждой сосне было несколько десятков веток, из которых некоторые величиной с небольшое дерево. Нужно было обрубить все эти ветки; нужно было распилить каждый ствол на несколько кусков; нужно было оттащить заготовленные бревна к реке, пробравшись с ними через завал. К тому же, как я уже сказал, все эти сосны были не спилены, а только надпилены так, чтобы их можно было свалить. Значит, кому-то из нас предстояло вскарабкаться на пень вышиной в три метра и топором отделить от него ствол.

Толстый, всегда серьезный Мишка Арбузов сказал:

— Знаете что, ребята? Обдеремся мы здесь колючками, порвем штаны и рубашки, замучаемся, как собаки, а к вечеру вытащим отсюда одно бревно.

Мы заспорили. Одни были согласны с Мишей, другие говорили, что раз уж пришли, так нечего отступать.

Оська не принимал участия в спорах. Прижав полевую сумку к дереву, он стал писать что-то на листке бумаги, то и дело останавливаясь и в раздумье потирая нос карандашом.

— Так, — сказал он, подходя к нам. — Пусть каждый подпишет этот документ.

Обступив Оську, мы стали разглядывать листок. Там было написано:

«К л я т в а.

Я, пионер и ученик Н-ской школы-семилетки, торжественно клянусь, что не уйду из Грачевского леса, пока задание Комитета восстановления школы не будет выполнено и 20 бревен по 5 метров длиной не будут заготовлены и связаны в плоты. Если я нарушу эту клятву, пусть меня называют дезертиром и малодушным человеком».

— Вот, — сказал Оська. — А тот, кто не подпишет, мо-

жет сейчас же уходить и больше не являться на строительство.

Мы все расписались на листке. Расписался и Миша Арбузов, заявив, что он вовсе и не собирался уходить, а только немножко посомневался.

— Ну, — сказал Тимоша, — пусть теперь кто-нибудь попробует нарушить клятву! Товарищ главный инженер, что прикажете делать?

Все повернулись к Яше. Тот постоял немного в раздумье, затем сказал:

— Перво-наперво вот что: я сейчас полезу на этот пень и обрублю вот эту штуковину, а вы стойте вокруг и ловите меня, если я свалюсь.

Так и сделали. Яша разулся и стал карабкаться на высокий пень, а мы подсаживали его, пока хватало рук. Добравшись до места надпила, он осторожно стал на верхушку пня коленями, затем так же медленно и осторожно сел на корточки. Все мы стояли вокруг пня не дыша, подняв подбородки. Примостившись удобно, Яша сказал:

— Подайте топор!

Как мы ни прыгали, а дотянуться топором до него не могли. Пришлось мне упереться руками в пень, а Тимоше — забраться ко мне на плечи. Держа топор в одной руке, Яша принялся рубить дерево. Минут через пять ствол рухнул вниз, содрав на пне кору. Главный инженер спустился, очень гордый и довольный.

Мы принялись разделявать сосну. Никогда я не думал, что это такая сложная и трудная работа. То и дело ствол, который мы пилили, провисал и зажимал пилу, и его нужно было приподымать колыями. Ветки никак не хотели срубаться, сколько по ним ни стучали топором. Под ногами была не земля, а сплошные коряги, о которые мы спотыкались и между которыми застревали ноги. Со всех сторон торчали тысячи сучков, грозивших проткнуть глаза и цеплявшихся за одежду. Сверху за шиворот все время сыпались колючие иглы.

Солнце, большое и красное, уже пряталось за деревья, а мы оттащили к речке только четырнадцатое бревно.

Толя посмотрел на небо, прищурив рыжие ресницы, и сказал:

— Ребята, а солнышко-то заходит!

— Вот так штука! — сказал Оська. — Что ж! Возвращаться домой с четырнадцатью бревнами?

— Как возвращаться? А клятва? — заволновался Тимоша. — Ничего подобного! Развести костер и ночевать здесь! Да, ребята?

— А дома волноваться будут, куда мы исчезли, — сказал Андрей.

Оська быстро придумал, как быть:

— Очень просто: один отправится в город и предупредит родителей, а другие останутся и закончат работу.

Все согласились. Но до станции было шесть километров. Никому не хотелось идти после целого дня тяжелой работы. Решили снова тянуть жребий, и Оська опять стал делать билеты. Вдруг Саша Ивушкин подошел к нему, постоял немного молча и сказал:

— Ося, не надо никакого жребия. Я так пойду, без жребия.

Яша махнул рукой:

— Брось, цапля! Тебя по дороге лягушки съедят.

— Все равно я пойду, — ответил тот.

Оська задумался. Саша, бледный, похудевший за этот день, стоял перед ним и ждал.

— Хорошо, — сказал Оська. — Иди.

— Во! Правильно! — одобрил Тимоша. — И знаешь чего, Ивушкин? Ты по этой дороге не иди, а иди лесными тропинками, так ближе. Как дойдешь до первой тропки, направо сверни. Я тебе сейчас план нарисую. Километра на два ближе. Ладно? Нам бы нужно было так идти, да я во-время не вспомнил.

Мы знали, что поезд на Энск идет один раз в сутки — ве-

чером, но никто не знал точно, когда он приходит в Раздолье. Поэтому Саша немедленно отправился в путь, запасшись Тимошкиным планом.

Под высоким бугром, у самой реки, мы зажгли костер, напекли картошки и, поужинав, стали отдыхать: кто лежал, кто сидел на постелях из мелких веточек и травы.

Совсем стемнело, а луна еще не взошла. Только ближайшие спутанные ветки завала, чуть краснея, выделялись из темноты, освещенные огнем. И оттого, что свет на них все время дрожал и двигался, казалось, что за ветками кто-то шевелится.

Мы затихли, вглядываясь в темноту за костром, прислушиваясь к шорохам в лесу да всплескам в реке.

— Сколько здесь народу погибло, в этом лесу! — сказал наконец Толя.

Все придвинулись ближе к огню. Андрюшка, сидевший обхватив руками колени, пристально посмотрел налево, потом уставился на нас круглыми глазами:

— Товарищи! А что, если... А что, если в этом самом лесу сейчас прячутся диверсанты?

— Чего ты выдумываешь!

— Откуда они могут взяться, диверсанты?

— А вот откуда. Были здесь бои. И вот какой-нибудь полковник фон Шмидт вызвал к себе лейтенанта фон Шульца и сказал: «Герр лейтенант фон Шульц, мы должны отступать отсюда. Возьмите радиопередатчик, спрячьтесь в лесу в глубокой землянке и сидите в ней, пока не кончатся бои. А когда русские займут эту территорию, выходите по ночам из землянки и ведите шпионскую и диверсионную работу».

— Ага! — сказал Тимоша. — И, может быть, сейчас этот лейтенант фон Шульц сидит в завале и подглядывает за нами.

— Что ж, конечно, все может быть, — сказал Оська. — Я, например, знаю несколько случаев, когда ребята ловили диверсантов. Двух девчонок даже наградили за это.

Он рассказал нам несколько историй о диверсантах.

После Оськи стал рассказывать Андрей, а за ним — Тимошка.

Большая розоватая луна выползла из-за верхушек елей и отразилась в реке. От костра остались одни красные угли, но никто не шел за топливом.

Подавшись вперед, дрожащим голосом Тимошка говорил: — ...Вдруг видит: дверь склепа открылась, и из нее — раз! — и вышел человек, а потом — раз! — и еще человек...

От волнения у завснаба нехватило дыхания, и он умолк. Мы сидели не шевелясь, боясь оглянуться через плечо. И как раз в этот момент где-то недалеко за нашим бугром раздался странный короткий звук:

— Пчхи!

Тут уж мы и дышать перестали.

— Пчхи! — слышалось опять.

Андрей стал на колени и вытянул шею:

— Слышите?

Тимошка поднялся на четвереньки:

— Чихает кто-то!..

Оба они поползли по склону бугра, замерли, вглядываясь в темноту, и вдруг разом прыгнули чуть ли не в самый костер.

— Че-ло-век! — прошептал Андрюшка страшным шопотом.

— Где человек?

— Какой человек?

— Там, на лужайке, человек. И идет прямо сюда!

Через секунду вся наша экспедиция осторожно выглядывала из-за бугра.

По лужайке, отделявшей нас от дороги, действительно шел человек, высокий, одетый в темное пальто и в темную шляпу с полями. Он шел медленно, часто останавливаясь, словно прислушиваясь.

— Не здешний. Да? Глядите, как блуждает! — шепнул Тимошка.

Недалеко от бугра человек опять остановился. Когда он поворачивал голову, под полями шляпы поблескивали очки.

— Высматривает! Ой, ребята, высматривает что-то! — так и зашелестело вокруг меня.

Вдруг человек повернулся и пошел обратно к дороге.

Тут я заметил, что Тимошка совсем выполз на бугор, а Андрей уцепился за его ногу:

— Дурак! Куда ты? Что ты делаешь?!

— Пусти! Выследить его надо! Выследить!.. Пусти!

Завснаб вскочил на ноги и пустился вслед за незнакомцем. Он бежал по освещенной лунной лужайке, низко пригнувшись, прячась за мелкие кустики, иногда бросаясь животом в траву. Но ему не повезло: человек неожиданно обернулся, шарахнулся в сторону и остановился, а Тимошка, словно заяц, присел в нескольких шагах от него.

Мы лежали ни живые ни мертвые.

Но вот человек что-то сказал.

Медленно, как видно с большой неохотой, завснаб приблизился, поговорил о чем-то с незнакомцем и со всех ног побежал обратно к нам.

— Станцию спрашивает! — прошептал он, съезжая на корточках с бугра.

— Какую?

— Железнодорожную!

— А ты?..

— Сказал, что сам туда иду. Только вот с ребятами прощаюсь.

— Ты спятил! Зачем?

— Чтобы он не ушел. Знаете что? Я его сейчас заговорю, а вы подкрадитесь и наваливайтесь на него со всех сторон.

— Хорошо!

— Так и сделаем!

— Бросьте вы — «так и сделаем»! — сказал Яшка. — А ну как это честный человек?

— «Честный»! Хорош честный! Видели, как он от меня шарахнулся?

— И ты бы шарахнулся, если б к тебе подкрались.

— А станция! Зачем ему станция? Поезда теперь до завтра не будет.

— Документы проверить — и всё! — предложил Анатолий.

— Да! А он тебя хватит по голове — и поминай, как звали!

— Придумал! — сказал Оська. — Ребята, главное — спокойствие. Это, может быть, обыкновенный гражданин, а может быть... сами знаете кто. Станцию ему показывать нельзя. Там сейчас только телефонист да дежурный. Сделаем так: Тимошка скажет, что поведет его на станцию, а сам отведет его в обратную сторону, хотя бы в Пичужки. Мы незаметно следуем позади. В случае чего — окажем помощь. В Пичужках сдаем в поселковый совет. Там проверят документы...

— А если это не диверсант?

— Ну и что ж! Пусть лучше честный человек пройдет лишние три километра, чем шпион останется на свободе.

— Ага, верно! Факт, диверсант! Страшенный такой. Голос хриплый... Прощайте, ребята! В случае чего... Ладно уж... Эх!..

Тимошка вздохнул и убежал.

— Возьмите топоры, пилы спрячьте! Без команды не вылезать! — шопотом распорядился Оська.

Вооружившись, мы снова легли, выглядывая из-за бугра.

— Пойдемте, дяденька. Я уже! — сказал Тимошка.

Вместе с незнакомцем он скрылся в лесу.

— Вперед! — скомандовал председатель.

То ползком, то бегом пересекли мы лужайку. Прячась за деревьями, спотыкаясь о пни и поваленные стволы, пошли гуськом вдоль дороги. Все молчали. Временами слабо поблескивали лезвия топоров.

Мы не видели шедшего впереди завснаба. Но он нарочно очень громко задавал «диверсанту» всякие каверзные вопросы.

— Вы, дяденька, наверное, не здешний? Да? — так и звенел его голос в темном лесу.

Мы не слышали, что отвечал «диверсант», а близко подходить боялись: под ногами то и дело хрустели ветки.

— Как же это такое: вы говорите, что сами из Энска, а сами здешних мест не знаете?

— Гу-гу-гу-гу... — доносилось в ответ.

Скоро мы свернули на еще более темную тропинку, уходящую влево.

Мы поняли, что незачем прятаться за деревьями, когда и так в пяти метрах ничего не видно. Ветки перестали трещать под ногами. Можно было ближе подойти к Тимошке и «диверсанту».

Тимошка долго молчал. Потом с расстановкой, коварным тоном спросил:

— Та-ак, дяденька... Значит, вы, дяденька, из Свердловска недавно приехали? Интересно, где это такое Свердловск?

Тут впервые мы ясно услышали голос незнакомца:

— На Урале. Пора бы знать!

Этот голос, глухой и ворчливый, я где-то уже слышал. Во многих книжках герои встречают подозрительных незнакомцев со знакомым голосом, и всегда из этого выходит что-нибудь особенное. У меня ноги ослабели от волнения. А тут еще Оська почему-то вцепился мне в руку выше локтя и крепко сжал ее.

— Н-нда!.. — протянул Тимошка. — Прейхен зи дойч?

— Не «прейхен зи дойч», а «шпрехен зи дойч»! — проворчал «диверсант».

— Странно! — тихонько забормотал председатель. — Знаете, товарищи... Удивительно знакомый голос!

— Да ну-у?

— Чей?

— Знаете... Я, конечно, может быть, и ошибаюсь, но только этот голос... он очень похож на голос нашего соседа.

— Инженера? — сразу вспомнил я.

Оська утвердительно кивнул головой.

Долго после этого мы шли молча, прислушиваясь к разговору Тимошки с незнакомцем, который хмуро, неохотно отвечал на вопросы завснаба. Мы узнали, что он ездил в Пичуж-

ки, где лесопилка готовила большую партию досок для Дома культуры, что доски оказались отличного качества, но что в этом мало толку: нехватает транспорта для их доставки.

Тимошка еще раз попытался поймать незнакомца.

— Странно! — сказал он. — На всяком строительстве бывает отдел снабжения, а вы сами поехали за досками!

— Я не могу ждать, когда снабженцы вернутся из командировок, — ответил инженер.

Тимошка перестал спрашивать. Как видно, он тоже все понял и приуныл.

— Влипли! — вздохнул Яшка.

Я тронул председателя за плечо:

— Ося, чего уж там!.. Скажи ему!

— Ну как я ему скажу? Ты подумай, как я ему скажу! Уже километра два прошли!

Лес кончился. Потянулись сизые от света луны, словно дымкой затянутые поля. Стоило Оськиному соседу оглянуться, и он заметил бы нас. Но никто теперь не думал об этом. Мы плелись со своими топорами, еле передвигая ноги, чувствуя себя в таком идиотском положении, в каком еще никто из нас не бывал.

Тимошка некоторое время тащился молча рядом с инженером. Потом мы заметили, что он начал постепенно отставать от своего спутника. Вот он остановился... Вот принялся тихонько-тихонько пятиться назад... Не тут-то было! Инженер оглянулся.

— Вы что? — спросил он басом.

Стоя среди дороги, завснаб похлопывал себя руками по бедрам и молчал.

— Что у вас там?

— Дяденька!.. Дяденька, я вас не туда завел, — громким, каким-то отчаянным голосом сказал завснаб.

— Гм! Как не туда завели?

— Я... я нечаянно вас завел. Потому что мы приняли вас за подозрительную личность и завели.

— Чудак! — пробормотал Андрей. — Сказал бы, что с дороги сбился.

То идя бочком, то пятясь задом, завснаб отступил к нам.

— Ребята! Знаете, какое ужасное, роковое совпадение... — начал было он.

— Знаем. Помолчи! — оборвал его Яшка.

Все увидели, что инженер тоже приближается к нам.

— Не понимаю, что вы говорите, — гудел его бас: — «куда-то завели», «подозрительная личность»... Что все это... Гм!

Он остановился в нескольких шагах, оглядывая сквозь очки всю нашу вооруженную команду.

Яшка вытолкнул Оську вперед.

Держа в опущенной руке топор, председатель постоял молча перед инженером и наконец выдавил:

— Здравствуйте, товарищ Ковчegov...

— Здрав-ствуй-те! — настороженно произнес инженер.

— Товарищ Ковчegov, вы меня не узнаете?.. Я Ося Димин... В одной с вами квартире... Товарищ Ковчegov, мы перед вами извиняемся, потому что получилась большая ошибка. Мы...

Оська долго и путано объяснял, в чем дело. И все это время инженер Ковчegov молчал. Высокий, сутулый, он стоял, глубоко засунув руки в карманы пальто, и смотрел сверху вниз на маленького Оську. Молчал инженер и когда председатель кончил свои объяснения. Он расстегнул пуговицы пальто, извлек откуда-то большие часы, послушал, как они тикают, и долго рассматривал циферблат.

— Безобразие! — сказал он медленно, пряча часы обратно. — Безобразие!

— Товарищ Ковчegov, мы же... вот честное слово, мы же не из хулиганства! — сказал Тимошка. — Вот мы сейчас все вас на станцию проводим. Верно, ребята?

Инженер медленно застегивал пуговицы на пальто.

— Далеко отсюда до станции? — спросил он, ни на кого не глядя.

— Нет, товарищ Ковчegov, не очень чтоб далеко. Оттуда,

где мы с вами повстречались, километров шесть, а отсюда — восемь, ну восемь с гаком.

— Оpozдал на поезд! Четверть десятого.

— Так на поезд вы все равно опоздали. Он, небось, часов в семь отходит.

— В десять пять отходит.

Помолчали. Тимошка пробормотал, что если пошибче бежать, то еще, может, успели бы. Но инженер только засопел в ответ:

— Где дорога на Пичужки?

Мы сказали, что эта дорога ведет в Пичужки.

Ковчegov сунул руки в карманы пальто.

— Бе-зо-бразие! — прогудел он, уставившись очками в землю. — Безобразие! Издевательство над пожилым человеком. — И, повернувшись, он побрел от нас в сторону Пичужек, шаркая ногами по земле.

С минуту мы смотрели ему вслед. У всех были грустные лица. Тимошка то сдвигал на затылок кепку, то натягивал ее на лоб. Оська задумчиво постукивал ногтем большого пальца по зубам. Вдруг он весь напряжился, посмотрел на нас, открыл было рот, закрыл его, пригнулся и, словно бегун на короткую дистанцию, помчался за удаляющимся инженером.

Долго мы напрягали глаза и вслух гадали, о чем говорит наш председатель с Ковчegovым. Наконец все увидели, что Оська идет обратно, и идет не один: за ним следует инженер.

Никогда я не видел у Оськи такой веселой физиономии.

— Вот и всё! Я все уладил. Товарищ Ковчegov поедет с нами на плотax и приедет в город раньше, чем с завтрашним поездом.

Все пришли в восторг. Все хвалили председателя. Только один инженер был угрюм.

— Гм! Что, собственно, за плоты? Сомнительно, знаете ли, чтобы на них быстрее.

Мы хором стали расхваливать плоты и уверяли инженера, что в один миг домчимся на них до города, словно это были

не плоты, а скоростные глissеры. Инженер подумал и пробор-мотал, что «пожалуй, больше ничего не остается».

Тимошка и Андрей побежали вперед — разводить костер, а мы, окружив товарища Ковчегова, словно свита сказочного принца, повели его на стоянку. Всю дорогу Яшка накручивал ручку своего прожектора, светя им под ноги инженеру.

У костра товарищ Ковчegov очень внимательно осмотрел приготовленную для него постель и только после этого сел на нее. Мы ухаживали за ним изо всех сил: Тимошка налил из котелка в кружку горячего чая, Андрей обтер и положил на газету перед инженером с десятков печеных картофелин, я добавил пару свежих огурцов. Товарищ Ковчegov извлек из кармана сверток, развернул три бутерброда с маслом, один из них взял себе, а два протянул Оське:

— Угощайтесь. Делитесь. Чем могу.

Мы поблагодарили и отказались. Поужинав, товарищ Ковчegov снял шляпу, подстелил под голову кашне и лег спиной к огню.

Мы сидели тихо и некоторое время не могли понять, спит инженер или нет. Он начал было похрапывать и вдруг громко сказал: «Удивительно! Чорт знает, что такое!» Похрапел еще немного, повернулся на спину и проворчал: «Формализм!»

Наконец мы поняли, что это он во сне. Оська отполз в сторону и поманил за собою нас.

— Здорово? — прошептал он.

— Здорово!

— Знаете, ребята, что это значит? — сказал Андрюшка, подняв указательный палец. — Это значит, что теперь он наш.

— Ага! Теперь его только сагитировать... Оська, ты завтра с утра валяй агитируй его, а мы будем работать.

Но председатель ответил, что агитировать он будет, когда мы приедем в город и у инженера исправится настроение.

Мы решили не спать и с зарей начать работу. Рассвет приближался. Небо над нами было еще темное, с яркими звездами и Млечным путем, но на востоке оно уже стало светло-

зеленым, и на этом посветлевшем куске резко выделялись черные ели.

— Опять подгорело! — огорченно пробасил во сне инженер.

Глава X

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК ОСИПА ДИМИНА

Часам к девяти (вместо семи, по нашим расчетам) все двадцать бревен были готовы. Еще часа полтора мы возились по пояс в воде, увязая ногами в тине, подгоняя тяжелые бревна друг к другу. Связанные веревками плоты получились хлипкими, каждое бревно болталось отдельно от остальных, но мы были довольны.

Мы всем вообще были довольны: и тем, что солнце успело обжечь нам спины, и тем, что от холодной воды кожа наша стала синей и пузыристой, как у общипанных кур, и тем, что все перемазались клейкой смолой и ободрались о многопудовые бревна, которые, стучаясь между собой в воде, всегда готовы были отдавить нам руки. Никому не хотелось спать, может быть от холодной воды, может быть от пахучего лесного воздуха.

Но вот у Гаврилы Игнатьевича (так звали инженера) настроение было неважное. Он встал рано и сразу насупился, узнав, что плоты еще не готовы, что их еще нужно вязать.

Он не спрашивал, зачем нам бревна, и мы ему ничего не говорили. Сняв пальто и шляпу, оставшись в темносером костюме, он то стоял неподвижно, исподлобья следя за нашей работой, то прохаживался по берегу, по-стариковски сгибая ноги и поглаживая рукой поясницу.

Но вот два плота были готовы. Капитаном большего из них мы выбрали Яшу, капитаном меньшего — Тимофея, который утверждал, что имеет большой опыт мореходства, потому что всю весну 1941 года плавал на оторванных воротах в Ершовом пруду.

Он назвал свой плот «Таран», а плот Яшки, на котором должен был плыть командир эскадры Оська, стал называться флагман «Варяг».

Яшка втащил на флагман большой чурбан — сиденье для инженера — и обратился к Гавриле Игнатьевичу:

— Пожалуйста, садитесь!

Инженер подвигал усами, помолчал.

— Не знаю... Пожалуй, мне все-таки лучше поездом. Я предполагал, что это действительно плоты, а это, знаете ли... — И он потрогал ногой крайнее бревно.

Мы принялись убеждать его, что плот очень прочный, что он лишь с виду такой хлипкий и что мы доплывем на нем до города часам к двум-трем дня.

Ковчegov постоял в раздумье и ступил на плот, который так и заходил ходуном. Ворча что-то себе под нос, инженер постелил на чурбан свернутое пальто и уселся на него, держа спину прямо и положив ладони на острые колени.

Все мы, вооруженные шестами, разместились на плотях.

— Давай отвязывай! — скомандовал Яшка.

Я отвязал веревку от куста, к которому был привязан «Варяг».

— Отдать концы! — закричал Тимошка.

Мишка Арбузов проделал то же на «Таране», стоявшем впереди.

— Толкани его на середку! — сказал капитан флагмана.

— Пр-раво руля, бом-брам!.. Пр-раво на борт! — завопил Тимошка.

Мы оттолкнули плоты от берега.

— Пошел помаленьку!

— Машина, полный вперед! Рр-руль под ветер!.. Оськ! Товарищ адмирал! Какой курс держать?

Оська достал компас и справился по нему, в какую сторону течет река.

— Курс норд-норд-ост!

— Есть курс норд-норд-ост! Самый полный вперед!

Мы заработали шестами, подгоняя плившие по течению плоты. Сначала они плохо слушались нас: то становились к течению боком, то шли кормой вперед, то вдруг утыкались в берег, но скоро мы научились ими управлять. Плоты прибавили скорость, и листья кувшинок, росшие у берегов, ветки деревьев над нашими головами быстро поползли назад.

Сначала мы все, вплоть до адмирала, отталкивались шестами, но потом решили разбиться на смены. Пока одна смена отбывала вахту, свободные члены команды лежали на теплых клейких бревнах, между которыми хлопала вода, и смотрели на дно мелкой речки, где бесшумно и, казалось, очень быстро проносились мимо темные коряги, вспыхивали и гасли белые половинки ракушек и бросались в стороны от плота едва заметные стайки рыб.

Однако Оська недолго дал нам бездельничать. Он придумывал множество всяких штук, которые мы должны были проделывать, чтобы как следует изучить речку Уклею и потом опубликовать результаты научных трудов экспедиции в «Пионерской правде».

— Извиняюсь, Гаврила Игнатьевич! Дайте, пожалуйста, на минуту ваши часы, — обратился Оська к инженеру.

— Гм! Собственно, зачем вам часы?

— Скорость течения измерить. И скорость движения плота.

Гаврила Игнатьевич достал часы, но Оське их не дал.

— Часы эти, знаете ли, мне очень дороги. Скажите, когда будет нужно, я замечу время. А в руки... Гм! Не хотел бы.

Я читал, что лаг — это инструмент, который укрепляется на корме судна для определения скорости хода. Но Оська предложил мне самому сделаться лагом особой конструкции. Вернее, даже не лагом, а только одной его деталью.

Он достал катушку с ниткой, надел ее на палочку, чтобы она свободно вертелась, и конец нитки дал мне:

— Прыгай в воду и стой неподвижно!.. Гаврила Игнатьевич, засекайте, пожалуйста, время, когда он прыгнет, и через

пятнадцать секунд скажите «стоп»... А вы шестами не толкайтесь! Сейчас мы измерим только скорость течения.

Я бултыхнулся с кормы и стоял по пояс в воде. Нитка начала разматываться с катушки. Когда инженер сказал «стоп», я отпустил ее конец и, бегом догнав плот, взобрался на него. Оська измерил отмотавшуюся часть нитки и после долгих вычислений объявил:

— Скорость течения в этом месте 3781,9 метра в час.

После этого адмирал приказал снова работать шестами. Он стал измерять скорость хода «Варяга» при работе одного мотора (шеста) и при работе двух моторов, и не просто скорость, а скорость среднюю и предельную. Я прыгал, прыгал, весь посинел и наконец влетел в глубокий омут и чуть не утонул, потому что плаваю неважно.

Все, конечно, очень перепугались, увидев, что «лаг» исчез под водой и долго не появляется. Выбравшись из ямы, я увидел, что инженер стоит, широко расставив длинные ноги и подавшись туловищем к корме. Когда я взобрался на плот, он снова сел и спрятал часы.

— Однако, знаете ли, довольно! Тут — гм! — и до несчастья недалеко.

Но мы продолжали измерять скорость, вслух отсчитывая секунды, причем «лагом» теперь служили все по очереди, в том числе и адмирал.

Тимошка на своем «Таране» вел промеры лотом, то-есть измерял шестом глубину реки. Оська время от времени садился на чурбан рядом с инженером и делал записи в путевом журнале.

Сначала все шло хорошо. Даже Гаврила Игнатьевич выглядел уже не таким мрачным. Он, правда, ничего не говорил, но внимательно следил за всем, что мы делали, поворачиваясь всем туловищем то к одному, то к другому из нас, и пристально разглядывал каждого сквозь овальные очки. Иногда он хмыкал и потирал ладонями колени.

Однако наше плавание оказалось далеко не таким счаст-

ливым, как можно было предполагать. Вот записки из путевого журнала нашего начальника экспедиции. Написанные огрызком карандаша в тетрадке, пропитанной соленой морской¹ водой, они представляют для историков очень ценный документ.

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛ

29 мая 1943 года. 12 часов пополудни. Курс прямо на зюйд. Скорость течения 3518 метров в час. Скорость хода 5202 метра в час. Глубина фарватера от 50 до 120 сантиметров.

Берега лесистые. Настроение команды и пассажира бодрое.

13 часов. Курс норд-вест. По моим подсчетам, пройдено уже около двенадцати километров, но пока не замечено признаков близости города. Места незнакомые.

13 час. 35 мин. Курс прямо на ост. Лесистая местность кончилась. Плыдем среди полей. Никаких признаков жилья, за исключением нескольких деревень на горизонте.

Испытываем жажду, но не рискуем пить сырую воду из-за борта. Ширина реки увеличилась втрое. Промеры лотом показали, что глубина не выше колена, а во многих местах — пощиколотку.

14 час. 15 мин. Курс норд-норд-ост. Произошло знаменательное событие. С борта «Тарана» раздался крик: «Человек!» На невысоком холме левого берега все увидели одинокую человеческую фигуру. Человек сначала стоял не шевелясь, наблюдая наши суда в бинокль, потом, с криками и размахивая руками, побежал к воде. Он оказался участником экспедиции Александром Ивушкиным. Идя по плану, нарисованному вчера капитаном Садиковым, он сбился с пути, всю ночь проблуждал в лесах и с рассветом достиг реки. Несмотря на голод и усталость, он решил выполнить свой долг до конца и идти по берегу к городу, чтобы предупредить родных и близких о задержке экспедиции. Это доказывает твердость его ха-

---

¹ Здесь увлекшийся автор явно допускает неточность.

рактера, но нам от этого не легче. Настроение команды упало. Все боятся, что задержка экспедиции вызовет в городе панику.

Ивушкина приняли на борт «Тарана». Он очень отощал и испытывает муки голода. Увы! У нас нет больше ни крошки продовольствия.

15 час. 5 мин. Курс зюйд-зюйд-вест. Пришлось пожертвовать ниткой для лага и сделать из нее лески для удочек. Крючками служат булавки, насадкой — мухи.

Время неизвестно. Курс норд. Не решаюсь спрашивать пассажира Ковчегова, который час, так как у него сильно испортилось настроение. Пассажир Ковчegov утверждает, что мы его завезем «чорт знает куда», потому что река очень извилистая.

Вся команда находится в тревоге. Курс беспрестанно меняется. Пройдено уже километров двадцать пять, но признаков города не видно и места попрежнему незнакомые.

Время неизвестно. Курс зюйд-зюйд-вест. Поймали одного пескаря. Изжарить его не на чем, разводить костер на берегу не имеет смысла. Капитан Садигов перебежал по реке на флагман, разделил пескаря на десять частей и предложил каждому съесть его сырым, утверждая, что всем путешественникам приходится питаться сырым мясом. Он предложил пассажиру Ковчegovу самый большой кусок, но тот попросил оставить его в покое.

Другие члены команды тоже отказались от пищи. Капитан Садигов съел все сам.

Приблизительно через пять минут. Курс норд-вест. Вижу на берегу деревню, сожженную фашистами. Одни только печные трубы да возле них — землянки. Но кое-где уже строят дома.

Отдал распоряжение причалить.

Приблизительно через полчаса. Курс опять зюйд. Продолжаем путь. Положение угрожающее. Деревня называется Ивановкой. Жители ее сообщили нам, что отсюда до города сушей двадцать семь километров, а сколько водным путем — неизве-

стно. Пассажир Ковчегов решил было итти на железнодорожную станцию, но оказалось, что до нее отсюда тридцать один километр. Произошел очень неприятный разговор с пассажиром Ковчеговым. Он сказал, что его теперь привлекут к ответственности за прогул и что нужно выжить из ума, чтобы на старости лет связаться с такими людьми, как мы. Он решил итти пешком в город. Капитан Садиков сказал пассажиру Ковчегову, что он не дойдет голодный и что пусть он лучше останется на плоту, так как плоты будут плыть всю ночь и к утру все-таки должны прибыть в город. Пассажир Ковчегов ничего не ответил, но на плоту остался.

Наблюдаю заход солнца. Снова плывем в лесистой местности. Ширина реки шесть-семь метров. Небо заволакивается тучами. Положение отчаянное. Большинство членов команды, измученные бессонной ночью и голодом, спят. Капитана Садикова сразило желудочное заболевание. Он командует «Тараном», лежа на спине и поджав к животу колени.

Солнце зашло. Пишу в сумерках. Все небо в тучах. Все спят, кроме капитанов, пассажира и меня. «Таран» плывет впереди, никем не управляемый. Капитан Садиков временами издает стоны, но не теряет бодрости духа. Он утверждает, что все болезни пройдут, как только переварится пескарь.

Пассажир Ковчегов оглашает воздух жалобами. Он говорит, что если бы он смог добиться в Пичужках транспорта для досок, то его опоздание на сутки можно было бы оправдать, но сейчас он возвращается ни с чем.

...Только что посоветовал ему доставить доски водным путем. Он как-то странно посмотрел на меня, ничего не ответил и впал в глубокую задумчивость.

Явно приближается шторм. Почти ничего не видно. Необходимо разбудить команду.

Совсем темно. Шторм вот-вот разразится. Слышу могучие раскаты грома. Вся команда работает. Флагман несется по очень узкому фарватеру со скоростью четырех-пяти узлов.

Капитан Садиков, преодолевая страдание, тоже принял

меры: «Таран» ушел далеко вперед и скрылся во мраке. Пишу, стоя рядом с капитаном Кривохижа, на самом носу корабля, при свете прожектора, который хоть и очень слабо, но освещает нам путь. Фарватер узкий и опасный. Много подводных рифов (коряг). На «Таране» нет прожектора. Боюсь, что с ним произойдет ава...

Глава XI

ВОДНЫЙ ПУТЬ ИЗ ПИЧУЖЕК В ЭНСК

На этом путевой журнал начальника экспедиции обрывается. Флагман налетел на что-то и резко остановился. Оська со своим дневником и Яшка с прожектором очутились в воде.

Ни фонаря, ни тетради они не потеряли. Но у динамки намокла обмотка, и она вышла из строя.

— Ничего! — бодро сказал адмирал, влезая на плот. — Пойдем в темноте. Слышите, как гроыхает?.. Полный вперед!

Он сунул раскисший дневник в полевую сумку. Мы налегли на шесты, но плот не двинулся с места, а только повернулся.

— Крепко засел! — проворчал Яша. — Раздевайтесь!

Вся команда разделась и спрыгнула в темную воду.

Мы забыли про голод, про усталость — такая была кругом грозная и мрачная обстановка. Стоял кромешный мрак. Лишь когда сверкала молния, мы видели узкую полоску неба в низких тучах, ветки огромных ветел, висящие над головами, да темные заросли на берегу. Место было довольно глубокое — мне по грудь, и казалось непонятным, что задерживает «Варяга».

Мы кричали, толкали плот, раскачивали его. Даже инженер как-то оживился и встал со своего чурбана:

— Гм, поистине загадочный случай! Может быть, мне сюда перейти? Тогда тот край подыметя...

Но мы уже нащупали корягу, торчащую из глубины, и наконец освободили флагман. Взобравшись на палубу, команда

надела сухое платье. Только адмирал с капитаном остались мокрыми после купанья.

— Этак, знаете ли, простудиться можно, — сказал Гаври-ла Игнатьевич.

— Ничего! Сейчас все вымокнут под дождем. Полный вперед! Нужно догнать «Таран».

Оська был прав: скоро мы чуть не захлебнулись — такой на нас обрушился водопад. Узкая речка то и дело сверкала голубыми вспышками. Наверху гремело и рокотало, словно заградительный огонь зениток. Шум ветра и дождя походил на шипящий свист несущихся в небо снарядов. Фыркающая и чихающая, мы торопливо, вслепую ковырялись в воде шестами. И вот тут-то сквозь шум, грохот и плеск все услышали громкий бас:

— Гм! А вы знаете, это мысль!

— Что-о? — прокричал Оська недалеко от меня.

— Я говорю: это хорошая мысль, знаете ли... доставить доски из Пичужек водой.

Блеснула молния. Я увидел застывшие в разных позах фигуры ребят между светлыми нитями дождя. Через секунду где-то рядом так грохнуло, что, казалось, весь плот подпрыгнул.

— Их можно будет связать пачками, знаете ли... штук по пять. А пачки — в плоты... (Снова удар, от которого я чуть не оглох.) Нижний слой несомненно отсыреет, но это неопасно. Погода жаркая.

Только Оська изредка растерянно поддакивал инженеру. Нам было не до того...

Гроза быстро прошла. Скоро от шума и грохота остались лишь звук падающих капель с деревьев да глухие раскаты вдалеке.

Промокшие насквозь, мы постукивали зубами.

— Вот, чорт!.. — раздался в темноте голос Тимошки. — Куда они делись? Стоп машина! Готовь причал!

Как видно, его пескарь уже переварился.

Мы окликнули «Таран» и тоже пристали к берегу. Плыть

ночью в мокрой одежде было слишком холодно. Гаврила Игнатьевич первый сказал, что нужно развести костер.

Мы высадились на берег. И тут нам здорово повезло.

За деревьями раздался рев и вой автомобильного мотора. Мы пошли на этот звук и увидели пятитонку, застрявшую в грязи на проселочной дороге, а возле нее двух красноармейцев. С четверть часа мы помогали шоферу, рубя топорами сляги и подсовывая их под колеса. Когда же машина выбралась из грязи и ушла, вся наша экспедиция вернулась к реке в самом прекрасном настроении. Гаврила Игнатьевич держал в руках фетровую шляпу, полную грязной картошки, и гудел:

— Поразительная удача! Просто поразительная!

Столько же картошки было в кепке у каждого из нас. А у Якова в кармане лежали еще десять кусочков сахара. Их почти насильно сунул ему шофер, узнав, что мы не ели с утра.

На берегу, под густыми деревьями, нашлось сухое место для костра. Хворост, смоченный коротким ливнем, подымил, пошипел и наконец разгорелся ярким пламенем, и от всех участников экспедиции пошел пар.

В ожидании, пока наберется достаточно золы, чтобы печь картошку, мы держали над огнем промокшие пальто, подставляли к огню спины, бока и ноги и болтали так, словно не было бессонной ночи, целого дня голодовки и работы шестами.

— Теперь, Гаврила Игнатьевич, вы покушаете, обсохнете — и можно в город пешком, — говорил Тимошка.

Мы от шофера узнали, что до Энска по дороге не больше десяти-одиннадцати километров.

Товарищ Ковчегов сидел у костра, подставив к огню ноги.

— Гм!.. Нет. Пожалуй, лучше остаться. Полезно, знаете, лично проследить характер реки. К тому же завтра воскресенье.

Мы объяснили Тимошке, что Гаврила Игнатьевич собирается оплавлять доски по реке. Завснаб пришел от этого в телячий восторг, стал кричать, что это уже второй случай, когда взрослые перенимают его методы работы, и заявил, что

если товарищу Ковчегову нужно, то строительство выделит ему рабочую силу для доставки досок.

— Гм! Благодарствуйте, — медленно сказал инженер. — А что это за строительство?

— Восстановление школы-семилетки. Знаете, которая сгорела.

— Угу! Сомнительно только, чтобы ваше руководство согласилось выделить рабочую силу. Вы какого ведомства?

— Да мы райкома комсомола ведомства. И все наше руководство тут: Оська — председатель, Яша — главный инж... ну, словом, вроде прораба, а я — завснаб.

Товарищ Ковчегов пристально посмотрел на Тимошку:

— Так-так! Значит, у школы небольшие повреждения?

— Вся насквозь сгорела. Только стенки остались.

— Гм!.. Ну, а техническое руководство кто у вас осуществляет?

— Вот в том-то и дело, Гаврила Игнатьевич, самим приходится осуществлять! Мучаемся, мучаемся, работаем, работаем, а руководства нет.

Андрюшка поднял глаза к деревьям, вздохнул и сказал:

— Да, товарищи! Если бы хоть какой-нибудь инженер согласился нами руководить! Хоть часочка по два в день. А то мучаемся, мучаемся...

Он опять принялся глубоко вздыхать, но тут Оська стал ползать за спинами у ребят и толкать их в бока.

— Бросьте свои намеки! — шептал он. — Рано еще. Познакомимся поближе, тогда уж наверняка!

Мы переменяли разговор. У каждого мальчишки есть что рассказать у костра, пока печется картошка и закипает вода в котелке. Пошли рассказы о приключениях в пионерских походах, о происшестввиях в деревнях, куда ребята ездили помогать колхозникам, о всяких случаях в эвакуации и во время боев за Энк.

Оська поведал о том, как у него вспыхнул в мешке самодельный, изготовленный с бертолетовой солью порох, когда он

ехал под лавкой из Свердловска на фронт. А Тимошка рассказал о том, как во время первой воздушной бомбежки Энска он тайком от матери выбрался из убежища и пошел в штаб МПВО — просить, чтобы его приняли связистом. Боясь осколков зенитных снарядов, он надел на голову глиняный горшок. По дороге горшок съехал завснабу на лицо до самого подбородка, и как ни бился Тимошка, ему не удалось освободиться: мешали нос и уши. Была ночь, кругом грохали фугаски и визжали зажигалки, а Тимофей возился на пустой улице со своим горшком и даже колотился головой о стену дома. Потом его нашли санитары, отвели домой и там распилили горшок...

Картошка испеклась, вода вскипела. Все занялись едой.

Держа в одной руке дымящуюся картофелину, инженер жевал так, что усы его ходуном ходили под носом. Съев с десятка картошек, он обтер усы, взял кружку с кипятком и медленно оглядел всех нас:

— Да-а! У меня, знаете ли, был аналогичный случай. Только не с горшком, а с деревянной бадьей...

Мы даже есть перестали, чтобы лучше слышать.

— Как вам известно, существует утверждение, что из глубокого колодца можно днем увидеть звезды. Так вот, мы с братом вознамерились однажды проверить это положение...

— Гаврила Игнатьевич, — сказал Оська, — простите, пожалуйста, что я вас перебил! А сколько лет вам тогда было?

— Сейчас вам скажу... — Инженер откусил кусочек сахара, отхлебнул из кружки и задумался. — Было это в тысяча девятьсот первом году. Сейчас мне пятьдесят четыре. Следовательно, тогда мне было двенадцать, а брату — одиннадцать... Да-а! Пока я садился в бадью, брат кое-как еще удерживал ворот. А спустить меня плавно не смог. Так вот, знаете ли, такова была сила падения, что меня втиснуло в бадью. Плечи, ноги, голова — наружи, а все остальное — в бадье. Из колодца меня тут же извлекли. А из бадьи... знаете ли... пришлось расшивять бадью.

— Д-да!.. — протянул Тимошка. — Это даже похуже моего. Расшиблись, небось, еще, да?

— Не сказал бы. Кожу на теле содрал, но ушибов не помню.

— А... а звезды так и не увидели? — спросил Саша Ивушкин.

— Звезды? Гм!.. Разумеется, не увидел. Позвольте еще полкружки!

Яшка, Толя и Тимошка вскочили, чтобы налить инженеру кипятку.

— Благодарю!.. — Гаврила Игнатьевич поерзал на месте, усаживаясь поудобней, и забасил уже громче и оживленнее: — А что касается побегов из дому, так в наше время все больше в Америку или в Африку. Разумеется, с тем же результатом.

— Ловили?

— Именно. Меня шесть раз ловили. Впрочем, однажды сами вернулись. У брата зуб заболел.

— Расскажите, Гаврила Игнатьевич!

И Гаврила Игнатьевич начал рассказывать. Странно было думать о том, что вот этот усатый, угрюмый дяденька был когда-то таким же мальчишкой, как мы.

А Гаврила Игнатьевич расхотелся все больше и больше. Он смотрел куда-то поверх наших голов, и в глазах его, совсем изменившихся, плясали красные искорки от костра, и такие же искорки плясали на стеклах его очков. Он весь как-то распрямился, казалось стал еще больше, чем прежде; все сильнее жестикулировал, и огромные тени его рук метались по соседним деревьям.

— Меня, знаете ли, вся улица боялась! — гудел он громким, гулким басом и рассказывал нам о подкопе под снежную крепость, о войне реалистов с гимназистами, о побегах в Северную Африку для охоты на львов и об исследованиях заброшенных склепов на кладбище, где, по словам суеверных старушек, таились привидения.

Одежда моя высохла. Я совсем согрелся и прилег, чтобы удобней было слушать. Но я слишком недосыпал все эти дни. Уже сквозь дрему до меня донеслось:

— А вот, знаете ли, еще случай... Был на озере, возле которого мы жили, остров. Так вот, мы с братом решили, что он отвезет меня туда и оставит одного дня на три в качестве Робинзона...

И последнее, что я услышал, прежде чем окончательно заснул, был шопот Тимошки:

— Свой! Да, Оська? Он совсем свой!

Проснулся я, когда солнце уже ярко светило. Все ребята еще спали, уткнувшись головами в животы друг другу, а от костра остались кучи золы и черных головешек да чуть заметный синий дымок.

Позади себя я услышал плеск воды и фыркание. Я обернулся. В мелкой речке, погрузившись по горло в воду, сидел Гаврила Игнатьевич. С усов его текла вода, волосы на голове прилипли к вискам и макушке. Он очень походил на моржа. Он посмотрел на меня:

— Присоединяйтесь! Знаете ли, освежает.

Проснулись и остальные ребята. Не разжигая костра, мы позавтракали оставшейся в золе картошкой, а потом Тимофей прокричал все морские команды, и «Варяг» с «Тараном» отвалили от берега.

После купанья Гаврила Игнатьевич остался в трусах. Он только надел на нос очки и повязал голову носовым платком, сделав четыре узелочка по углам.

Он уже не сидел на чурбане, а вместе с нами занимался промерами глубины, определял на глаз ширину реки и все время расхаживал по шатким бревнам.

— Так вы говорите, что до нас с вами никто не использовал эту реку как транспортное средство? Гм!.. Интересно! Возможно, что наша экспедиция действительно принесет реальную пользу. Я, знаете ли, внесу предложение в райсовет.

К полудню лес опять кончился, потянулись луга и поля.

В одном месте у берега, среди желтых цветов одуванчика, лежал на боку фашистский танк, и по нему мы узнали знакомые места. До города оставалось не больше двух часов пути. На наших плотках поднялось такое ликование, какое поднималось на старинных кораблях при виде земли. Но оно длилось недолго.

Выйдя из леса, река широко разлилась. Повсюду желтели песчаные отмели, только слегка прикрытые водой. За какие-нибудь двадцать минут мы сели на мель три раза.

Гаврила Игнатьевич, высокий, худощавый, белокожий, вместе с нашей загорелой командой шлепал по воде, стаскивая плоты с отмелей, а когда они плыли, разглядывал реку и озабоченно хмыкал:

— Гм! Да, знаете ли... Можно сказать, решается судьба моих досок. Если эти последние километры непроходимы, то... Гм! Вон опять мель... — Он стал у переднего края плота, нагнулся, держась руками за колени. — Нет, пронесло. А вот слева опять... Правее держите! Право руля!.. Теперь можно полный вперед... А теперь лево руля.

Капитан флага Яшка почесал в затылке, озадаченно посмотрел на спину инженера и взял в руки свободный шест. Гаврила Игнатьевич еще ниже наклонился и весь подался вперед:

— Гм! Весьма опасное место! Тихий ход! Право руля! Еще правей!

Мы перестали гнать плот вперед. Теперь отталкивались шестами только те, кто стоял у левого края.

«Прав!..» донеслось вдруг откуда-то с берега.

Я оглянулся. Над глинистым обрывом вышиной с человеческий рост стоял небольшой, похожий на овчарку пес. Он смотрел на нас и помахивал хвостом. Что-то знакомое почудилось мне в его ушах, из которых одно стояло, а другое висело. Но мне было некогда вспоминать. Гаврила Игнатьевич все время кричал то «право руля», то «лево руля», и мы едва успевали выполнять команду. Пес на берегу попрыгал боком

и с громким лаем куда-то умчался. В это время шедший впереди «Таран» сел на мель. Нас несло прямо на него.

— Левее! Еще левее! Лево на борт! — загремел Гаврила Игнатьевич.

Мы поняли, что нам грозит: если «Варяг» ударится о Тимошкин плот, он так засадит его на мель, что потом много будет возни. Мы стали отгонять «Варяга» влево, но там тоже оказалась мель.

— Стоп! Право на борт! Стоп машина!.. Табань! Табань, говорю!

Мы толкнули плот вправо, потом уперлись шестами в дно, стараясь затормозить. Но течение на мелководье было быстрое. Нас волокло к «Тарану».

— Еще табань! Задний ход! — кричал Гаврила Игнатьевич таким голосом, что у меня отдавалось в темени.

Андрюшка и Оська соскочили в реку, сели на дно и уцепились за корму «Варяга». Но такой якорь не помог — их тоже потащило вперед. В суматохе я заметил каких-то людей на берегу, слышал какие-то голоса, но не обращал на них внимания.

— Чорт знает что такое!.. Полный назад! Полный назад!

Мы были уже в трех метрах от «Тарана». Но тут Тимошкина команда прыгнула в воду, уперлась в «Варяга» спереди. Мы общими усилиями остановили флагман и осторожно посадили его на мель рядом с «Тараном».

Гаврила Игнатьевич выпрямился и повернулся к нам. Одной рукой он вытирал вспотевший лоб, а другой поглаживал поясницу:

— Да, знаете ли!.. Это была бы катастрофа.

— Осип! Ося! Отзовешься ты наконец или нет! — донесся женский голос с берега.

Все повернули головы. На берегу стояли Анна Федоровна, моя мама, Андрюшкина старшая сестра Вера и Платон Иванович, одетый в длинную толстовку из сурового холста и черные брюки. Он придерживал у носа пенсне.

— Так, так, Николай! — сказала моя мама. — Очень мило! Очень хорошо! — Она достала из кармана жакета платок и вытерла глаза.

— Ну, Адька, теперь тебе дома будет! — сказала Вера, качая головой.

Плот задрожал. Это прыгал на одной ноге Гаврила Игнатьевич, надевая брюки. Лицо и шея его были темнокрасного цвета.

— Иди сюда, негодный мальчишка! — приказала мама. — Похудел-то как за эти дни!

Один за другим мы побрели к берегу получать нагоняй.

— Ну, есть ли у тебя, Осип, что-нибудь, кроме ветра, в голове! — говорила Анна Федоровна. — Милицию на ноги поставили! Весь город в волнении был, пока эта ваша Галина не перестала врать, будто не знает, куда вы делись.

— Нехорошо, голубчики! Очень плохо! — твердил Платон Иванович. — Нужно более бережно относиться к своим близким. Особенно в наши тяжелые дни. И к вам, товарищ... простите, не знаю вашего имени и отчества... и к вам обращаюсь. Ну как, в самом деле, можно увозить детей почти на трое суток, не предупредив об этом родителей! Для меня это в высшей степени странно.

Гаврила Игнатьевич не перешел с нами на берег. Он надел брюки, плотно запахнул пальто на голой груди и хмуро смотрел на нас из-под полей шляпы.

— Да, товарищ Ковчегов! — подтвердила Анна Федоровна. — От кого, от кого, а от вас не ожидала такого легкомыслия. Мы две ночи не спали. А сегодня, вместо того чтоб отдохнуть в воскресенье, прошли восемь километров, разыскивая детей.

Гаврила Игнатьевич сунул руки в карманы пальто, поднял плечи.

— Я никакого отношения к этим детям не имел и не имею, — проговорил он прежним, ворчливым голосом.

Анна Федоровна удивленно уставилась на него:

— Никакого отношения не имеете, а, однако, возите их на этих плотках? Как же это так, товарищ дорогой? А потом я сама видела, как вот он, Николай, выходил однажды утром из вашей комнаты! Он мне сам тогда сказал, что был у вас по какому-то делу. И, наконец, сейчас...

— Никакого отношения не имел и никакого отношения к этим детям не имею! — уже совсем сердито сказал Гаврила Игнатьевич.

Тут мы все наперебой принялись рассказывать о том, как встретили Гаврилу Игнатьевича в лесу, как приняли его за диверсанта, и как он опоздал по нашей вине на поезд, и как я залез к нему в окно...

Мама наши сначала слушали серьезно, а потом стали смеяться.

Анна Федоровна то и дело повторяла:

— Только мой Осип может такое выдумать!

А моя мама твердила:

— Это только с Николаем подобное может случиться!

— Нда-с, голубчики! — сказал Платон Иванович. — Все это лишь доказывает, что вы хоть и милейшие люди, но ветра в головах у вас хоть отбавляй. — Он повернулся к Ковчегу: — Вы уж извините нас, товарищ! Совершенно напрасно мы на вас набросились...

— Пожалуйста, — буркнул инженер.

— Ну, хорошо все, что хорошо кончается! — сказала моя мама. — Давайте трогаться в обратный путь.

Анна Федоровна сказала, что нужно сначала отдохнуть, что она уже ног не чувствует. Тимошка предложил всем плыть на плотках, и мы, конечно, поддержали это предложение. Учитель и мамы поколебались немного и согласились, но Вера заявила, что должна доставить Андрюшку домой как можно быстрее, и ушла с ним и очень веселым Корсаром.

Взрослые присели на траву, разулись. Засучив брюки и держа в каждой руке по ботинку, Платон Иванович первым направился к плоту.

— Оригинально! — бормотал он. — Впервые в жизни буду путешествовать подобным образом. Действительно, оригинально!

Мы перенесли на «Таран» чурбан и усадили на него обеих мам. Снять плоты с мели оказалось делом нетрудным. Мимо опять поплыли то глинистые, то песчаные берега, поля картошки, поля ржи и овса, по которым ветер гнал медленную зыбь.

Гаврила Игнатьевич стоял на плоту угрюмый, отвернувшись ото всех. Зато Платон Иванович, как видно, был очень доволен поездкой. Он непрерывно расхаживал по плоту, обо всем расспрашивал, а подойдя ко мне, сказал:

— Ну-ка, голубчик, одолжи на минутку твой шест. Интересно, что у меня получится.

Всех ребят это очень развеселило, и даже Гаврила Игнатьевич, стоявший до сих пор неподвижно, оглянулся на учителя, вынул руки из карманов, заложил их за спину и сказал: «Гм!»

Поработав немного шестом, Платон Иванович вернул его мне и как-то незаметно очутился рядом с инженером.

— Простите, товарищ... ваше имя и отчество? — сказал он, стоя боком к Ковчегову и искоса поглядывая на него.

— Гаврила Игнатьевич.

— Очень приятно! Платон Иванович Кудрявцев, преподаватель литературы.

Инженер что-то буркнул в ответ. Оба помолчали. Учитель достал пенсне из бокового кармана толстовки и начал протирать его платком.

— Если не ошибаюсь, вы, Гаврила Игнатьевич, инженер?

— Инженер.

— Строитель?

— Строитель.

— Так-так!.. — Платон Иванович надел пенсне на нос, но тут же снял его и сунул обратно в карман. — А мне, по правде сказать, даже несколько жаль, что вы не имеете никакого

отношения к моим ребятам. Я... Я питал даже некоторые надежды на ваше участие.

— В чем, собственно?

— На ваше участие в восстановлении школы.

— Что-о?! — вскрикнул Оська. — Какой школы?

Платон Иванович улыбнулся:

— Нашей, нашей школы. А какой же, ты думал?

Все побросали шесты. Все окружили Платона Ивановича, засыпали его вопросами. Но он сделал серьезное лицо, захлопал в ладоши, возвысил голос:

— Уважаемые товарищи, приучайтесь вести себя, как цивилизованные люди, где бы вы ни находились: в классе или на плоту!

Мы сразу утихли. Помолчав немного, Платон Иванович серьезно, очень по-деловому заговорил:

— Видите ли, Гаврила Игнатьевич... Группа активистов-пионеров, учеников нашей разрушенной семилетки, задумала несколько фантастическое, на первый взгляд, предприятие: восстановить силами ребят сгоревшую школу. Взялись они за это дело с величайшим энтузиазмом, с превеликой энергией. В райкоме комсомола об этом узнали и рассудили так: глушить подобную патриотическую инициативу было бы просто преступно. Вместе с тем ясно, что детям одним подобная задача, конечно, не под силу. Как же быть?.. Детям не под силу, но если взрослые им помогут — родители, сотрудники детских учреждений, комсомольцы, — то это уже будет нечто вполне реальное. Третьего дня в райкоме состоялось совещание инициативной группы родителей, педагогов и комсомольцев, на котором принято решение отстроить школу в этом году, дать детям возможность учиться нормально, а не в три смены.

Теперь уже Платон Иванович ничего не говорил о цивилизованных людях. Никогда я не думал, чтобы пятеро мальчишек могли так громко кричать «ура»! Яков стал на руки и начал болтать в воздухе ногами. На «Таране», шедшем в сотне метров впереди, заволновались. Тимошка принялся смотреть

на нас в половинку бинокля. Скоро и с «Тарана» донеслось «ура», и капитан Садиков проделал такую же штуку, как Яшка. Наверное, мамы объяснили там, в чем дело. Сквозь шум и гам я услышал какие-то глухие, кудахтающие звуки: это смеялся товарищ Ковчegov, смеялся сдержанно, не разжимая рта.

Но вот все утихло и повернулись к инженеру. Он сразу насутился. Мы ждали. Гаврила Игнатьевич с минуту рассматривал что-то на берегу и шевелил усами:

— Гм!.. А что, собственно, от меня требуется?

— Видите ли, вы человек квалифицированный, вы инженер-строитель. И если бы вы согласились помочь нам своими знаниями, опытом...

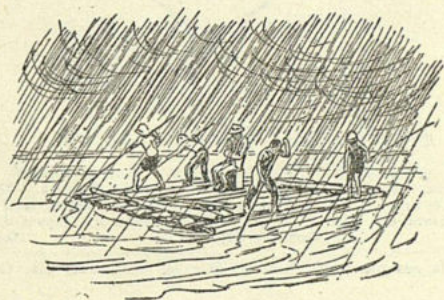
Платон Иванович умолк. И опять очень долго молчал Гаврила Игнатьевич.

— Гм!.. Собственно говоря, свободное время у меня бывает. Если горисполком не будет возражать... Я, знаете ли, люблю молодежь. Она...

Он вдруг повернулся и с испуганным лицом уставился вниз по течению:

— Табань! Табань!.. Стоп машина! Табань!

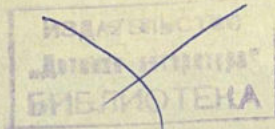
Впереди, совсем близко от нас, сидел на мели «Таран». Нас несло прямо на него. Там ругался капитан Садиков, отчаянно суетилась команда и что-то кричали две испуганные мамы.

СОДЕРЖАНИЕ

Невиданная птица	3
Важное донесение	23
Белая крыса	40
Песок	55
«Человек без нервов»	68
«Архимед» Вовки Грушина	81
«Крокодиленок»	99
Райкины «пленники»	117
Гадюка	126
«Калуга — Марс»	137
Про наши дела	159

98952

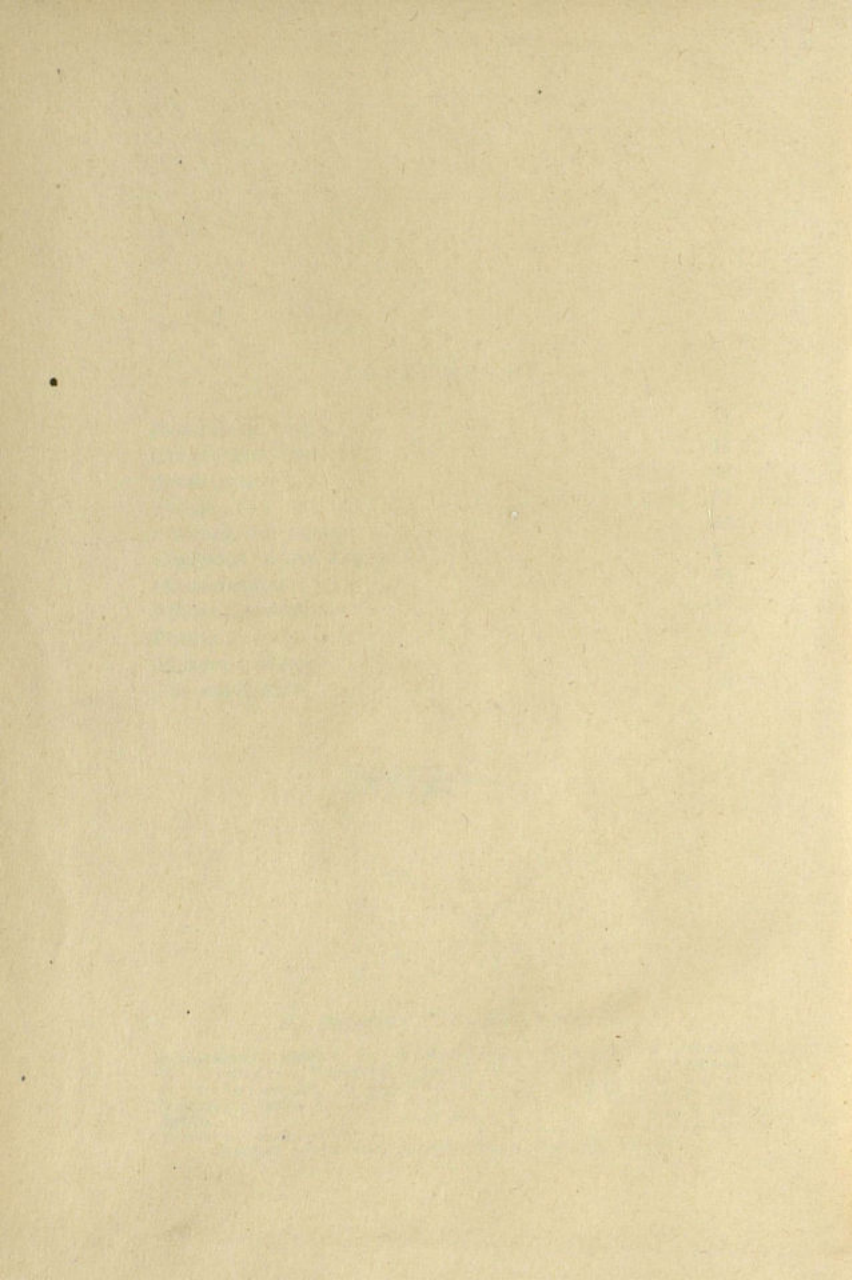
ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Е. Бобрышева. Художественный редактор П. Суворов. Технический редактор И. Леканова. Корректоры Е. Кайрукшис и Ю. Носова. Сдано в набор 3/XI 1949 г. Подписано к печати 4/II 1950 г. 16 п. л. (12,29 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз. А00774. Заказ № 3246. Цена 8 руб.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

~~98952~~

~~ИЗДАТЕЛЬСТВО
„АПОСТОЛ“ ИЛЮСТРАЦИЯ
БИБЛИОТЕКА~~

31

3002

Цена ~~8 руб.~~

C67